H. mon. 731 k

Н. Ист. 731 к

Сочинение
А. С. Норова

ПУТЕШЕСТВІЕ

КО

СВ. МѢСТАМЪ

РУССКИМЪ.

Staatsbibliothek München

26 ; ,,

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПУТЕШЕСТВІЕ

КО

СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ

РУССКИШЪ.

Третіе изданіе.

С. П. Б.

1840.

[Murav'ev, Andrej Nikolaevič].

Отъ Санктпетербургскаго Комитета для Цензуры Духовныхъ книгъ печатать позволяется. Февраля 1 дня 1840 года.

Цензоръ, С Петербургской Семинаріи
Ректоръ Архимандритъ Аѳонасій.

Bayerische Staatsbibliothek München

ТИПОГРАФІЯ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

Fg 186 50045

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Троицкая Лавра 1

Ростовъ. 63

Новый Іерусалимъ 86

Осиповъ Монастырь 121

Валаамъ 130

Новгородъ 157

Кремль. 164

Воспоминанія о посѣщеніи Святыни Московской

Государемъ Наслѣдникомъ 169

Чудовъ. 173

Донской и Даниловъ 175

Новый Іерусалимъ 183

Саввинъ Монастырь 192

Грановитая палата 195

Троицкая лавра 197

Соборъ Успенскій 210

Стран

Патріаршая ризница 229
Теремныя церкви 234
Спасъ на бору 248
Чудовъ 250

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сіе краткое описаніе нѣкоторыхъ обителей Русскихъ можетъ отчасти служить продолженіемъ моему путешествію ко Святымъ мѣстамъ, потому что въ Палестинѣ возникло во мнѣ желаніе посѣтить ихъ. Помню, какъ смутили меня иноки Іерусалимскіе, когда во время заключенія въ храмѣ Св. гроба, они начали спрашивать у меня о Троицкой Лаврѣ, и я долженъ былъ имъ признаться, что хотя родился въ Москвѣ, но никогда не видѣлъ сей родственной святыни, близкой сердцу каждаго Русскаго и знаменитой по всѣмъ странамъ. Тогда же далъ я обѣщаніе сходить въ Лавру, по возвращеніи въ отечество, и я уже имѣлъ случай дважды ее посѣтить.

Равнымъ образомъ и Новый Іерусалимъ, который я видѣлъ прежде, нежели былъ на Востокѣ, получилъ для меня тамъ новую занимательность. Посреди храма Воскресенія, мнѣ утѣшительно было расказывать братіи Палестинской, что и у насъ въ Россіи есть подобіе ихъ великой святыни, и какъ повѣрялъ я мысленно въ древнемъ Іерусалимѣ зданія новаго, такъ пожелалъ я, и по моемъ возвращеніи, опять на него взглянуть, при свѣжихъ еще впечатлѣніяхъ древняго, чтобы утѣшить сердце священнымъ сходствомъ обоихъ.

Монастырь Валаама, хотя и не составляетъ одного цѣлаго съ описаніемъ Лавры и Новаго Іерусалима, но присоединенъ къ нимъ, какъ первый мой опытъ о знаменитыхъ обителяхъ Русскихъ. — Если время и обстоятельства позволятъ, я буду стараться описывать самыя любопытныя изъ нихъ, по мѣрѣ посѣщенія, и предлагая сіи начатки, испрашиваю снисхожденія читателей.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Лѣтняя ночь осѣнила Лавру и сквозь прозрачный сумракъ еще въ большемъ величіи возвышались древніе соборы и башни. Двѣ изъ нихъ, какъ два бѣлые исполина, стояли по краямъ южной ограды, надъ которою устроена длинная галлерея отъ Архіерейскихъ покоевъ;—я ходилъ по ней уединенно, и наслаждался картиною ночи. Все засыпало въ Лаврѣ послѣ долгаго всенощнаго бдѣнія; еще быть можетъ иные старцы стояли на молитвѣ въ келліяхъ, но тайною оставалась ихъ молитва. Мало по малу утихала окрестность, такъ что и слабѣйшій слышался шорохъ, и воздухъ наполнялся странными звуками, которые доступны слуху только въ совершенной тишинѣ ночи. Свѣжесть ея росистыхъ испареній

растворялась еще ароматнымъ запахомъ сѣна, скошеннаго кругомъ ограды. Съ одной стороны высокій Архіерейскій теремъ и готическая трапеза Св. Сергія, гдѣ предъ его иконою теплилась одинокая лампада, закрывали отъ меня прочія зданія Лавры; но въ тѣсномъ ихъ промежуткѣ, легко стремилась къ небу величественная колокольня въ златомъ вѣнцѣ своемъ, и двѣ златыя главы Троицкаго собора, надъ мощами святыхъ двухъ Игуменовъ, сіяли въ ясномъ небѣ, какъ ихъ невечерняя слава.

Молодой мѣсяцъ, въ колыбели облаковъ, выглядывалъ изъ-за остроконечной крыши древней Водяной башни и кротко озарялъ предо мною окрестность. Садъ монастырскій, у самой подошвы высокой стѣны, обсаженный аллеями липъ и окруженный прудомъ Келарскимъ и Московскою дорогою, за ними, на крутомъ берегу рѣчки Кончуры и на лѣтописныхъ высотахъ Волкуши, пять церквей Троицкаго посада съ ихъ слободами, а еще далѣе обширныя поля и рощи, разсѣянныя по оврагамъ, — такой пространный обзоръ развивался съ высокой терасы.

Кое-гдѣ между деревъ еще мелькали огни въ домахъ посадскихъ, постепенно угасая; иногда нечаянно отзывался вдали человѣческій голосъ и казался близкимъ посреди всеобщаго безмолвія, или внезапный лай чуткихъ собакъ обличалъ невидимое присутствіе мимоидущихъ

запоздалыхъ богомольцевъ. Иногда топотъ копытъ и стукъ колесъ глухо будилъ гулъ на сосѣднемъ мосту, и встревоженный сторожъ сонною рукою начиналъ стучать въ свою доску; или былъ слышенъ пронзительный крикъ ворона въ башнѣ и шумъ его крылъ, біющихъ объ желѣзную крышу. Изрѣдка заливался вдали почтовый колокольчикъ по Московской дорогѣ и звонко приближался къ Лаврѣ, которая отъ времени до времени отвѣчала ему гармоническою октавою своего часоваго колокола,—и потомъ все опять замолкало.

Это только впечатлѣнія внѣшнія; но кто выразитъ всѣ тайныя чувства, волнующія грудь посреди подобной древности, подобной святыни? Они приростаютъ къ сердцу и не идутъ съ языка! Часто нѣмѣетъ онъ и для выраженія одного великаго подвига; а здѣсь пять славныхъ вѣковъ подавляютъ душу грузомъ своихъ событій, здѣсь представляются воображенію двѣ таинственныя лѣствицы: — одна, по безчисленнымъ ступенямъ дѣяній, глубоко низводитъ на дно священной старины Русской, другая молитвенно возводитъ къ небу, рядомъ чудесныхъ подвиговъ Св. Сергія, уже въ ангельскомъ его санѣ заступника своей родины, — и, въ созерцаніи обѣихъ, смущается мысль, блуждая въ дольнихъ, теряясь въ горнихъ! Сочувствіе сихъ двухъ міровъ: былаго, гдѣ все уже обратилось въ призракъ, и вѣчнаго, гдѣ все живетъ не нашею жизнію, проникаетъ

невольнымъ трепетомъ душу въ столь торжественныя минуты, и кладетъ на уста молитву, сію связь и языкъ всѣхъ временъ и міровъ!

Такъ протекла для меня часть ночи; на слѣдующее утро до литургіи пошелъ я, по обычаю, воздать ежедневное поклоненіе угоднику, какъ дѣйствительному и донынѣ Игумену своей Лавры, и желая сохранить въ памяти внѣшнюю и внутреннюю красоту храма, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ осматривалъ его завѣтную святыню, краеугольный камень царства Московскаго и всея Руси. У самаго входа, на правой сторонѣ, почиваетъ въ своей малой придѣльной церкви, основатель собора, преподобный Никонъ, ученикъ и преемникъ Сергія, смиренно стрегущій покой своего наставника, соблюдая и по смерти небесную заповѣдь: «нѣсть ученикъ болій учителя!»

По лѣвую сторону входа, пристроена къ южной стѣнѣ собора каменная палатка, на мѣстѣ бывшей убогой келліи Св. Сергія, гдѣ удостоила его своимъ явленіемъ Божія Матерь. Внутри палатки три каменные гроба: одинъ Іоасафа Скрипицына, изъ Игумена Лавры возведеннаго въ Митрополиты Всероссійскіе и потомъ, по смутамъ бояръ въ малолѣтство грознаго Іоанна, сосланнаго въ свою прежнюю обитель; другой Св. Серапіона, избраннаго также отселѣ въ Архіепископы Новгороду, ибо Лавра не переставала дарить своихъ иноковъ престоламъ Святительскимъ, и потомъ

отлученнаго отъ эпархіи при Василіѣ Іоанновичѣ, за взаимныя огорченія съ Св. Іосифомъ Волоколамскимъ, прекратившіяся еще въ здѣшней жизни; третій гробъ славнѣйшаго изъ Архимандритовъ Лавры, Св. Діонисія, который вмѣстѣ съ Келаремъ Авраміемъ спасъ отечество отъ Поляковъ.— Невольно ищешь и Келаревой гробницы, но она утаена въ пустынѣ Соловецкой. Тамъ былъ постриженъ Аврамій, туда возвратился онъ на свое обѣщаніе, исполненный дней и дѣяній!

Кругомъ всѣ стѣны келліи исписаны пустынными подвигами Св. Сергія: вотъ таинственный мужъ даетъ неопытному отроку даръ изучать письмена; вотъ онъ уже избралъ себѣ дикое уединеніе и дѣлится пищею съ лѣсными звѣрями: здѣсь собравшаяся братія умоляетъ его быть ихъ наставникомъ, и, въ чудномъ явленіи безчисленныхъ птицъ, предвидитъ онъ грядущее число ихъ; далѣе Св. Митрополитъ Алексій хочетъ возложить на него святительскій крестъ свой, но смиренно уклоняется Сергій: на что ему высшренній санъ, когда внутренній пламень его вѣры изливается наружно при совершеніи безкровной жертвы и ему сослужитъ Ангелъ? Тамъ начертанъ и его гражданскій подвигъ. Онъ благословляетъ Донскаго Князя на битву съ Мамаемъ, и къ ногамъ старца падаютъ два инока воина, которыхъ посылаетъ онъ умереть за отечество, какъ бы въ предзнаменованіе грядущихъ воин-

скихъ подвиговъ Лавры для спасенія роднаго края. И вотъ напослѣдокъ вѣнецъ его житейскаго поприща, уже не просто начертанный, но весь украшенный златомъ и камнями, сообразно важности самаго событія: — утѣшительное явленіе Божіей Матери и двухъ Апостоловъ Петра и Іоанна Сергію, не за долго до кончины, и келейнику его Михею. Симъ запечатлѣлась живая лѣтопись его храмины.

У самыхъ дверей собора духовная стража и молебное пѣніе: отъ утра и до вечера стоитъ на ступеняхъ у раки гробовой Іеромонахъ, въ толпѣ притекающихъ къ угоднику; сквозь нихъ только можно открыть себѣ тѣсный путь къ ракѣ. Кто же эти присные Св. Сергія?—поклонники отъ всѣхъ концевъ Россіи: одни, богатые благами земли, другіе—только своею вѣрою и страннническимъ посохомъ, съ которымъ обошли великія пространства, питаясь именемъ Христовымъ, чтобы его прославить въ лицѣ его служителя. Иные привлеклись просить исцѣленій, хотя и не всѣ тѣлесныхъ. Много тайныхъ душевныхъ болѣзней слагается въ раку преподобнаго, много и сокрушеній сердечныхъ, которыя боятся довѣрять міру сильные міра. Онъ же, какъ чадолюбивый отецъ, постигая духовныя и житейскія нужды дѣтей своихъ, подаетъ свойственныя имъ утѣшенія, привыкшій еще при жизни разсуждать, что̀ на потребу князей земли, и что̀ ея убогимъ

ораторямъ. Отрадно прикоснуться устами къ цѣлебнымъ мощамъ двигателя Царей и народовъ, который благоволилъ облечься, поверхъ своей ангельской схимы, въ ихъ великолѣпные покровы и возлечь въ пышную раку, уготованную ихъ усердіемъ, какъ бы на торжественную колесницу, съ которой отражаетъ враговъ Россіи. Онъ поднялъ надъ нею кипарисовый щитъ свой, гробовую доску, и подъ симъ щитомъ укрывалась не одна только Лавра, но и вся надежда царства. И могъ ли святый Митрополитъ Алексій, отъ праведной жизни переходя въ вѣчность, не предвидѣть въ Сергіи истиннаго преемника митрополіи Русской, когда поручалъ ее старцу? И могъ ли смиренный Сергій, духовно отказать ему въ послушаніи, проведши въ ономъ всю иноческую жизнь? На небесахъ довершилъ онъ сей подвигъ послушанія, принявъ горѣ предложенное ему долу, и съ тѣхъ поръ не переставалъ радѣть о паствѣ, дивно обличая свое святительство. Время общественныхъ бѣдствій есть его время: когда все уже кажется гибнущимъ, тогда воздвигается Сергій!

Благочестивый Царь Ѳеодоръ Іоанновичь устроилъ ему серебряную раку, начатую отцемъ его, и столь же богатымъ балдахиномъ украсила ее Императрица Анна. На двухъ гробовыхъ древнихъ доскахъ написаны въ окладахъ два образа Преподобнаго: одинъ тѣмъ же Царемъ

Ѳеодоромъ, висящій на противуположной сѣверной стѣнѣ; другой поменьше, у самыхъ мощей, надъ южными дверями олтаря. Онъ сопутствовалъ во всѣхъ походахъ Государямъ Алексѣю Михайловичу и Петру великому и былъ носимъ предъ рядами ополченій въ отечественную войну 1812 года. Отъ сихъ южныхъ дверей и до сѣверныхъ весь первый ярусъ высокаго иконостаса облитъ золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Врата царскія, и балдахинъ надъ престоломъ, и позади его семивѣтвистый подсвѣщникъ, на подобіе Соломонова, и всѣ паникадила, и обширный хоросъ подъ куполомъ, вылиты изъ серебра. Ковчегъ, изображающій Тайную вечерю въ горницѣ Сіона, Евангеліе, сосуды, и прочая священная утварь цѣны необычайной, но свыше всякой цѣны самыя чудотворныя иконы, памятныя своими исцѣленіями и усердіемъ Царей, ихъ украшавшихъ. — По правую сторону царскихъ вратъ мѣстный праздникъ Св. Троицы, въ трехъ истинно Ангельскихъ лицахъ, древняго Греческаго письма. Цари Борисъ Годуновъ и Михаилъ Ѳеодоровичь великолѣпно его убрали; на трехъ вѣнцамъ огромнѣйшіе изумруды, и на среднемъ камнѣ еще искусно вырѣзанъ тотъ же образъ Св. Троицы. Рядомъ, икона Христа Спасителя на престолѣ, и другая мѣстная, по лѣвую руку царскихъ вратъ, Одигитріи Смоленской, въ золотыхъ окладахъ, пожертвованы Царемъ Алексіемъ,

равно какъ и богатая икона Сергія и Никона у сѣверныхъ дверей. Іоаннъ грозный, щедрый даяніями церкви, поставилъ также близь Одигитріи свою икону Пресвятой Троицы, мало уступающую благолѣпіемъ первой; съ другой же стороны южныхъ дверей, исцѣленный бояринъ Мягкихъ поревновалъ Царямъ въ украшеніи образа Христова. Въ такомъ чрезвычайномъ великолѣпіи представляется малый храмъ сей, сооруженный весь изъ бѣлаго камня преподобнымъ Никономъ, помощію Князя Георгія Димитріевича, сына Донскаго, на мѣсто убогой деревянной церкви Св. Сергія, послѣ раззоренія оной Татарскимъ Княземъ Эдигеемъ. Оно было единственнымъ, и только спустя 25 лѣтъ по основаніи обители, которая съ тѣхъ поръ, какъ злато искушенное огнемъ, все болѣе и болѣе процвѣтала.

На тѣсномъ пространствѣ одного собора сколько стеклось великихъ именъ, подобно крупному жемчугу, унизывающему покровы Святаго! Что же еслибы можно было развить, отъ него и до насъ, всю лѣтописную хартію Лавры и прочитать, въ двухъ ея столбцахъ, съ одной стороны святые подвиги ея отшельниковъ, отъ насъ утаенные, а съ другой ея безсмертныя событія, ибо она стала на распутіи всего великаго и славнаго!

Давно ли поселился Сергій въ лѣсахъ Радонежскихъ, и онъ уже сдѣлался прибѣжищемъ

Князей и Святителей, поборникомъ отчизны, разсадникомъ иночества! Не только подвигаетъ онъ на брань Димитрія, не только даетъ ему своихъ иноковъ, но даже предъ самою битвою, провидя его смущеніе, посылаетъ къ нему гонца съ ободрительною грамотою, и въ часъ битвы уже разсказываетъ братіи своей о побѣдѣ, и наконецъ въ торжествѣ встрѣчаетъ Донскаго побѣдителя; — и на престолѣ княжескомъ нельзя принять болѣе участія въ дѣлахъ земли своей. Скоро Сергій становится отцемъ многихъ обителей, основанныхъ его учениками по просьбѣ Князей, на мѣстахъ имъ самимъ избранныхъ. Еще и прежде ознаменовалъ онъ краткое свое уединеніе на Кержачѣ малымъ скитомъ, и далъ въ Москву Митрополиту Алексію инока своего Андроника, для основанія Андроніева монастыря. Теперь признательный Димитрій хочетъ учредить двѣ пустыни на память Мамаева побоища, и Сергій даетъ ему Савву для сооруженія храма Божіей матери на рѣкѣ Дубнахъ, и самъ избираетъ Князю красное мѣсто у слитія Оки и Москвы, гдѣ нынѣ Коломна, для монастыря Голутвинскаго. Въ послѣдствіи и преподобный Савва созидаетъ себѣ обитель на Сторожахъ по зову Звѣнигородскаго Князя. Храбрый сподвижникъ Донскаго, Князь Владиміръ молитъ также Сергія дать ему Игумена во вновь воздвигаемый имъ Высоцкій монастырь въ удѣльномъ

Серпуховѣ, и Сергій даетъ ему Аѳанасія. Отселѣ будетъ выходцемъ Св. Пафнутій, Игуменъ Боровскій, въ свою чреду прославленный учеником своимъ, Св. Іосифомъ Волоколамскимъ. Такая духовная отрасль постепенно происходитъ отъ Св. Сергія, каждому поколѣнію даруя великаго мужа. Но всѣхъ роскошнѣе пустила вѣтви Симонова обитель, основанная племянникомъ его Ѳеодоромъ, въ послѣдствіи Архіепископомъ Ростовскимъ. Старецъ самъ приходилъ, по любви къ нему, избрать пустынное мѣсто на живописныхъ берегахъ Москвы рѣки, въ виду раждающейся столицы, и первымъ знаменитѣйшимъ питомцемъ Симонова является Св. Кириллъ Бѣлоозерскій, великій просвѣтитель сѣвернаго края, даже до океана, ибо и Савватій Соловецкій постриженникъ Бѣлаго озера. Кто назоветъ всѣ безчисленные монастыри и пустыни, пріявшіе начало отъ иноковъ Троицкой Лавры, которая монашескою сѣтію окинула весь сѣверъ Россіи, сроднившійся духовно во единомъ Аввѣ, подобно какъ на югѣ Антоній и Ѳеодосій сдѣлались отцами пустынножителей! Не болѣе 30 лѣтъ по преставленіи Св. Сергія уже являются мощи его и начинается рядъ его чудесъ, доселѣ не прерываемый!

Между тѣмъ Лавра становится поприщемъ лѣтописныхъ событій. Въ ней отзываются всѣ сильные перевороты и смятенія княженія

Московскаго, котораго сдѣлалась она главною святынею. Горестна посреди мирныхъ стѣнъ ея картина послѣдней удѣльной брани, раздиравшей Россію междоусобіемъ Темнаго и Шемяки. Великій Князь Василій, довѣрясь мнимой тишинѣ, которая на время водворилась между нимъ и единокровными Князьями Галицкими, посѣтилъ обитель Преподобнаго. Но Князья Косой и Шемяка воспользовались его отсутствіемъ и захватили въ Кремлѣ его семейство; сообщникъ ихъ Князь Іоаннъ Можайскій съ дружиною проникнулъ въ ограду монастырскую. Великій Князь ищетъ убѣжища въ церкви; пономарь, впустивъ его, запираетъ двери. Іоаннъ подъѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ, гдѣ Великій Князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ: «братъ любезнѣйй, помилуй, не лишай меня святаго мѣста, никогда не выйду отсюда, здѣсь постригусь, здѣсь умру!» Взявъ отъ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна и сказалъ ему: «братъ и другъ мой, животворящимъ крестомъ и сею иконою въ сей церкви, надъ симъ гробомъ Преподобнаго, клялись мы въ любви и вѣрности взаимной, а что теперь дѣлается надо мною, не понимаю.» Іоаннъ отвѣтствовалъ: «Государь, если хотимъ тебѣ зла, да будетъ и намъ зло; нынѣ желаемъ единственно добра Христіанству и поступаемъ такъ

съ намѣреніемъ устрашить Махмета и слугъ его, пришедшихъ съ тобою, чтобы они уменьшили твой окупъ. » Великій Князь поставилъ икону на мѣсто, палъ ницъ предъ ракою Св. Сергія и началъ молиться громогласно съ такимъ жаромъ, съ такимъ умиленіемъ, что самые злодѣи его не могли отъ слезъ удержаться; а Князь Іоаннъ, кивнувъ головою предъ образами, вышелъ изъ церкви и тихо сказалъ боярину Шемякину: возьми его. Василій всталъ и спросилъ, гдѣ братъ мой Іоаннъ? « Ты плѣнникъ Великаго Князя Димитрія Юрьевича, » отвѣчалъ бояринъ, схвативъ его за руки. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Василій. — Чрезъ четыре дня его ослѣпили въ Москвѣ.

Такъ трогательно описалъ сіе жестокое приключеніе незабвенный Карамзинъ. Много лѣтъ спустя, уже при Василіѣ Ивановичѣ, внукѣ Темнаго, послѣднее мщеніе совершилось надъ послѣднимъ изъ рода Шемяки, который былъ невинно заключенъ въ темницу и по странному стеченію обстоятельствъ, какъ бы на память плѣненія Василіева въ Лаврѣ, пострадалъ съ нимъ и Игуменъ Лавры Порфирій, дерзнувшій вступиться за невиннаго.

Но и сей внукъ Темнаго Василій вымоленъ у Чудотворца. Супруга Іоанна III, Царевна Софія, долго и тщетно желая даровать наслѣдника престолу, въ которомъ оживилось бы племя

Греческихъ Царей и право на Имперію Восточную съ теплою вѣрою пошла молиться угоднику, и вогъ не доходя обители, на Клементьевскомъ полѣ, встрѣчаетъ она свѣтлаго старца, подобнаго образомъ Св. Сергію, который внезапно бросилъ ей въ лоно младенца. Объятая ужасомъ она упала, и принесенная въ обитель повѣрила предзнаменованію, проліявъ благодарныя слезы надъ ракою Святаго. Чрезъ годъ, надъ той же ракою крещенъ былъ обѣтованный сынъ Василій, рожденный въ самый день Благовѣщенія. Въ свою чреду, бездѣтный Василій, частыми посѣщеніями, притекалъ къ угоднику и на концѣ дней своихъ былъ утѣшенъ рожденіемъ Іоанна, отъ самой колыбели посвященнаго Сергію. Къ нему въ раку былъ положенъ младенцемъ сей грозный покоритель трехъ царствъ, и какъ бы отданъ на руки преподобному, коего обитель онъ столь великолѣпно украсилъ въ теченіе долгаго своего царствованія. У его же раки совершено было крещеніе Іоанна тремя великими старцами: Св. Даніиломъ Игуменомъ Переяславля, который основавъ тамъ обитель, прославился чудесами, и престарѣлымъ Вассіяномъ затворникомъ Волоколамскимъ, и самимъ Игуменомъ Лавры Іоасафомъ, который въ послѣдствіи вступивъ на престолъ Митрополіи Россійской былъ низвергнутъ; ибо и Лавра страдала въ бѣдственные дни отечества, въ лицѣ своихъ иноковъ.

Къ молитвамъ Сергія прибѣгалъ Іоаннъ идущій ратію противъ Казани, на сію послѣднюю важнѣйшую въ нѣдрахъ Россіи борьбу Исламизма противъ Христіанства; и какъ нѣкогда благословеніе Святаго сопутствовало Донскому Князю на Мамаево побоище, такъ осѣнило оно и Царя Іоанна. Когда же пала предъ нимъ сія крѣпкая твердыня Татарская, онъ освятилъ ее обителью во имя Сергія, на память его дѣятельнаго участія. Но еще и прежде, когда для ея покоренія строился на берегахъ Волги городокъ Свіяжскій, имя Сергія прославилось въ новой области. Плѣнные Черемисы объявили воеводамъ Московскимъ, что часто слыхали они пѣніе и звонъ на безлюдномъ мѣстѣ и видѣли нѣкоего свѣтлаго старца, неприступнаго стрѣламъ ихъ, размѣряющаго мѣсто граду; а старецъ сей былъ тотъ же Сергій, поборникъ отечества, который въ послѣдствіи во время осады являлся на стѣнахъ Казани. И въ Свіяжскѣ былъ ему поставленъ монастырь. Возвратясь изъ похода Іоаннъ, въ самую блестящую минуту своей жизни, съ супругою Анастасіею, самъ торжественно заложилъ въ Лаврѣ церковь сошествія Св. Духа, и не за долго до страшнаго перелома, послѣдовавшаго въ жизни и характерѣ Царя, онъ опять посѣтилъ Лавру, на пути въ Кирилловъ монастырь и Пѣсношу, гдѣ произошло столь пагубное для него свиданіе съ бывшимъ Епископомъ

Коломенскимъ Вассіяномъ. Здѣсь, какъ бы предвидя злобный совѣтъ Вассіяна: « не имѣть совѣтниковъ мудрѣе себя, » здѣсь знаменитый старецъ Максимъ Грекъ, избавленный Іоанномъ отъ долголѣтняго невиннаго заточенія, удерживалъ его отъ дальнѣйшаго странствія и даже угрожалъ ему смертію Царевича, которая скоро и случилась, но тщетны были его моленія.

Троицкая Лавра имѣла счастіе успокоить въ стѣнахъ своихъ сего ученаго мужа, пострадавшаго за любовь къ истинѣ и просвѣщенію. Вызванный отцемъ Грознаго изъ Аѳонской горы, исполненный всею ученостію своего вѣка, которую усовершенствовалъ многими путешествіями по Европѣ, онъ долго трудился въ Россіи надъ переводомъ и исправленіемъ церковныхъ книгъ, и былъ въ великой милости при дворѣ Великокняжескомъ; но по несчастію возбудилъ зависть и негодованіе Митрополита Даніила; и когда, какъ ревнитель православія, онъ противился неправильному расторженію брака Василія съ Соломоніею за ея неплодіе, Даніилъ, воспользовавшись гнѣвомъ Государя, обвинилъ въ ереси Максима и сослалъ его въ Тверской Отрочь-монастырь; двѣнадцать лѣтъ невинный страдалецъ не могъ даже выходить изъ келліи въ церковь и пріобщаться Св. таинъ. Гоненіе облегчилось нѣсколько послѣ паденія Даніила; но не смотря на убѣдительныя письма Максима и грамоты Патріарховъ

Восточныхъ къ Василію, никогда не хотѣли выпустить его изъ заключенія, ибо, по словамъ лѣтописи, онъ слишкомъ многое видѣлъ на Руси. — Труды его, столь полезные для нашей Церкви, оцѣнены были вполнѣ славнымъ Архимандритомъ Діонисіемъ, который первый сталъ употреблять въ служеніи его книги, хотя и возбуждалъ тѣмъ неудовольствіе въ братіи, и даже самъ пострадалъ за свою ревность къ исправленію книгъ. Вѣроятно онъ же воздвигъ часовню надъ уединеннымъ гробомъ странника, которую возобновилъ Митрополитъ Платонъ, соревнуя Діонисію въ уваженіи къ исповѣднику истины.

Скоро послѣ свиданія съ Максимомъ и Вассіяномъ, грозный державный чернецъ поселился по сосѣдству Лавры, создавъ себѣ обитель опричниковъ въ слободѣ Александровской, и какъ бы соревнуя житію монашескому посреди ужасовъ казни, страшными грамотами и посланіями каралъ окрестные монастыри, упрекая ихъ въ неустройствѣ. Но и между сихъ упрековъ невольно проявляется его глубокое уваженіе къ Лаврѣ; такъ въ посланіи своемъ къ Игумену Кириловской обители, осуждая его за постриженіе Шереметева, котораго отецъ будто бы исказилъ самую Лавру, Іоаннъ пишетъ: — « А дотолѣ у Троицы было крѣпко житіе и мы се видѣхомъ, и при нашемъ пріѣздѣ подчиваютъ множество, а

сами чувственно пребываютъ. А въ едино время мы своими очами видѣли въ нашъ пріѣздъ: Князь Иванъ Кубенскій былъ у насъ дворецкій, да у насъ кушанье отошло пріѣзжее, а всенощное благовѣстятъ; и онъ похотѣлъ тутъ поѣсти да испити за жажду, а не за прохладъ: и старецъ Симонъ Шубинъ, и иные съ нимъ не отъ большихъ, а большіе давно отошли по кельямъ; и они ему о томъ какъ бы шутками молвили: Князь Иванъ су поздо, уже благовѣстятъ: да сей сидячи съ поставца ѣстъ, а они съ другаго конца сбираютъ; да хватился хлебнуть испити, ано ни капельки не осталось, все отнесено на погребъ: Этаково было у Троицы крѣпко, да то мирянину, а не чернецу. А и слышахъ отъ многихъ, яко и таковы старцы во святомъ томъ мѣстѣ обрѣталися, въ пріѣзды бояръ нашихъ и вельможъ нашихъ ихъ подчиваху, а сами же никако же ни къ чему не касахуся, аще и вельможи ихъ нужаху не въ подобное время, но еще и въ подобное время, и тогда мало касахуся. Въ древняя же времена въ томъ святомъ мѣстѣ сего дивнѣйше слышахъ: нѣкогда, пришедшу святому Пафнутію, чудотворцу живоначальной Троицѣ поклонитися и чудотворцову Сергіеву гробу, и ту сущей братіи, бесѣды ради духовной, бесѣдовавшимъ имъ и оному отойти хотящу, они же ради духовныя любви и за врата провожаху преподобнаго, и тако воспомянувше завѣтъ преподобнаго

Сергія, яко за врата не исходити, и вкупѣ и преподобнаго Пафнутія подвигоша на молитву, и о семъ молитствоваше и тако разыдошася. И се ради духовныя любви, тако святіи отеческія заповѣди не презираху, а не тѣлесныя ради страсти. Такова бысть крѣпость во святомъ мѣстѣ древле! А нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, хуже и Пѣсноши, какъ до тудова Пѣсношь бывала! А вся та слабость отъ начала учинилася отъ Василья отъ Шереметева.... онъ у Троицы постническое житіе своимъ злокознствомъ испроверже, а сынъ его Іона тщится погубити послѣднее свѣтило, равно солнцемъ сіяющее, и душамъ совершенное пристанище спасенія въ Кириловѣ монастырѣ, въ самой пустыни, постническое житіе искоренити..... И отцу де еще слово, что неволею отъ бѣды постригся, а Іону вѣдь Шереметева не кто въ затылокъ билъ, почто такъ безчинствуетъ? а будетъ такія чины пригоже у васъ, то вы вѣдаете, Богъ свидѣтель, монастырскаго для безчинія говорилъ; а что на Шереметевыхъ гнѣвъ держати? инъ вѣдь есть его братья въ міру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опалы своя положити; а надъ чернецомъ что опалатися или поругатися?»

Протекло грозное время послѣднихъ дней Іоанна, и нашествіе Крымскаго Хана, выжегшаго посады Московскіе, не коснулось обители Сергія. Настало кроткое царствованіе Ѳеодора, въ

которомъ соединились всѣ благословенія рода Рюрикова, ибо въ лицѣ его сіе поколѣніе прощалось съ Россіею, осыпая ее послѣдними благодѣяніями на вѣчную память. И Лавра испытала щедроты Царя; онъ окончилъ величественныя зданія, начатыя въ ней Іоанномъ, и соборъ Успенскій; при немъ достигла она высшей степени своего благоденствія и возбудила удивленіе Патріарха Вселенскаго Іереміи, когда онъ, поставивъ Іова первымъ Патріархомъ Россіи, посѣтилъ обитель. Тамъ Архимандритъ и Келарь поднесли ему богатые дары, по словамъ лѣтописи: « образъ Спасовъ чеканенъ съ пеленою, который чуднѣе изъ старыхъ, образъ Сергіево видѣнье обложенъ серебромъ, вѣнцы съ чеканью, кубокъ серебренъ въ гривенъ семь, чару или братину серебрену рублевъ въ 20, 40 соболей и 200 рублевъ денегъ. » — Таковы были первые поминки Сергія Патріарху Цареградскому, какъ бы въ возблагодареніе за тотъ крестъ, который посланъ ему при основаніи обители, отъ Патріарха Филоѳея.

Спустя тридцать лѣтъ, другой подобный гость посѣтилъ Лавру, Ѳеофанъ Іерусалимскій но въ теченіи сего времени, чрезъ какія тяжкія испытанія ей должно было пройти, посреди кровавыхъ смутъ Самозванцевъ, и нашествія Поляковъ и осады Литовской! здѣсь является Лавра во всемъ блескѣ своей народной славы

она сіяетъ какъ драгоцѣннѣйшій камень въ вѣнцѣ Московскомъ, ибо изъ нея истекаетъ спасеніе и воздвигаются воеводы!

Царь Борисъ уже лежалъ въ оградѣ Лавры, перенесенный туда изъ Москвы со всѣмъ своимъ родомъ, по волѣ Царя Шуйскаго; а близъ Василія воцарился въ Тушинѣ новый призракъ Димитріевъ, которыми долго мучилась Россія за кровь неповинную Царевича, когда по совѣту Самозванца съ Польскими союзниками, Гетманъ Литовскій Сапѣга и Панъ Лисовскій пришли осадить Лавру, чтобы преградить Царю Василію сообщеніе съ его сѣверными и восточными областями. Но Архимандритъ Іоасафъ и воеводы, Князь Долгорукой и Голохвастовъ, словомъ и дѣломъ укрѣпились противъ ихъ льстивыхъ рѣчей и смѣлыхъ нападеній, и помощію Преподобнаго 16 мѣсяцевъ отсиживались отъ тяжкой осады, доколѣ приближеніе побѣдоноснаго Князя Михаила Шуйскаго заставило удалиться Литовцевъ. Отвѣтная грамота воеводъ и Архимандрита разительна своею силою:

« Да вѣсть ваше темное державство, гордіи начальницы, Сапега и Лисовскій, и прочая ваша дружина: вскую насъ прельщаете Христово стадо, православныхъ Христіанъ? Богоборцы, мерзость запустѣнія, да вѣсте, яко и десяти лѣтъ Христіанское отроча въ Троицкомъ-Сергіевомъ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту,

а о нихъ же есте къ намъ писасте, мы сія пріемше оплевахомъ. Кая бо польза человѣку возлюбити тму паче свѣта и преложити лжу на истину, и честь на безчестіе, и свободу на горькую работу? Какоже вѣчную оставити намъ святую истинную свою православную Христіанскую вѣру, Греческаго закона, и покоритися новымъ Христіанскимъ законамъ, отпадшимъ отъ Христіанскія вѣры, иже проклята быша отъ четырехъ Вселенскихъ Патріархъ? Или кое пріобрѣтеніе и почесть еже оставити намъ своего православнаго Государя Царя и покоритися ложному врагу, и вамъ Латынѣ иновѣрнымъ, и быти намъ яко Жидомъ или горше сихъ? Они бо Жидове не познавше Господа своего распяша; намъ же знающимъ своего православнаго Государя, подъ ихъ же царскою Христіанскою властію отъ прародителей нашихъ родихомся въ винограднѣ истиннаго пастыря Христа, како повелѣваете намъ оставити Христіанскаго Царя, и ложною ласкою и тщетною лестію и суетнымъ богатствомъ прельстити насъ хощете! Но ни всего міра богатства не хощемъ противу своего крестнаго цѣлованія!»

Тѣ, изъ сердца коихъ излились подобныя рѣчи, не могли быть побѣждены. Но сіе первое тяжкое искушеніе служило только началомъ исполинскихъ трудовъ, какіе подняла Лавра за отечество. Уже ея сокровища были истощены

тремя займами въ 65,000 рублей, Царей Годунова, Лжедимитрія и Шуйскаго; послѣдній потребовалъ еще новыхъ пособій, — отдали сосуды и утварь, когда долгая осада сдѣлала необходимою поправку обрушенныхъ мѣстами стѣнъ. Въ сихъ крайнихъ обстоятельствахъ скончался защитникъ Лавры Архимандритъ Іоасафъ. Не много дней оставалось Царю Василію до насильственнаго постриженія и плѣна Польскаго, не много и Патріарху Гермогену исповѣдывать имя Христово на престолѣ святительскомъ до его мученической смерти, когда обоимъ пришла благая мысль избрать Старицкаго Архимандрита Діонисія настоятелемъ Лавры и тѣмъ спасти отечество; ибо когда болѣе не существовало ни Царя, ни Патріарха, когда, такъ сказать, не было самой Москвы, полтора года томившейся подъ игомъ Польскимъ,—тогда Лавра сдѣлалась сердцемъ всея Руси. Діонисій одинъ замѣнилъ всѣ власти и, какъ видимый покровъ Св. Сергія, осѣнилъ всю землю Русскую и собралъ ее къ развалинамъ столицы. Надобно слышать краснорѣчивый разсказъ того времени, (въ житіи Архимандрита Діонисія), проникающій ужасомъ и жалостію душу, чтобы вполнѣ постигнуть его характеръ.

«Тогда по раззореніи царствующаго града и многихъ градовъ, всѣми путьми быша бѣглецы къ дому живоначальныя Троицы, и не бѣ

числа слезъ кровныхъ; вси бо мучены и изломаны прошаху отцовъ духовныхъ, а иніи мнозіи испечены быша, а съ иныхъ власы съ главъ содраны, а у иныхъ ременіе изъ хребтовъ вырѣзывано, у иныхъ на крестъ руки и ноги обсѣчены, а у иныхъ чрева прожжены каменіемъ разженнымъ: паче же изрещи не возможно, каковыми различными смертьми томими бяху. И вся обитель пресвятыя Троицы преисполнена бысть различными смертьми скончаваюшихся отъ глада и наготы, и отъ лютыя срамоты, о ней же не льзя и глаголати, паче же отъ ранъ неисповѣдимыхъ помираху. И не токмо въ монастырѣ мертвецы лежаху, но и въ слободахъ, въ Служней, и въ Клементьевѣ, и въ деревняхъ, и по путѣхъ и повсюду, страшно бѣ зрѣти наготы женъ и дѣвицъ, и не возможно бысть ни исповѣдати при смерти, ни святыхъ таинъ Христовыхъ подаяти. Діонисій же видѣвъ сія, келаря и казначея и братію всю со слезами многими начатъ молити, дабы во время таковыя бѣды всѣмъ всячески спострадали во всякихъ нуждахъ. Келарь же и иные братія со слугами единогласно вси отвѣщаша сице: кто, государь Архимандритъ, въ таковой бѣдѣ съ разумомъ сберется? никому не возможно стало промышляти, кромѣ единаго Бога. Паки глагола Діонисій сице всѣмъ со слезами и рыданіемъ: се, государи мои, разумѣйте: во истину искусъ отъ Господа

Бога бысть намъ. Отъ осады большой насъ Господь Богъ избавилъ за молитвами Владычицы нашея Богородицы и великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона; а нынѣ за лѣность нашу и за скупость можетъ насъ и безъ осады смирити и оскорбити. Келарь же и всѣ братія и слуги смятошася о рыданіи его, и начаша просити совѣта отъ него о недоумѣніи своемъ. Діонисій же начатъ молити ихъ сице: домъ пресвятыя Троицы и великихъ чудотворцевъ не запустѣетъ; сице станемъ молити и у Господа Бога просити, да разумъ намъ подастъ: токмо положите то, кто что смыслитъ промышляти, или сбирати на потребу бѣднымъ, или служити кто можетъ, и кому что по силѣ своей дати. И бысть совѣтъ его всѣмъ любезенъ, и первѣе слуги, и простая чадь крестьяне совѣтоваша, и Архимандриту съ братіею сказали тако: аще вы государи, будете изъ монастырской казны послѣ осадныхъ людей умершихъ или живыхъ, и вкладчиковъ, которые что въ святую обитель душъ своихъ ради подали, давать бѣднымъ на кормъ, одежду, на лѣчбу и работникамъ, кто имется стряпать и служить и лѣчить, сбирать и погребать; то мы за головы свои и за животы не стоимъ. И бысть той совѣтъ радостенъ всѣмъ людемъ: и въ монастырѣ и во округѣ монастыря всѣмъ людемъ бѣднымъ живущимъ и умирающимъ всякъ промыслъ изыде. И первѣе

по благословенію Архимандрита Діонисія начаша строити казною монастырскою домы для всѣхъ людей; и больнымъ людямъ обрѣтошася врачеве, и цѣляху многихъ . . . . Каковъ же въ премудрости словеснѣй бысть, того никто же не помыслитъ о немъ, ни во умѣ никто не пріиметъ; каково попеченіе имѣ, не токмо о святѣй обители своей, въ ней же пребываше, но и о велицѣмъ царствующемъ градѣ Москвѣ великъ подвигъ имѣя, о избавленіи града всегда моляшеся, и всяка ноіць день ему бяше. Ибо въ то время, егда во осадѣ Москва была полтора года, онъ непрестанно въ церкви Божіей и въ кельѣ, съ великимъ плачемъ стояше въ молитвахъ, и по многихъ моленіяхъ той опочиваше. Ему же быша писцы борзые, и въ келліи отъ божественныхъ писаній собираху учительныя словеса, и писаша посланія многая въ смутные города ко священнымъ чинамъ и къ воеводамъ, и къ простымъ людямъ о братолюбіи и соединеніи мира, указующе: которые царства и властительства, за какіе грѣхи и неправды, погибли, и которые государства возвысилися Богомъ, за какія правды и за какіе добрые дѣла, и что за соблюденіе оныхъ Господь Богъ благій человѣколюбецъ миловалъ и помощникъ былъ бѣднымъ и отчаяннымъ и худымъ и не могущимъ стоять противъ супостатовъ. И писывалъ такія граматы и на Рязань и на Сѣверъ и въ

Ярославль, и въ Нижній Новгородъ, Князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и къ Козьмѣ Минину, и въ понизовскіе города, и ко Князю Димитрію Тимоѳѣевичу Трубецкому, и къ Заруцкому подъ Москву, и въ Казань къ строителю Амфилохію. И въ тѣхъ граматахъ болѣзнованія Діонисіева о всемъ государствѣ Московскомъ безчисленно много.»

Около сего времени возвратился изъ подъ Смоленска знаменитый Келарь Аврамій Палицынъ, два раза уже прокормившій Москву при Шуйскомъ монастырскими хлѣбами: онъ былъ посыланъ вмѣстѣ съ Митрополитомъ Филаретомъ и Княземъ Голицынымъ для испрошенія Королевича Владислава на престолъ Россійскій и тайно оставилъ посольство, не видя успѣха отъ честолюбія Сигизмунда. Когда же услышалъ въ Лаврѣ о разореніи Москвы воеводою Польскимъ Гонсевскимъ и о заточеніи Гермогена, онъ и Діонисій немедленію послали 250 своихъ слугъ и стрѣльцовъ, подъ предводительствомъ Князя Тюменскаго, для защиты столицы, и сей благой примѣръ подѣйствовалъ на всю окрестность. Они же отправили въ Переяславль грамоту къ воеводамъ Волынскому и Волконскому, моля о скорой помощи; во всѣ сосѣдніе и дальніе предѣлы помчались гонцы ихъ, и вотъ, по ихъ слезному зову, поднялись воеводы Переяславскіе и отъ Калуги Князь Трубецкой, и отъ Коломны Ляпуновъ, и Заруцкой

отъ Тулы, и отъ Владиміра Просовецкой. Они обступили предмѣстія Московскія, стѣсняя враговъ въ голодный, убійственный кругъ. Новыя грамоты, къ Владыкѣ Казанскому Ефрему и въ понизовыя земли и на поморіе, подвигли къ Москвѣ новыхъ защитниковъ. Келарь Аврамій со святою водою былъ отпущенъ Архимандритомъ въ станъ ратныхъ, для подкрѣпленія ихъ духа. Скоро возникли между вождями распри и мятежные казаки убили Ляпунова, а между тѣмъ съ свѣжими войскамн подступилъ Гетманъ Хоткѣвичь; — тогда неусыпный Діонисій, отправивъ нужные запасы и снаряды къ осаждающимъ, разослалъ еще гонцевъ въ Ярославль и Владиміръ и Нижній, гдѣ вспыхнула искра чистаго самоотверженія въ сердцѣ Минина, и пролилось отъ нея пламя по всему народу и наконецъ сосредоточилась сила, долженствовавшая освободить отечество, подъ руководствомъ воскресшаго съ одра болѣзни Князя Пожарскаго. Но и здѣсь одни только непрестанныя моленія Діонисія и Аврамія могли заставить Князя пренебречь всею опасностію, какая угрожала ему въ станѣ отъ смутъ и заговоровъ соотечественниковъ, и двинуться сперва изъ Ярославля, а потомъ изъ подъ Лавры для довершенія великаго дѣла. Съ тѣхъ поръ Келарь, ходившій на встрѣчу ему въ Ярославль, былъ уже безотлучно при войскахъ, лицемъ не менѣе дѣйствующимъ Князя и Минина,

а вмѣстѣ и лѣтописцемъ. Его краснорѣчивое перо передало потомству современные подвиги, подобно какъ его сладкія рѣчи возстановляли миръ и тишину посреди враждующаго стана. Онъ даровалъ побѣду воинству Пожарскаго въ продолженіи жестокой битвы съ Гетманомъ на Дѣвичьемъ полѣ, убѣдивъ Казаковъ, удалившихся въ свои окопы, принять участіе въ кровавой сѣчѣ. «Отъ васъ началось дѣло доброе; вы стали первые за истинную, православную вѣру, принявъ многія раны, терпя голодъ и наготу; прослывшіе храбростію и мужествомъ своимъ во многихъ государствахъ, нынѣ ли хотите въ одно мгновеніе все погубить!» Такъ говорилъ старецъ и они умилились, и принявъ отъ него ясакомъ имя Св. Сергія, бросились чрезъ Москву рѣку и съ кликами: Сергіевъ! Сергіевъ! разбили и прогнали Литву.

Еще длилась осада; Поляки засѣли въ Кремлѣ и Китаѣ; возникли новыя возмущенія между Казаками; жалуясь на нищету свою и богатства вождей, они хотѣли умертвить ихъ и разбѣжаться; что же Архимандритъ и Келарь? — послѣднія сокровища Лавры посылаютъ они въ табоpы: ризы и стихари саженые жемчугомъ, съ слезнымъ моленіемъ не покидать отечества, — и тронулись Казаки; они взошли въ разумъ и въ страхъ Божій и, возвративъ обители ея пожертвованія, поклялись переносить всѣ лишенія.

Скоро Преподобный явился во снѣ Греческому Архіепископу Арсенію, заключенному въ Кремлѣ и утѣшилъ его вѣстію о избавленіи. Приступомъ былъ взятъ Китай, сдался Кремль; съ торжественнымъ пѣніемъ вступилъ Діонисій и весь освященный соборъ въ храмъ Успенія, и восплакалъ при видѣ запустѣнія святыни.

Оба, и Архимандритъ и Келарь были при избраніи Михаила, совершившемся на Троицкомъ подворьи. Аврамій возвѣстилъ его народу съ лобнаго мѣста и самъ, въ числѣ пословъ почетныхъ, ходилъ приглашать на царство. Онъ умолялъ его промѣнять тишину обители Ипатіевской на бурный престолъ, колеблемый всѣми ужасами войны и внутреннихъ смятеній. Когда же по многомъ плачѣ умоленъ былъ юный Царь, то на пути своемъ къ столицѣ усердно припадалъ къ ракѣ Преподобнаго и Діонисій благословилъ Михаила на спасенное царство.

Но симъ благимъ избраніемъ и мирнымъ воцареніемъ не кончились смуты воинскія для Лавры. Королевичь Владиславъ, оскорбленный лишеніемъ Московскаго престола, подступилъ къ Москвѣ и отрядилъ полковника Чаплинскаго раззорять окрестности Троицкія. На Клементьевскомъ полѣ слуги монастырскіе убили врага, и еще болѣе разгнѣванный Владиславъ самъ пришелъ взыскать смерть вождя своего на обители. Отважный Келарь Аврамій приказалъ выжечь

вокругъ всѣ ея посады и тѣмъ заставилъ отступить Королевича, которому еще памятна была первая осада. Начались переговоры, сперва съ Лаврою, потомъ съ Москвою, и наконецъ подъ стѣнами св. Сергія заключенъ былъ Деулинскій миръ, на время успокоившій государство.

Торжество мира было торжествомъ Лавры: она одна устояла въ пятнадцатилѣтнюю бурю; ея каждая развалина казалась раною цѣлаго отечества; ея каждый инокъ былъ витязь; въ ней одной стеклись всѣ главнѣйшія воспоминанія долгой войны, и ни единою измѣною не запятналась ея слава. Неувядаемыя богатства замѣнили временныя. Гдѣ еще можно было найти другаго Діонисія, другаго Аврамія, и подобную братію? — Имъ подивиться пришелъ самъ Патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ, посланный Вселенскими Патріархами для поддержанія на Руси православія. Нельзя безъ сердечнаго умиленія читать повѣсть сего трогательнаго посѣщенія (въ томъ же житіи Діонисія.)

Слышавъ о обители преславной Троицы какъ во время разоренія Московскаго Государства и самаго царствующаго града, то малое мѣсто спасено было отъ Польскихъ и Литовскихъ народовъ, удивился Патріархъ и хотѣлъ видѣть съ желаніемъ сердечнымъ, не мѣсто, но дивнаго хранителя мѣста великаго Сергія Чудотворца. — Когда же пришелъ въ его обитель, Архимандритъ Діонисій сотворилъ ему честь, подобающую Царскому Величеству, и вышелъ

въ срѣтеніе внѣ монастыря, во множествѣ чина священнаго, въ ризахъ блистающихъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, съ кадилами θиміама и со св. иконами; братія же вся со свѣчами въ рукахъ, а мірскіе священники и простые люди далеко встрѣтили въ полѣ, съ женами и дѣтьми, Патріарха, припадая къ ногамъ его со слезами и тѣснясь другъ за другомъ, потому что всѣ желали принять отъ него благословеніе. Пришествіе Патріарха исполнило весь монастырь людьми, жаждавшими его видѣть. Прослезился Θеофанъ, и во время пѣнія вечерняго, ничего ни съ кѣмъ не говорилъ, а только плакалъ. Послѣ вечерни молилъ его Діонисій благословить трапезу, и едва преклонился на милость, сотворивъ по обычаю моленія о Царѣ, и отцѣ его Патріархѣ, и матери инокинѣ, и о всемъ синклитѣ; Грекамъ же съ нимъ припедшимъ велѣлъ пѣть многолѣтіе. Сперва воспѣли братія Синайской горы съ своимъ Архимандритомъ, потомъ же и Троицкій клиръ. Тогда благословилъ трапезу, но самъ ничего не вкушалъ, готовясь ко всенощному бдѣнію, и ночь всю препроводилъ въ славословіи; на утро же пришелъ въ храмъ служить святую литургію, но прежде отпѣвъ молебенъ, со многими слезами окроплялъ святою водою образъ живоначальныя Троицы и Пресвятой Богородицы, и приступивъ къ мощамъ чудотворца, велѣлъ Архимандриту открыть святое лице Сергія, чтобы отереть губою; ужасъ объялъ его и затрепетало въ немъ сердце, когда узрѣлъ

нетлѣніе Святаго и осязалъ руки его и ноги; онъ сталъ къ образу Св. Троицы и велѣлъ толмачу толковать рѣчи свои въ слухъ всѣхъ людей: —

« О великій Сергій чудотворецъ, слава святаго житія твоего достигла и до востока солнечнаго, и благодареніе содѣтелю всѣхъ Христу Богу, что и на конецъ вѣка дошедшимъ людямъ, вѣрующимъ въ него, даетъ упованіе не отпадать отъ правыя вѣры, ради молитвъ Пресвятыя своея матери, и васъ ради, со всѣми святыми подвизавшихся въ благочестіи. » Сказавъ сіе, совершилъ самъ литургію, и столь умилительно было его служеніе, что и всѣхъ сущихъ съ нимъ побудилъ изливать источники слезъ, и весь народъ внутри и внѣ церкви одержимъ былъ великимъ ужасомъ.

По совершеніи литургіи, молилъ его Діонисій сотворить успокоеніе себѣ и всѣмъ пришедшимъ съ нимъ изъ Іерусалима, и на трапезѣ воздана была ему почесть, какъ Царямъ Московскимъ, когда приходятъ на поклоненіе въ праздники. Святѣйшій же Ѳеофанъ, сидя за обильною трапезою съ братіею, ничего не вкушалъ, и былъ неутѣшимъ отъ плача, хотя торжество обѣда совершалось съ пѣніемъ ликовъ. Жалостно стало Діонисію съ братіею, что трудъ ихъ подвига безполезенъ, ибо думали, что Святѣйшій Ѳеофанъ имѣетъ на нихъ нѣкій гнѣвъ, и въ тихости посовѣтовавъ между собою,

сами облились слезами; но Патріархъ, духомъ уразумѣвъ ихъ бесѣду, сказалъ Діонисію и всей братіи: « Что смущаетесь? не скорбите о слезахъ моихъ; ибо радостію веселится о васъ сердце мое; не ищу я чего либо вашего, но васъ самихъ, по глаголу Апостола: вы бо радость моя и вѣнецъ, ибо здравыхъ васъ обрѣлъ. Прежде слышали всѣ Церкви Восточныя скорбь вашу и трудъ, какіе подъяли за Христа отъ гонящихъ васъ, ради правой вѣры; и мнѣ не безъизвѣстно было о всѣхъ вамъ приключившихся бѣдахъ. Нынѣ же очи мои видѣли все за что вы страдали и не напрасно, ибо многимъ сіе послужило во спасеніе. Я же пришелъ отъ Іерусалима даже до васъ, моля Господа, чтобы трудъ мой не былъ тщетенъ, и вотъ мы уже пріобрѣли во Христѣ. Подобно же какъ мы были общниками скорби вашей, такъ сдѣлались и начальниками вашей радости. Плакали съ плачущими и радуемся съ радующимися. Нынѣ же еще нѣчто прошу у васъ видѣть, да возвеселюся по желанію моему.»

Діонисій съ братіею падши на землю воскликнулъ: « О глава честная свыше всѣхъ человѣковъ на землѣ, мы всѣ и все наше въ рукахъ твоихъ: скажи намъ чего желаешь? » Святѣйшій же Ѳеофанъ отвѣчалъ: « слышалъ я, что во время бѣды ратной, нѣкоторые иноки обители вашей дерзнули возложить на себя броню и принять оружіе въ руки и ратовать крѣпко, — дайте мнѣ ихъ видѣть? »

Услышавъ о томъ Діонисій усумнился, по-

мышляя что будетъ? — и въ братіи разнеслось о томъ слово; иноки же, дѣльцы того подвига, сказали Діонисію: «яви насъ, отче, владыкѣ нашему, буди все по волѣ его,» и явлены были святительству его. Внезапно предъ лицемъ его стали болѣе двадцати человѣкъ, между коими первый былъ Аѳанасій Ощеринъ, весьма старый годами и уже весь пожелтѣлый отъ сѣдины. Патріарху возвѣстили всѣ его подвиги, и мало посмотрѣвъ на него спросилъ Святѣйшій Ѳеофанъ: — «О старче старый, на войну ты ли исходилъ и начальствовалъ воинствомъ мученическимъ?» — «Ей, владыко святый, отвѣчалъ Аѳанасій, я вынужденъ былъ слезами кровными.» — «Возлюбленный братъ, спросилъ опять Патріархъ, что тебѣ свойственнѣе? — иночество ли въ уединенной молитвѣ, или подвигъ предъ всѣми людьми?» — Аѳанасій же поклонився, сказалъ: «всякая вещь и дѣло, владыко святый, въ свое время познается. У васъ святыхъ отцевъ отъ Господа Бога власть вязать и рѣшить, а не у всѣхъ; я же что творю и творилъ — все только ради послушанія,» и обнаживъ сѣдую голову продолжалъ: «вотъ подпись Латинянъ на челѣ моемъ отъ ихъ оружія, еще же и въ лядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются; а въ келліи сидя на молитвѣ, какъ можно было изъ доброй воли найти такихъ будильниковъ для воздыханія и стенанія; все же сіе было не нашимъ произволомъ, но повелѣніемъ пославшихъ насъ на

службу Божію. » — Такъ говорили и другіе иноки. — Святѣйшій Ѳеофанъ, дотолѣ сидѣвшій, не прикасаясь брашна, всталъ отъ трапезы и благословилъ Аѳанасія, цѣлуя его съ любовію, и прочихъ кровоточцевъ съ похвальными словами отпустилъ. Самъ же отошелъ на покой и на другой день послѣ литургіи принесли ему богатые дары, изъ коихъ нѣчто сохранивъ себѣ, иное отдалъ въ домъ Пресвятыя Троицы, или на милостыню.

Потомъ велѣлъ Патріархъ пѣть конечный молебенъ Пресвятой Троицѣ, и знаменавшись у Св. иконъ подошелъ ко гробу великаго чудотворца, снялъ съ себя клобукъ и отеръ имъ колѣни Сергія и ноги до подошвы, и подложилъ подъ плесны его со многими слезами, приникнувъ молитвенно ко гробу. А Діонисію велѣлъ стоять безъ клобука съ преклоненною главою, и взявъ свой клобукъ изъ подъ ногъ чудотворца, поцѣловалъ и далъ цѣловать Архимандриту, возложивъ руку на его главу. Архидіаконъ возгласилъ: вонмемъ, а Архимандритъ Синайской горы трижды: «Киріе елейсонъ,» Патріархъ же возложивъ клобукъ свой на Діонисія съ молитвою, благословилъ и цѣловалъ въ уста съ сими словами: « Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, далъ я тебѣ благословеніе, сынъ мой, и знаменовалъ тебя въ великой Россіи, среди братіи твоей, да будешь первый въ старѣйшинствѣ по благословенію нашему, также и кто по тебѣ будетъ, да носитъ въ семъ святомъ мѣстѣ

благословеніе наше, величаясь и хвалясь нашимъ смиреніемъ и радостно всѣхъ извѣщая: сіе намъ дано знаменіе, что и Патріархи Восточные поклонники суть сему святому мѣсту и честь свою предъ Св. Троицею оставили, снявъ съ главы своей память по себѣ, и положили подъ ноги великому стражу и блюстителю богоносному Сергію чудотворцу! » Потомъ велѣлъ пѣть на обоихъ клиросахъ: Спаси Христе Боже, отца нашего Архимандрита Діонисія, и сбратясь къ братіи сказалъ: « запишите себѣ все сіе, что совершилъ надъ Архимандритомъ, и если впредь кто изъ братіи нашей придетъ сюда на поклоненіе, пусть вѣдомо будетъ изволеніе наше грядущимъ родамъ, чтобы и вы не забывали наше смиреніе и любовь, и памятовали въ своихъ молитвахъ. » Сказалъ и опять прослезился, братія же и народъ весь поклонились ему до земли.

Можно полагать, что оба сіи великіе мужа, и Діонисій и Аврамій, въ одно время сошли съ своего высокаго поприща. Первый по 23-хъ лѣтнемъ правленіи преставился со славою посреди плача всего государства. Самъ Патріархъ Филаретъ, за годъ до своей смерти, воздалъ ему послѣдній долгъ. А Келарь еще заживо погребся въ пустынѣ Соловецкой и тамъ долго таилась память его отъ любви соотечественниковъ.

Во времена болѣе мирныя для государства, но весьма смутныя для Церкви, послѣ низложенія Патріарха Никона, Троицкая Лавра даровала ей утѣшителя и главу въ лицѣ своего Архиман-

дрита Іоасафа, чудесно исцѣленнаго Св. Сергіемъ, который кротко пасъ ввѣренное ему стадо. Такимъ образомъ Провидѣнію угодно было, чтобы одинъ изъ десяти Первосвятителей нашихъ былъ произведенъ на престолъ Патріаршій отъ дивной раки Преподобнаго, и честію своего сана еще бы украсилъ его обитель.

При его второмъ преемникѣ Іоакимѣ, въ юные дни Петра, обурѣваемые ужасами бунтовъ стрѣлецкихъ, два раза открывались гостепріимныя объятія Лавры для спасенія надежды отечества. Два раза молодой Царь, чудесно спасенный отъ убійцъ, оградился крѣпкими стѣнами отъ ярости мятежниковъ, и въ сей неодолимой твердынѣ разрушилъ ихъ замыслы. Казнію Хованскихъ окончилось первое возстаніе, второе — заключеніемъ властолюбивой Царевны Софіи. Сюда въ Лавру посылала она и Патріарха и сестеръ умолять разгнѣваннаго брата, но тщетно; сюда наконецъ устремилась сама съ позднею мольбою; — она не была допущена, ее ожидала грустная келья въ монастырѣ Дѣвичьемъ, и отселѣ возвратился Петръ съ торжествомъ въ свою столицу, встрѣченный на пути длиннымъ рядомъ стрѣльцевъ, которые добровольно лежали на плахахъ, моля о пощадѣ.

Чудно отозвался Россіи ровно чрезъ два столѣтія 1612 годъ: Франція заступила мѣсто Польши, но также сгорѣла Москва, и воеводы обступили развалины столицы, и изъ Нижняго поднялось ополченіе; отряды непріятельскіе устремились

къ Владиміру до Богородска и заняли Дмитровъ. Что же помѣшало имъ овладѣть Лаврою въ столь близкомъ разстояніи отъ Москвы и расхитить ея богатства, извѣстныя въ Европѣ? Тщетно герой Бородинской битвы, Князь Багратіонъ, изнемогая отъ смертельной раны въ обители Троицкой и припадая къ ракѣ Преподобнаго, умолялъ братію спасти сокровище мощей его и богатства Лавры отъ хищности наступающаго врага. Сняли только балдахины отъ раки и престола, но Митрополитъ Платонъ не велѣлъ прикасаться къ святынѣ и нарушать вѣру въ защиту Угодника. На праздникъ Покрова Богоматери съ крестнымъ ходомъ были обнесены иконы кругомъ обители, и въ тотъ же день, отрядъ непріятельскій, направленный на Лавру, получилъ повелѣніе возвратиться съ половины дороги.

Самая язва, которою дважды страдала столица, миновала Лавру, какъ нѣкая страшная туча. На паперти Троицкаго собора хранится надпись на камнѣ, свидѣтельствующая, что въ 1770 году ограждена была обитель святымъ Угодникомъ отъ заразы, хотя со всѣхъ сторонъ стекались къ нему на поклоненіе недужные. Даже и зараженные получали исцѣленіе въ оградѣ монастырской; во все время не погибъ изъ нихъ ни одинъ, не смотря на тѣсноту. Сіе чудесное явленіе повторилось въ глазахъ нашихъ, когда

свирѣпствовала холера въ столицѣ и во всѣхъ окрестностяхъ. Такъ недремлющими блюстителями стоятъ во вратахъ своего пристанища Сергій и Никонъ, отгребая отъ него всѣ бурныя житейскія волны.

Изъ собора посѣтилъ я намѣстника Лавры, Архимандрита А..... я. Мы и прежде уже знали другъ друга, при настоящемъ же свиданіи я возобновилъ пріятное для меня знакомство. «Ласковый пріемъ вашъ, сказалъ я ему, дѣлаетъ меня докучливымъ. Отпустите со мною кого либо изъ монашествующей братіи по стѣнамъ, чтобы я могъ слышать расказъ объ осадѣ Литовской на самомъ мѣстѣ великихъ подвиговъ.»

«Пока еще не начался благовѣстъ, отвѣчалъ намѣстникъ, я самъ готовъ служить сопутникомъ по мѣрѣ слабыхъ моихъ познаній. Мнѣ пріятно удовлетворить любопытству, которое основано на славѣ св. Сергія.»

Я поблагодарилъ Архимандрита за такую снисходительность. — «Не выходя еще изъ келлій, позвольте мнѣ уже сдѣлать первый вопросъ: кто занималъ въ старые годы покои ваши, странно устроенныя, частію въ башнѣ, частію на городской стѣнѣ? Не сами ли Архимандриты или Келари?»

«Нѣтъ, мѣстопребываніе Архимандритовъ Лавры не измѣнилось. И теперь живутъ тамъ Митрополиты, въ качествѣ настоятелей. Мои же

келліи не очень давно устроены, а древнее жилище Келарей было подлѣ святыхъ воротъ. Тамъ живалъ Палицынъ, но теперь все давно уже перестроено. »

— Слышали ль вы, что наконецъ отысканы слѣды его въ Соловецкой обители? —

« Слышалъ и утѣшался вмѣстѣ съ братіею; отечеству и особенно Лаврѣ тяжко было не вѣдать, гдѣ кончилъ житіе свое сей великій подвижникъ. »

Извините, сказалъ я, что говоря о немъ, примѣшаю нѣчто житейское. Мнѣ кажется, нигдѣ лучше не изображенъ характеръ Аврамія, какъ въ одной изъ нашихъ свѣтскихъ книгъ. Въ ней старецъ, благословляя юношу на брань за отечество, говоритъ ему трогательныя слова: « Всевышній да проститъ сіе согрѣшеніе старцу, что онъ любитъ свою земную родину почти также, какъ должны бы мы всѣ любить одно небесное отечество наше! » Хотя это вымыселъ, но прекрасный!

« У насъ есть собственное его описаніе осады, отвѣчалъ намѣстникъ: тамъ излилась въ сладкой рѣчи вся пламенная душа Аврамія. « Отъ великихъ малая избрахъ, говоритъ онъ, яко отъ пучины морскія горсть воды почерпохъ, да по-не мало напою жаждущія души божественнаго слова. » И точно вся Русская земля приходитъ черпать изъ его сказанія утѣшительную вѣру

въ покровительство святаго Угодника и наслаждаться чудеснымъ зрѣлищемъ Лавры, одной неколебимой посреди треволненія цѣлаго царства. Онъ написалъ сіе неоцѣненное сокровище, по просьбѣ братіи обители, какъ самъ объясняетъ, и по свидѣтельству очевидцевъ, на память грядущимъ родамъ, и да незабвенна будутъ чудеса великихъ святыхъ Сергія и Никона.»

Со мною есть его книга, сказалъ я.

«Тѣмъ лучше, продолжалъ онъ: и такъ взглянемъ изъ моихъ оконъ на западную окрестность Лавры. Отселѣ и съ Московской, то есть южной стороны, были самыя сильныя нападенія. Сей малый прудъ, который теперь подъ стѣнами, тогда еще не существовалъ; недавно наполненъ водою малый оврагъ, служившій рвомъ для крѣпости. На краю его, прямо противъ моихъ келлій, стоялъ пивной дворъ, обнесенный крѣпкимъ тыномъ, который также не могли взять Поляки, во все время продолжительной осады, хотя нѣсколько разъ покушались зажечь. Онъ имѣлъ сообщеніе съ Лаврою черезъ тайникъ, служащій теперь выходомъ къ банѣ; изъ сего острога производились частыя вылазки на Красную гору. Начиная отъ пруда Келарскаго, близь Московской дороги, и до того косаго оврага, что изгибается съ правой стороны къ чащѣ лѣса, возвышенность занята была станомъ Гетмана Сапѣги. Онъ окопалъ все пространство рвомъ

и валомъ, и поставилъ здѣсь большую часть своихъ туровъ, которые однакоже были созжены въ счастливую вылазку, послѣ первыхъ шести недѣль осады, и съ тѣхъ поръ не возобновлялись. А всѣхъ туровъ было девять, первые на Московской дорогѣ, послѣдніе же на глиняномъ оврагѣ, противъ копошенной башни, такъ что вся югозападная и часть сѣверной ограды были охвачены ими. Но пойдемъ на стѣны, я укажу самыя башни. »

Мы вышли на высокую западную ограду и широкимъ крытымъ путемъ пошли къ сѣверозападной угольной бойницѣ. Съ правой стороны открывалась намъ вся внутренность Лавры, съ лѣвой безчисленные зубцы ограды прерывали на каждомъ шагу дальніе виды окрестности, которая мгновенно мелькала въ тѣсныхъ промежуткахъ.

« Башня сія, сказалъ Архимандритъ, называемая Плотничною у Аврамія, извѣстна намъ подъ именемъ оружейной, ибо въ ней до временъ Императрицы Елисаветы хранилось оружіе и всѣ снаряды Лавры. Теперь поворотимъ на сѣверную ограду; съ Каличьей башни мы лучше увидимъ окрестность. » Когда же мы взошли на устроенную вокругъ нея площадку : « я не могу объяснить, продолжалъ Архимандритъ,

почему дано ей названіе Каличьей, но вотъ рядомъ съ нею Звонковая, такъ прозванная однако не отъ набата, а отъ звонка семинарскаго; высокая же башня надъ святыми вратами, служившая въ древности колокольнею, съ которой давали вѣсть защитникамъ Лавры о нападеніяхъ непріятеля, разобрана по ветхости въ 1826 году. Если менѣе было приступовъ къ сѣверной оградѣ, то съ сей стороны пролилось множество крови, для добытія дровъ осажденнымъ. Служители Лавры покрыли себя безсмертною славою въ частыхъ стычкахъ съ непріятелемъ по окрестнымъ лѣсамъ и оврагамъ. За сею рощею видна также, не отселѣ но съ колокольни, по Углицкой дорогѣ, церковь Деулинская, воздвигнутая во имя Св. Сергія Царемъ Михаиломъ и Патріархомъ, отцемъ его, на память мира, заключеннаго съ Польшею подъ стѣнами Лавры. Такъ и кровавый бой за отчизну и желанный миръ по столькимъ смятеніямъ, все здѣсь, все у той же обители, которая одна сосредоточила въ себѣ судьбы всей Россіи и какъ Ангелъ хранитель стала на ея распутіи, съ мечемъ и маслиною.»

Мы спустились съ башни, я шелъ рядомъ съ Архимандритомъ и безмолвствовалъ. Минувшее казалось мнѣ настоящимъ; мнѣ казалось самъ именитый защитникъ Лавры, Архимандритъ Іоасафъ, который былъ душею осажденныхъ и

успѣлъ только дожить до ихъ освобожденія, чтобы тѣмъ довершить свой земный подвигъ, самъ шествовалъ по стѣнамъ своей обители, указывая мнѣ мѣста знакомыхъ событій. Такъ странно и сладко было слышать изъ устъ иноческихъ воинственный расказъ сей, одушевленный тою же любовію къ отечеству, какая совершила самые подвиги. Воображая предъ собою древняго блюстителя Лавры, я мысленно искалъ около него доблихъ иноковъ, въ бронѣ сверхъ рясы, пожелтѣвшихъ сѣдинами, какъ Аѳанасій Ощеринъ, и какъ онъ, подвигнутыхъ на брань слезами кровными, и ждалъ вѣстоваго набата.

Архимандритъ нарушилъ мои мечты, обративъ опять вниманіе къ настоящему. «Весь сѣверовосточный уголъ нашей Лавры занятъ, какъ можно отселѣ видѣть, духовною академіею, которая отчасти помѣщена въ царскихъ чертогахъ Петра Великаго, устроенныхъ на мѣсто древнихъ Царя Іоанна. Здѣсь живали державные богомольцы, когда пѣшіе приходили поклониться Угоднику; здѣсь спасался и юный Петръ отъ мятежей стрѣлецкихъ. Вотъ угольная красная башня, съ которой по преданіямъ тѣшился онъ, стрѣляя утокъ на красномъ прудѣ за ея бастіонами, и отъ того утка была поставлена на верху башеннаго спица, когда отдѣлывали ее при Елисаветѣ Петровнѣ. Отъ сей башни и до

круглой Пятницкой, на другомъ углу ограды, выкопанъ былъ во время осады глубокій ровъ и укрѣпленъ валомъ, но его уничтожили недавно, для удобнѣйшаго въѣзда.»

Между тѣмъ мы по восточной стѣнѣ приблизились къ Церкви Рождества Предтечи надъ святыми вратами. Церковь надъ входомъ въ обитель, во имя ея основателя, есть необходимая принадлежность всѣхъ монастырей нашихъ, самые убогіе имѣютъ хотя часовни съ иконою святаго и это отпечатокъ характера Русскаго. Отшельники, полагавшіе въ дебряхъ и лѣсахъ начало своимъ пустынямъ, ради совершеннаго безмолвія, однажды прославленные чудесами по представленіи, сами какъ будто оставляютъ свое любимое уединеніе, чтобы смиренно ставъ во вратахъ обители, по примѣру древнихъ праотцевъ, гостепріимно сзывать мимоидущихъ на духовную трапезу, и хотя невольнымъ крестомъ заставить осѣниться путника, если даже онъ и не хочетъ войти въ обитель.

«Церковь сія, сказалъ А. . . . . й, стоитъ на мѣстѣ древней Св. Сергія, воздвигнутой отцемъ Грознаго при начатіи ограды. Когда же при Царяхъ Петрѣ и Іоаннѣ, сооруженъ былъ великолѣпный готическій храмъ Угоднику, служащій намъ трапезою, и освященъ въ присутствіи Царей послѣднимъ Патріархомъ, тогда дозволено было Строгоновымъ строеніе Предтечевой церкви;

но и она сгорѣла, а новая освящена уже при Императрицѣ Екатеринѣ, въ первый годъ ея царствованія.»

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались по оградѣ, ширина ея стѣнъ, крѣпость и высота башень и самое ея пространство приводили меня все въ большее удивленіе и внушили невольный вопросъ: «конечно царственная рука воздвигла подобныя твердыни, ибо, не смотря на богатство Лавры, трудно ей было одной совершить ихъ.»

«Іоаннъ Грозный былъ помощникомъ, отвѣчалъ Намѣстникъ, ему обязана обитель лучшими своими зданіями. И этотъ обширный лѣтній соборъ Успенія Богоматери сооруженъ имъ на подобіе Успенскаго въ Москвѣ, единственнаго образца тогдашняго зотчества, и та малая Церковь Сошествія Св. Духа, въ послѣдствіи украшенная Патріархомъ Никономъ, воздвигнута Царемъ симъ на память взятія Казани, и освящена при немъ и Анастасіи. Вотъ первая царственная Романова на духовномъ торжествѣ у Троицы. Многія льготы даны были Царемъ во время Казанскаго похода и послѣ, для построенія сей ограды, которая на 464 саженяхъ, съ своими восемью башнями, какъ вѣнецъ царства Русскаго, вмѣщаетъ въ себѣ много святаго и близкаго Русскому сердцу. Когда же пострадала она сильно отъ осады Литовской, то снова поддержалъ ее признательный Царь Михаилъ

Ѳеодоровичь и ветхости всѣ имъ исправлены. Въ послѣдствіи украшены нѣкоторыя ея башни и святыя врата Митрополитомъ Платономъ; его имя незабвенно Лаврѣ: все, что только есть въ ней великолѣпнаго, обновлено или устроено его усердіемъ, начиная отъ позлащенной имъ крыши Троицкаго собора и до братскихъ келлій, которыя видишь кругомъ всей ограды, и все это въ то время, когда Лавра лишилась 100 тысячь своихъ крестьянъ.»

— А прочія церкви и зданія какого времени? —

«Не очень давнія, отвѣчалъ Архимандритъ: малая шестиугольная церковь, на память явленія Божіей Матери Св. Сергію, гдѣ покоятся мощи ученика его Михея, (ты видишь ее у высокаго крыльца трапезной церкви) основана повелѣніемъ Императрицы Анны, и наша величественная колокольня есть также памятникъ ея усердія. Часовня надъ святымъ колодцемъ, обрѣтеннымъ при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ подъ папертію Успенскаго собора, должна быть при немъ и устроена; а храмъ Одигитріи Смоленской, что въ углу близь Каличьей башни, сооруженъ на мѣстѣ старыхъ палатъ монастырскихъ, Графомъ Разумовскимъ и освященъ въ присутствіи Императрицы Елисаветы. Замѣчательно, что почти всѣ церкви Лавры освящались и обновлялись предъ лицемъ царскимъ. Не забыты у насъ и

пустынные отшельники Соловецкіе, Савватій и Зосима: въ больничныхъ келліяхъ устроена во имя ихъ малая церковь. Сергій и Никонъ приняли къ себѣ пустынножителей Ледовитаго океана, какъ бы въ нѣкое небурное пристанище отъ бурь морскаго отока.»

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы непримѣтно достигли юговосточной круглой башни, внутри коей каменный глубокій колодезь нѣкогда заключалъ на днѣ своемъ государственныхъ преступниковъ.

«Вотъ та круглая башня, сказалъ Архимандритъ, противъ которой наипаче были обращены усилія непріятелей. По ней стрѣлялъ изъ своей огромной пищали панъ Лисовскій, стоявшій таборомъ въ противулежащей Терентьевской рощѣ, что нынѣ слобода за рѣчкою, и подъ нее веденъ былъ долгое время тайный подкопъ отъ подольнаго монастыря (теперь обращеннаго въ приходскую церковь). Осажденные много смущались слухами о семъ подкопѣ, не зная, гдѣ онъ, доколѣ удачная вылазка не открыла имъ его устья. Однакоже отселѣ не такъ свободно видна окрестность, какъ съ терасы Архіерейскихъ келлій.»

Мы ускорили шаги и спустились со стѣнъ, подлѣ Водяной башни, у малыхъ воротъ, чрезъ которыя совершались крестные ходы на Іорданъ, а во время осады частыя вылазки на огородъ

монастырскій; потомъ мы поднялись на терасу. Ударили въ колоколъ къ обѣдни.

«Поспѣшимъ, сказалъ А.....й: окинь бѣглымъ взоромъ Московскую окрестность. Вотъ мелькаетъ внизу между деревъ Пятницкій монастырь и кладезь Св. Сергія; вотъ за рѣкою мѣсто Терентьевской рощи и табора Лисовскаго; вотъ по дорогѣ къ Александрову служилыя слободы и мѣльницы, отколѣ часто бывали нападенія, а тамъ вдали едва, едва бѣлѣетъ изъ-за рощи Виѳанія, которую мы посѣтимъ послѣ вечерни. Теперь посмотри въ другую сторону: — вотъ Клементіевская слобода и поле, и дорога къ Хатькову монастырю и въ Дмитровъ, куда бѣжали Сапега и Лисовскій, испуганные побѣдами Князя Шуйскаго: вотъ наконецъ и гора Волкуша. Но отдохнемъ на этомъ имени; довольно о битвахъ. Здѣсь преемникъ знаменитаго защитника Лавры Іоасафа, еще болѣе знаменитый Архимандритъ Діонисій, спаситель отечества, вмѣстѣ съ Келаремъ Авраміемъ и всемъ освященнымъ соборомъ, съ крестами и хоругвями, провожали и благословляли въ походъ подъ Москву Князя Пожарскаго и Минина съ ополченіемъ Низовымъ. Какая торжественная минута!—Отселѣ, внезапнымъ чудомъ, обратившійся вѣтръ подулъ попутно воинству, и подъ управленіемъ такихъ кормчихъ спасся отъ бури потопленія ковчегъ всея Руси; кормило же ввѣрилъ имъ

Св. Сергій. — По истинѣ вспомнишь слова Пророка: «Всевышній поставилъ предѣлы языковъ по числу Ангеловъ Божіихъ.» Воззри духовнымъ окомъ на какія таинственныя области раздѣлена вся Россія; у каждаго града свой предстатель: здѣсь молится Сергій, въ Ростовѣ Димитрій и Даніилъ въ Переяславлѣ, въ Москвѣ же цѣлый ликъ угодниковъ, но и Сергій отселѣ блюдетъ Москву, процвѣтшую въ одно время съ его Лаврою. — А мы, недостойные, тихо проговорилъ тронутый А.....й, безпечно живемъ здѣсь, равнодушно попираемъ слѣды его земнаго жительства, гдѣ каждый шагъ былъ оропенъ пóтомъ постническихъ трудовъ и его молебными слезами!....» голосъ Архимандрита внезапно затихъ, а колоколъ громче и громче звалъ на молитву.

Послѣ обѣдни, Намѣстникъ предложилъ мнѣ осмотрѣть ризницу, богатѣйшую во всей Россіи. Мы взошли въ сіе священное хранилище даяній, истинно царскихъ, расположенныхъ въ трехъ палатахъ. Кругомъ по всѣмъ стѣнамъ огромные шкафы были наполнены великолѣпными утварями и облаченіями; глаза разбѣгались отъ несмѣтнаго числа камней и жемчуга, коимъ въ особенности богата Лавра. Въ хронологическомъ порядкѣ висѣли ризы, пелены и плащаницы, начиная отъ временъ Донскаго, какъ драгоцѣнная лѣтопись, писанная усердіемъ Князей; имя каждаго украшало его богатый вкладъ,

и не было ни одного опущенія въ длинномъ ряду властительскихъ именъ: — столь твердое упованіе возлагали всѣ они на Св. Сергія. Въ послѣдней палатѣ хранились драгоцѣнные сосуды, митры, кресты, харатейныя евангелія отдаленныхъ вѣковъ, въ златыхъ дскахъ, и наконецъ все, чѣмъ только могли пожертвовать церкви пышность и усердіе, соединенныя вмѣстѣ. Архимандритъ увидѣлъ мое изумленіе и сказалъ:

«Ты читаешь царственныя имена вкладчиковъ, ты дивишься богатству ихъ приношеній; знаю, что многіе дни можетъ провести испытующій археологъ посреди сихъ сокровищъ, и не выходя изъ ризницы написать цѣлую лѣтопись. И я бы могъ, указывая тебѣ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ на драгоцѣнности наши, постепенно говорить: вотъ евангеліе Симеона Гордаго, XII вѣка, вотъ другое въ великолѣпномъ окладѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, въ коемъ видѣнъ даръ сердца, слову Божію подобающій; вотъ крестъ, присланный Патріархомъ Ѳилоѳеемъ Сергію; вотъ яшмовая чаша Темнаго, вотъ тяжелые сосуды Годунова, носящіе какъ и всѣ древніе дары, отпечатокъ богатства натуральнаго, не поддѣльнаго утонченнымъ искуствомъ, а сильнаго и величественнаго по внутреннему своему достоинству; но не съ сей исторической точки зрѣнія желалъ бы я тебѣ представить сіи сокровища.—Нѣтъ, другую, болѣе краснорѣчивую

лѣтопись сердца хотѣлось бы мнѣ раскрыть предъ тобою: тѣ тайныя чувства, которыя возбуждали державныхъ жертвовать Сергію, и отличительный отпечатокъ каждаго ихъ характера въ самомъ разнообразіи даровъ. Чувствомъ ли благодарности были они подвигнуты за исцѣленія, или побѣды, или радости семейныя, или ради памяти усопшихъ, или только изъ простодушнаго послушанія къ словамъ писанія, чтобы не съ тщими руками приходить предъ Господа! Сюда излились и терзанія совѣсти Годунова вкладами, богатѣйшими противъ всѣхъ прочихъ, здѣсь и поминовенія грознаго Іоанна по своимъ безчисленнымъ жертвамъ!.... Посмотри чрезъ сколько вѣковъ хранятся они здѣсь безмолвными обличителями тайныхъ потрясеній души, зерцаломъ минувшаго потомству! — Всѣ Князья Русскіе были данниками Св. Сергія, избавившаго ихъ отъ работы Татарскія! Довольно ли насытилъ ты взоры симъ безпримѣрнымъ великолѣпіемъ? — теперь взгляни же на первѣйшее сокровище Лавры, затмѣвающее всѣ прочія: этотъ посохъ, эта крашенинная риза, эти деревянные сосуды — Сергіевы! »

Онъ умолкъ, и по истинѣ затмилась вся слава сокровищъ предъ симъ убожествомъ Сергія; она затмилась въ глазахъ моихъ слезами, невольно оросившими его нищую утварь.

« Теперь ты все видѣлъ, сказалъ Намѣстникъ,

удалимся, время отдохнуть. Но если еще жаждетъ душа твоя высокихъ думъ, великихъ воспоминаній, иди подъ своды трапезной церкви, на гробы подвижниковъ земли Русской, тамъ отдыхаетъ отъ бѣдствій житейскихъ великій и несчастный защитникъ Смоленска бояринъ Михаилъ Шеинъ; тамъ посреди знаменитыхъ родовъ княжескихъ лежитъ и славный освобожденіемъ Москвы Князь Димитрій Трубецкой и другіе, коихъ имена да будутъ вписаны въ книгу жизни! У насъ въ Лаврѣ есть гдѣ предаться глубокимъ размышленіямъ о суетѣ временной; иди бесѣдовать съ усопшими; мы свидимся предъ вечеромъ въ Виѳаніи.»

Я пошелъ скитаться межь гробовъ по каменнымъ скрижалямъ смерти и читалъ роковое *умре!* на концѣ всѣхъ славныхъ дѣяній. Отверсты были врата лѣтняго Успенскаго собора, напоминающаго Московскій! И внутри его стояли четыре гроба: одинъ весьма недавній Архіепископа Августина, другой гораздо древнѣе Епископа Вологодскаго Іосифа, который, будучи еще Архимандритомъ Лавры, отдалъ Никону, низложенному на судѣ Патріаршемъ, свою шубу, когда въ жестокіе морозы отправили его въ заточеніе на Бѣло озеро.

Въ двухъ остальныхъ гробахъ царственная мать и дочь, жертвы властолюбія Годунова, монастырскимъ заключеніемъ заплатившія за одинъ

только призракъ имени царскаго. Тутъ погребена Марія Владиміровна, племянница Іоанна Грознаго, выданная имъ за Магнуса, единственнаго Короля Ливонскаго, никогда не царствовавшаго, постриженная неволею за сей невольный бракъ, и съ нею рядомъ дочь ея Королевна, рано умершая, какъ полагаютъ, ради возможности царствовать. У сѣверныхъ же вратъ собора, подъ каменною тѣсною палаткой, лежитъ и самъ Годуновъ со всѣмъ своимъ родомъ, какъ бы на стражѣ дѣлъ своихъ до страшнаго ихъ разсужденія; на сихъ вратахъ, какъ бы нарочно, имъ самимъ написанъ былъ, при Царѣ Ѳеодорѣ, Ангелъ страшнаго суда со скрижалями. Временщикъ, цареубійца, царь, благодѣтель церкви и народа, гонитель всѣхъ близкихъ престолу, пораженный со всѣмъ своимъ родомъ призракомъ пораженнаго имъ отрока, дважды вырытый изъ могилы и трижды погребенный, какъ бы для страшной памяти одного убійства! — сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки, вмѣстѣ съ невинностію Ѳеодора и Ксеніи, и бѣдствіями ихъ кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока! О, да приметъ ее Ангелъ суда на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Димитріевой — и скажетъ разрѣшительное: довольно!

Когда освѣжился воздухъ знойнаго дня, Намѣстникъ пригласилъ меня ѣхать въ Виѳанію

за три версты отъ лавры, въ самой цвѣтущей ея окрестности. Веселая дорога пролегала по зеленымъ полямъ и рощамъ и по крутому берегу овраговъ. Въ такомъ сельскомъ, очаровательномъ уединеніи стоитъ вечерній пріютъ Митрополита Платона, гдѣ довершилъ онъ, не оставляя своей паствы, послѣдніе годы жизни, памятной въ лѣтописяхъ нашей Церкви. При входѣ въ святыя врата, Намѣстникъ показалъ мнѣ скамью, гдѣ любилъ сидѣть престарѣлый святитель, въ простой одеждѣ, и когда спрашивали у него любопытствующіе посѣтители, гдѣ бы можно имъ было видѣть Митрополита, онъ отговаривался незнаніемъ и отсылалъ ихъ въ монастырь.

Все носитъ въ Виѳаніи отпечатокъ его оригинальнаго ума, начиная съ самаго имени обители, напоминающей Никоновъ Іерусалимъ. Внутреннее устройство церкви еще замѣчательнѣе. На мѣстѣ иконостаса представляется каменная гора, покрытая мохомъ, съ крутою тропинкою на ея вершину. Это Ѳаворъ, и на немъ стоитъ малый олтарь Преображенія; внизу, какъ бы въ Лазаревой пещерѣ, другой малый престолъ, самая Виѳанія, и подлѣ въ темномъ вертепѣ гробъ основателя Платона. Конечно, соединеніемъ сихъ двухъ церквей, хотѣлъ онъ выразить то дивное преображеніе, совершающееся съ нами, когда въ прославленномъ тѣлѣ возстанемъ мы изъ гроба, куда отпускаемся съ плачемъ: «сѣется тлѣнное,

воскресаетъ нетлѣнное, сѣется презрѣнное, воскресаетъ славное, сѣется немощное, воскресаетъ сильное!» и съ такимъ упованіемъ заснулъ онъ въ своей Виѳаніи во ожиданіи Ѳавора.

Намѣстникъ прочелъ литію за упокой усопшаго и трогательное завѣщаніе его, поставленное въ рамѣ надъ гробницею, въ коемъ смиренно прощаясь съ паствою, предаетъ себя Господу съ живымъ благодареніемъ за всѣ несказанныя его щедроты, наипаче же за то, что даровалъ ему быть Христіаниномъ и даже служителемъ Церкви. Нельзя равнодушно читать сего завѣщанія; не зная Платона, кажется видишь его предъ собою и соединяешься съ нимъ молитвою. Въ той же гробовой келліи стоитъ дубовая рака Св. Сергія, въ которой почивалъ онъ тридцать лѣтъ подъ землею, совершенно уцѣлѣвшая, хотя была найдена вмѣстѣ со святыми мощами, окруженною водой, по сырости мѣста. Митрополитъ Платонъ самъ пожелалъ покоиться въ виду сего утѣшительнаго свидѣтельства о нетлѣніи праведныхъ. Верхъ церкви исписанъ пророческими предзнаменованіями искупленія; въ олтарѣ Ѳаворскомъ на углу плащаницы изображенъ самъ молящійся Платонъ на колѣнахъ предъ таинственнымъ погребеніемъ Спасителя. Замѣчательна икона, стоящая на престолѣ, она была комнатною Людовика XVI и привезена въ Россію во время революціи. Могъ ли ожидать

несчастный Король, что его домашняя святыня будетъ украшать Виѳанію?

Сельскій двухъ-ярусный домъ Платона достоинъ также вниманія. Комнаты весьма тѣсны; въ одной малая церковь, невольно заставляющая подумать о Никоновомъ скитѣ въ Воскресенскѣ, ибо сходство душевное, казалось, сближало взаимно мысли обоихъ Іерарховъ. Въ сей церкви почти нѣтъ иконостаса, а только одна низкая перегородка съ двумя малыми иконами, писанными на стеклѣ, и царскія сквозныя врата; на одной половинѣ написано: «законъ Моисеемъ данъ бысть» — а на другой: «благодать же и истина Іисусъ Христомъ.» Мысль глубокая — однимъ стихомъ Евангелиста изобразить оба завѣта!

Съ балкона открывается очаровательный видъ. Густая роща, насажденная самимъ Владыкою, спускается по оврагу къ обширному пруду, и надъ зеленью ея деревъ открывается какъ бы второй ярусъ картины — противуположный берегъ оврага, также украшенный рощами и свѣтлыми полянами. Вдали надъ чащею подымалось уединенно изсохшее дерево. Я указалъ его Намѣстнику и сказалъ: «если бы оно существовало въ такомъ видѣ при Митрополитѣ Платонѣ, быть можетъ онъ назвалъ бы его изсохшею смоковницею, на память притчи Христовой, ибо Спаситель изсушилъ ее на пути изъ Виѳаніи.»

По правую сторону, за изгибомъ пруда, который далѣе обращается въ рѣчку, видна была величественная лавра, горящая вечернимъ солнцемъ. Всѣ ея остроконечныя башни и золотые куполы и надъ ними легкая колокольня, сливаясь въ одну великолѣпную массу, давали ей видъ Восточной короны, поставленной на землю: подобно тѣмъ златымъ вѣнцамъ, которые слагаютъ съ себя таинственные старцы Апокалипсиса предъ престоломъ живущаго во вѣки, когда небеса поютъ его славу.

Отселѣ любовался своею лаврою Митрополитъ Платонъ. Какъ замѣчательно лице его въ іерархіи нашей! Послѣ Стефана Яворскаго, мѣстоблюстителя патріаршаго престола при Петрѣ великомъ, не было подобнаго. Начавшій при дворѣ свое духовное поприще, какъ наставникъ Цесаревича, онъ твердою стопою прошелъ трудную стезю святительства, былъ надежною опорою Россійской Церкви, пользуясь даже Европейскою извѣстностію, и кончилъ въ уединеніи дни свои, сокращенные бѣдствіемъ отечества и столицы, но еще имѣлъ утѣшеніе услышать о изгнаніи непріятеля. Необыкновенное движеніе умѣлъ онъ давать всему, что только его окружало, оставляя всюду отпечатокъ великой души своей, и положилъ прочное основаніе образованію духовенства. Многіе изъ святителей нашихъ воспитаны были при немъ келейно, и нѣкото-

рые, какъ Михаилъ Новгородскій и другіе, еще живущіе, были убѣждены вступить въ монашество Платономъ, угадавшимъ ихъ высокія дарованія. Его память и доселѣ еще священна ученикамъ его, которые, гордясь симъ названіемъ, часто говорятъ: «послѣ Платона Платона не будетъ.»

Вечеромъ возвратились мы изъ Виѳаиіи водою. Намѣстникъ управлялъ лодкою, два послушника гребли; круто извивалась Кончура между кустовъ и тростника, но кормчій еще не забылъ своей приволжской жизни и непогодъ родной рѣки, по волнамъ которой водилъ онъ челнъ свой, доколѣ не избралъ себѣ пристани въ лѣсахъ Саровскихъ. Когда изгибы береговъ не требовали его вниманія, онъ разсказывалъ мнѣ о духовныхъ старцахъ Сарова и другихъ отшельникахъ невѣдомыхъ міру, которые спасались въ дремучихъ лѣсахъ Брянскихъ, и изгнанные оттолѣ разбойниками, удалились въ безлюдныя дебри Сибири. И у насъ есть своя Ѳиваида, внѣ монастырскихъ оградъ; ея описаніе могло бы составить назидательный патерикъ; но кто возметъ на себя столь высокій трудъ. — Въ такой пріятной бесѣдѣ причалили мы къ зеленому утесу: далѣе нельзя было плыть по мелководію; уже не далеко оставалось до лавры.

РОСТОВЪ.

На разсвѣтѣ другаго дня поѣхалъ я далѣе въ Ростовъ. Мнѣ благопріятствовала погода, и красное утро придавало особенную прелесть зеленѣющимъ полямъ и рощамъ гористой дороги, усѣянной богатыми селами до Переяславля. Съ поклонной горы, гдѣ поставленъ усердіемъ предковъ каменный крестъ, открылся Переяславль Залѣскій во всей древней благочестивой красѣ своей, на берегу тихаго, длиннаго озера, горящій въ небѣ золотомъ крестовъ многихъ обителей и церквей. Неожиданно и вмѣстѣ очаровательно было зрѣлище сего города;—такъ пріютно прислонился онъ къ мирнымъ водамъ, издали совокупляясь всѣми своими храмами въ одинъ Божій домъ; такъ безпечно летѣли къ нему бѣлые

паруса рыбарей по спящей пучинѣ, какъ бы въ безбурный пригонъ, созданный только для упокоенія ихъ смиренныхъ лодокъ и безстрастныхъ душъ. Такъ мнѣ показалось издали съ горы, у подножія поклоннаго креста, и такъ могутъ всегда представляться предметы, если смотрѣлъ на нихъ съ подобной же точки!

Я не могъ оставаться въ Переяславлѣ, поспѣшая на ночь въ Ростовъ, и только посѣтилъ при въѣздѣ и выѣздѣ города два монастыря: женскій Ѳеодоровскій, основанный Іоанномъ Грознымъ на память рожденія Царевича Ѳеодора, и мужескій Никитскій, весьма древній, но украшенный зданіями также во времена Іоанна. Тамъ поклонился я мощамъ св. Никиты, столпника Переяславскаго XII вѣка, и посѣтилъ уединенный тѣсный столпъ его, гдѣ сложивъ съ себя боярство усмирялъ онъ суровый нравъ подъ тяжестію веригъ, послужившихъ орудіемъ его мученической смерти, ибо ими былъ онъ умерщвленъ отъ руки нощныхъ хищниковъ.

Послѣ мрачныхъ Владимірскихъ лѣсовъ, открылись мнѣ благословенные предѣлы Ярославля. Смѣющаяся равнина, оживленная рѣзвыми изгибами рѣки, испещренная безчисленными селами, развила предо мною свой безконечный обзоръ; повсюду бѣлѣлись церкви какъ бѣлые шатры, поставленные для стражи сей чудной равнины. На краю ея румяное озеро Неро скопляло

въ себѣ лучи вечерняго солнца, вознося надъ блескомъ водъ своихъ бѣлый, многобашенный Ростовъ, вѣнецъ всей картины и желанную цѣль моего странствія. Съ закатомъ солнца я его достигъ.

Я поспѣшилъ прямо въ Яковлевскій монастырь къ святителю Димитрію. Подходя къ собору, вспомнилъ, что мнѣ поручено было поклониться гробу добродѣтельнаго старца Амфилохія, 40 лѣтъ молитвенно простоявшаго у возглавія мощей угодника Ростовкаго, и не зналъ, гдѣ найти его могилу. Уже смеркалось, соборная трапеза была отперта, тамъ хотѣлъ я дождаться открытія самой церкви. Любопытство привлекло меня къ высокой мраморной гробницѣ, украшенной знаками схимническими, — и я прочелъ имя Амфилохія! О, съ какимъ внутреннимъ утѣшеніемъ простерся я предъ симъ памятникомъ великаго старца, многіе годы свѣтившаго своими добродѣтелями не только предѣламъ Ростовскимъ, но и столицѣ. На немъ почивало видимое благословеніе святителя, которое обильно передавалъ усерднымъ къ его памяти. Чувствительна для обители потеря Амфилохія, отбывшаго свою стражу!

Отперли соборъ, отперли и тяжкую серебреную крышу раки съ украшеніями архіерейскими, пожертвованную благочестіемъ Елисаветы для храненія мощей святителя, и присланную

Екатериною въ годъ ея воцаренія. Открылся святый угодникъ, ревнитель православія, ревнитель просвѣщенія, почіющій по многихъ трудахъ, надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, которое смиренно избралъ себѣ для смертнаго отдыха не въ великолѣпномъ соборѣ митрополіи Ростовской, вмѣстѣ съ своими предшественниками, но въ уединенной обители св. Іакова, основанной симъ Епископомъ по несправедливомъ изгнаніи и освященной его мощами. Здѣсь хотѣлъ возлечь Димитрій, и прославился, и прославилъ мѣсто. Я прикоснулся устами къ обнаженному челу его, нѣкогда вмѣщавшему столько благихъ помысловъ для пользы церкви и отчизны, которое долго сіяло для нихъ яркимъ свѣтильникомъ и нынѣ точитъ исцѣленія болящимъ. Со мною вмѣстѣ тихо приложилась одна недужная; для насъ только отперли церковь, за нами ее опять заперли.

Тогда же посѣтилъ я Архимандрита И....я, достойнаго племянника Амфилохія. — Дряхлый старецъ, удрученный болѣзнями, съ трудомъ могъ подняться съ своихъ креселъ, чтобы привѣтствовать во мнѣ прежняго своего знакомца.

«Я видѣлъ изъ окна, какъ вы съ недоумѣніемъ ходили по монастырю,» радушно сказалъ онъ,» и хотѣлъ уже послать монаха, чтобы онъ васъ проводилъ въ соборъ, ибо я всегда такъ дѣлаю съ новыми пришельцами, еще незнающими

обителя. Хожу и дѣйствую я весьма криво, милостивый государь, но по крайней мѣрѣ сижу прямо: противъ меня угодникъ и къ нему указываю я всѣмъ дорогу.»

— Гдѣ же найти лучшаго указателя, отвѣчалъ я, вы уже такъ давно на стражѣ у святителя. —

«Да, кротко отвѣчалъ онъ, благодаря угодника, вся жизнь моя обтекла кругомъ сего озера, или лучше сказать, я только перевезся съ одного берега на другой. Когда вы взойдете завтра на ограду, или на ту башню, которую я себѣ приготовилъ для покоя, вы увидите за озеромъ высокую колокольню села Порѣчья, гдѣ я долго былъ приходскимъ священникомъ. Тамъ и дѣдъ мой и прадѣдъ имѣли счастіе быть посвященными отъ руки самаго Святителя, и я самъ, не смотря на всѣ грѣхи мои, достигъ пріюта только милостію угодника.»

— И такъ я здѣсь какъ бы въ его семействѣ, сказалъ я, тронутый живою любовію Архимандрита къ св. Димитрію. Вы сроднились съ нимъ и чрезъ рукоположеніе вашихъ дѣдовъ, и сорокалѣтнею, постоянною стражею при его мощахъ вашего дяди старца Амфилохія, и вашею собственною приверженностію къ угоднику.

«Желаю духовнаго родства сего себѣ и вамъ,» отвѣчалъ Архимандритъ, и благословилъ меня провести ночь на сосѣднемъ подворьи.

Рано утромъ я уже нашелъ почтеннаго старца сидящимъ опять въ своихъ креслахъ, посреди богомольцевъ, которые одинъ за другимъ приходили принять его благословеніе. Каждаго принималъ онъ ласково, спрашивая имя, и надѣляя образкомъ отпускалъ съ назидательнымъ словомъ. Я подивился его терпѣнію при такомъ болѣзненномъ состояніи. «Государь мой, сказалъ мнѣ простодушно И.....й, больше труда было симъ усердным людямъ придти къ угоднику, нежели мнѣ принять ихъ. Да и у чего же я поставленъ, если не буду благословлять ихъ во имя Святителя?»

Въ числѣ посѣтителей находился раненный офицеръ и съ нимъ докторъ. Сей послѣдній, видя страданія Архимандрита, совѣтовалъ ему многія средства для облегченія болѣзни. И.....й вниманіемъ своимъ платилъ ему за его участіе и наконецъ сказалъ: «Милостивый государь, вотъ уже многіе годы, какъ я страдаю; — знаете ли какой единственный пластырь обрѣлъ я противу всѣхъ моихъ болѣзней? — терпѣніе, государь мой, одно только терпѣніе! по скольку его приложишь къ своимъ ранамъ, по столько и почувствуешь облегченія. Повѣрьте, что другаго нѣтъ для моихъ недуговъ. Жизнь человѣческая какъ лампада: когда сосудъ благоустроенъ, хороша свѣтильня и чисто масло, тогда ясно горитъ и лампада, но когда все въ ней приходитъ

въ ветхость, скудѣетъ елей и задуваетъ вѣтеръ, — а вѣтеръ наши собственныя страсти, — тогда время ей погаснуть, и она гаснетъ сама собою.»

При этомъ простомъ, но краснорѣчивомъ сравненіи невольно взглянулъ я на лампаду, висѣвшую предъ иконами, которыя занимали весь передній уголъ тѣсной комнаты и два сосѣднія окна, а двѣ противуположныя стѣны были убраны множествомъ портретовъ духовныхъ особъ.

—Въ какомъ благочестивомъ обществѣ проводаете вы всѣ дни ваши, сказалъ я Архимандриту.

«Извольте посмотрѣть, государь мой, смиренно отвѣчалъ онъ, вотъ на правую сторону отъ меня святые угодники, прославившіе своею жизнію Господа, а вотъ на лѣво благочестивые мужи шедшіе по слѣдамъ ихъ: но поелику они еще не удостоились прославленія свыше, то чтобы не смѣшать горняго съ дольнимъ, между ними утвердися здѣсь пропасть велика, — я самъ съ моими немощами и грѣхами!

И когда я не находилъ словъ отвѣчать ему, онъ тотчасъ продолжалъ:

«Время идти къ обѣдни; прошу васъ заглянуть также и въ новый соборъ, который Господь сподобилъ меня окончить, истинно пособіемъ угодника, ибо у меня не было ни денегъ, ни средствъ, и все неожиданно явилось. Посмотрите

на живопись: самый художникъ, покойный академикъ Медвѣдевъ былъ для меня даромъ Божіимъ, по его благочестію. Вѣрите ли, государь мой, что онъ не иначе приступилъ къ письму, какъ причастившись св. Таинъ, и прямо изъ церкви взялся за кисть, не вкушая никакой пищи, пока не начерталъ лика Господня на сводахъ олтаря, и такъ всегда безъ пищи и съ молитвою начиналъ онъ писать образъ Спасителя или Божіей матери. Рѣдкое благочестіе! за то Господь увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ его труды, и вы вѣрно полюбуетесь живописью. Прошу васъ въ церковь. »

И точно стѣнное писаніе было превосходно, соединеніемъ древняго и новаго вкуса, чего я нигдѣ не встрѣчалъ. Особенно замѣчательны два свода: надъ олтаремъ и надъ самою церковью, какъ по отдѣлкѣ такъ и по глубокому смыслу. На первомъ изображены всѣ силы небесныя въ девяти Іерархіяхъ, свѣтлымъ вѣнцемъ обтекающія св. Троицу, возсѣвшую прямо надъ престоломъ. На второмъ начертана кругомъ Божіей матери вся торжествующая церковь Христова, съ ликами угодниковъ всякаго званія: святителей, царей, воиновъ, убогихъ, для утвержденія членовъ воинствующей церкви, приходящихъ молиться въ храмъ сей. На стѣнахъ благоговѣйно поражаетъ взоры тяжкое несеніе креста на Голгоѳу, и молитва св. Димитрія предъ

знаменіемъ явленнаго ему креста, и его пропо-вѣдь къ отступникамъ истинной вѣры, и тор-жество открытія его мощей, и наконецъ самое начало сей обители, основанной въ XII вѣкѣ. Св. Епископъ Іаковъ, изгнанный клеветою на-родною, въ знакъ своей невинности, перепла-ваетъ Неро озеро на мантіи архіерейской, ко-торая безбурно приноситъ его къ сему приста-нищу.

Послѣ обѣдни благосклонный Архимандритъ далъ мнѣ своего намѣстника Ф..... а, чтобы посѣтить знаменитый древностію соборъ Ростов-скій и другія обители сего нѣкогда славнаго горо-да. Въ соборѣ ожидалъ меня почтенный Протоіе-рей Т..... й и съ большимъ радушіемъ по-казалъ мнѣ все достойное вниманія. Я пора-женъ былъ величіемъ собора.

Начало его еще относится ко временамъ св. Князя Владиміра, но тогда была устроена только деревяпная церковь во имя Успенія Бо-жіей матери, послѣ пожара коей и паденія другой каменной, воздвигнутой на ея мѣстѣ, заложенъ былъ нынѣшній соборъ въ 1213 году; онъ украшенъ святымъ Княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ, и довершенъ уже въ бѣдственныя времена ига Татарскаго въ 1262 году. Самое растояніе лѣтъ между началомъ и окончаніемъ храма свидѣтельствуетъ, чрезъ какія бѣдствія прошла Россія въ теченіе сего полувѣка.

Но не смотря на сіи бѣдствія, отпечатокъ величія рода Долгорукихъ остался на священномъ памятникѣ, и благочестіе сына великаго Всеволода вполнѣ удовлетворилось. До сихъ поръ храмъ сей по своему зодчеству и по обширности, одинъ изъ лучшихъ нашего отечества, не уступая красою Владимірскому, который послужилъ ему образцемъ и почитался совершенствомъ своего времени. (Въ немъ до 14 сажень длины и до 23 высоты съ куполомъ). Въ XIII вѣкѣ св. Епископъ Игнатій устлалъ полъ его краснымъ мраморомъ; послѣдующіе Архіереи постепенно его украшали, въ особенности же Митрополитъ Іона, стѣннымъ писаніемъ; еще недавно былъ поновленъ иконостасъ и представляется въ должномъ благолѣпіи. Но сокровища сего собора не въ златѣ и мраморѣ. Четыре великіе столба поддерживаютъ его славу: мощи четырехъ его святителей — основаніе Ростовской церкви. Въ маломъ придѣлѣ внутри олтаря покоится св. Леонтій, третій Епископъ Ростова и его просвѣтитель, ибо до него смѣнявшіеся архіереи не могли удержаться посреди язычниковъ; святыя мощи его, долго лежавшія поверхъ земли, теперь почиваютъ подъ спудомъ, послѣ раззоренія Литовскаго, но та же благодать исцѣленій истекаетъ отъ его гроба. Съ той же стороны, но внѣ олтаря, открыто лежитъ преемникъ его св. Исаія, въ долгое правленіе

паствою Ростовскаго утвердившій въ ней корень Христіанства. — По лѣвую же сторону храма и недалеко отъ мѣстной великолѣпной иконы Божіей Матери, чудесно написанной въ XI вѣкѣ Св. Алимпіемъ иконописцемъ Печерскимъ, почиваетъ въ богатой ракѣ св. Епископъ Игнатій, одинъ изъ всѣхъ угодниковъ Россійскихъ, котораго нетлѣніе просіяло даже прежде преданія землѣ, ибо чудеса, явившіяся при самомъ отпѣваніи, побудили клиръ и народъ тогда же поставить его святыя мощи для поклоненія на то мѣсто, гдѣ и до нынѣ они обрѣтаются. Племянникъ св. Сергія, св. Архіепископъ Ѳеодоръ — четвертая опора Ростовской церкви.

Рядомъ съ нимъ лежатъ вдоль по стѣнѣ кругомъ соборa, знаменитые его преемники Митрополиты: Варлаамъ, первый возведенный въ санъ сей первымъ Патріархомъ Іовомъ; Іона, предрекшій ему о судьбѣ Отрепьева; Кириллъ управлявшій церковію при Лжедимитріи, прежде и послѣ Филарета Никитича, и встрѣчавшій на царство Михаила; другой Варлаамъ, бывшій при его вѣнчаніи; Іона, посвященный Никономъ, въ теченіи 40 лѣтъ, послѣ всѣхъ внутреннихъ смятеній Россіи, устроившій свою митрополію до самаго цвѣтущаго состоянія, и наконецъ Іоасафъ, поставленный послѣднимъ Патріархомъ.

Но славнѣе всѣхъ сихъ почіющихъ въ соборѣ Митрополитовъ является отсутствующій прахомъ, но всегда внутри его пребывающій своею памятью великій Филаретъ Никитичъ Романовъ. Заточенный, постриженный по неволѣ Годуновымъ, онъ вызванъ былъ Лжедимитріемъ въ Митрополиты Ростовскіе, какъ бы для того, чтобы тѣмъ указать, какъ премудрый Промыслъ иногда и чрезъ нечистыя орудія устрояетъ благо людей: такъ рукою разстриги возвелъ онъ Филарета на высшую степень іерархіи и даровалъ въ немъ Россіи залогъ ея грядущаго благоденствія. — Подвигъ Филарета въ соборѣ Ростовскомъ, обличилъ въ немъ достойнаго родоначальника новаго племени Царей. Предлагаю здѣсь краснорѣчивый расказъ соборной лѣтописи Ростова.

« Егда Литовскихъ полковъ Гетманъ, зовомый Сапѣга, пріиде подъ монастырь святыя живоначальныя Троицы Сергія чудотворца, тогда града Переяславля Залѣскаго людіе всякихъ чиновъ, забывше крестное цѣлованіе, измѣниша государю своему благовѣрному Царю и Великому Князю Василію Ивановичу Московскому, и присташа къ сопротивнымъ, и соединившися съ Литовскими людьми, поидоша ко граду Ростову, вѣдуще бо его не крѣпка суща. И абіе вѣстно бысть въ Ростовѣ, яко Переяславцы съ Литвою идутъ ратію на градъ, и пріидоша ихъ людіе

Ростовстіи съ градоначальники къ преосвященному Митрополиту Филарету и молиша его, да благословитъ имъ бѣжати въ Ярославль градъ; онъ же увѣщеваше и утверждаше ихъ стояти крѣпко за православную вѣру и за Государя своего, емуже крестъ цѣловаша, и глаголаше къ нимъ: «аще одолѣны отъ супостатъ нашихъ и избіены будемъ, то вѣнцы мученическіе отъ Бога пріимемъ.» Людіе же молиша его, да и самъ съ ними въ Ярославль пойдетъ; а святитель Божій яко адамантъ твердъ, и столбъ непоколебимый, мужественнымъ великодушіемъ стоя, рече: «аще ми будетъ и многія муки претерпѣти, дому пречистыя Богородицы и Ростовскихъ чудотворцевъ не остануся.» То слышавше отъ него людіе, овіи бѣжаша въ Ярославль, а друзіи яко овцы при пастырѣ своемъ, при Архіерею Божію осташа. Увѣдавъ же Святитель приближающіеся супостаты, пойде въ соборную пречистыя Богородицы церковь и облечеся въ святительская одѣянія, и людіе мнози въ церковь стекошася; готовяся же Святитель яко агнецъ къ заколенію, причастися пречистыхъ и животворящихъ таинствъ тѣла и крове Христовы, такожде же и овцы словесныя пастырь добрый, тою безсмертною пищею напита; повелѣ бо протопопи и іереемъ, вся сущія въ церкви люди исповѣдати и причастити божественныхъ таинъ, и возложися на Бога глаголя: «се азъ и дѣти,

яже далъ ми еси Боже.» Тѣмъ временемъ пріидоша Переяславцы и Литва во градъ, и начаша избивати людей, елицѣхъ обрѣтоша во градѣ, не убѣжавшихъ къ Ярославлю; таже идоша къ церкви; Митрополитъ же повелѣ утвердити двери, и начаша тыи къ дверемъ приступати, и біюще сокрушати дверь и добывати церкве. Митрополитъ же къ дверемъ пришедъ, нача говорити Переяславцомъ, увѣщевая отъ божественнаго писанія, чтобы помнили свою православную вѣру, и отъ Литовскихъ людей отстали бы, и чтобы обратилися къ своему Государю, емуже крестъ цѣловаша. А Переяславцы, яко волцы возопиша веліимъ гласомъ, и начаша жесточае въ двери бити, и восбивше двери, начаша сѣщи люди, и изсѣкоша множество неповиннаго народа. А Митрополита съ мѣста его жива взяша, и святительская съ него содраша облаченія, и одѣяша его въ худыя одежды и отслаша въ село Тушино, еже близь Москвы.» (Онъ былъ освобожденъ войсками Князя Михаила Шуйскаго близь Осипова монастыря).

Подлѣ самаго собора каменная обширная ограда, въ видѣ кремля, съ зубцами и бойницами и съ пятью на стѣнахъ ея церквами, окружаетъ митрополію Ростовскую, великолѣпно построенную Митрополитомъ Іоною, во время его долгаго правленія, и пришедшую въ совершенный упадокъ

съ перенесеніемъ каѳедры архіерейской въ Ярославль. Главныя врата ея, обращенныя къ собору, особенно замѣчательны своимъ готическимъ зданіемъ; надъ ними церковь воскресенія, нынѣ запечатанная, какъ и всѣ прочія расписана стѣннымъ письмомъ. Не уступаетъ ей и другая, Одигитріи, близь ограды, воздвигнутая Митрополитомъ Іосифомъ Лазаревичемъ, преемникомъ Іоны, и третія Іоанна Богослова на западной стѣнѣ. Входъ въ четвертую церковь, бывшую монастыремъ св. Григорія Богослова, гдѣ постригся св. Стефанъ Пермскій, закладенъ изъ опасенія ея ветхости.

Я пробирался все далѣе по зубчатымъ переходамъ стѣнъ въ обширную трапезную палату, гдѣ нѣкогда пировалъ Петръ великій, поддерживаемую однимъ столбомъ посрединѣ, на подобіе Московской грановитой, и достигъ наконецъ на юговосточномъ углу ограды до провалившейся терасы, между самимъ жилищемъ Архіереевъ и ихъ домовою каменною церковью всемилостиваго Спаса. — Опустѣніе сихъ величественныхъ зданій, которыя еще не успѣли совершенно развалиться, производило на меня грустное впечатлѣніе, но еще болѣе стѣснилось сердце, когда я съ опасеніемъ пройдя по террасѣ, заглянулъ сквозь окно въ самую келлію, гдѣ по преданіямъ жилъ и преставился святитель Димитрій. Взойти въ нее было уже невозможно; она угловая во

второмъ ярусѣ и обращена въ церкви Спаса; остатокъ хоровъ надъ дверями показываетъ, что ее хотѣли обратить въ церковь; и гдѣ бы можно приличнѣе устроить оную какъ не на томъ мѣстѣ, на которомъ святая душа колѣнопреклоненнаго угодника съ послѣднею молитвою тихо отлетѣла ко Господу!

Осмотрѣвъ соборъ и древнюю митрополію, я посѣтилъ и прочіе манастыри Ростова: Богоявленскій святаго Аврамія, гдѣ почиваютъ мощи сего перваго просвѣтителя Ростова, современника Св. Князя Владиміра, и гдѣ показываютъ крестообразный жезлъ, которымъ онъ смѣло сокрушилъ каменнаго идола Велеса, и тѣмъ положилъ начало Христіанству въ Ростовѣ. Почти рядомъ съ нимъ, также на берегу озера Нера, обитель Петра и Павла воздвигнута при св. Епископѣ Игнатіѣ, Ордынскимъ Царевичемъ Петромъ по явленіи ему двухъ верховныхъ Апостоловъ, и тамъ обрѣтаются подъ спудомъ его мощи. Царевичь сей, племянникъ Хана Берки еще въ юности своей послѣдовалъ за Ростовскимъ Епископомъ Кирилломъ, чудесно исцѣлившемъ Ханскаго сына въ Ордѣ, и принявъ Христіанство, основался въ Ростовѣ, гдѣ долго въ послѣдствіи пребывалъ его родъ; онъ преставился инокомъ. Въ описаніи житія его любопытно преданіе о тяжбахъ Князей Ростовскихъ съ его сыномъ и внукомъ, за земли уступленныя Царевичу. Орда

всегда мѣшалась въ сіи тяжбы и Ханы признавали его потомство, хотя христіанское, своимъ единокровнымъ, а правнукъ св. Петра Игнатій при наступленіи Хана Ахмыла на Ростовъ, когда бѣжали Князья его, спасъ городъ; принудивъ Епископа Прохора идти торжественно на встрѣчу Татаръ и объявивъ себя родственникомъ Хана и владыкою Ростова.

За четыре версты отъ города заѣзжалъ я на родину св. Сергія въ малый монастырь святыя Троицы, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ жили его праведные родители, и гдѣ онъ имѣлъ таинственное видѣніе мужа, научившаго его грамотѣ. — Тамъ проведя болѣе часа въ пріятной бесѣдѣ съ бывшимъ Епископомъ Оренбургскимъ А. . . . . ъ, возвратился къ вечеру въ Яковлевскій монастырь и началъ сбираться въ обратный путь къ Лаврѣ.

Когда все уже было готово, почтенный Архимандритъ послалъ намѣстника еще однажды отслужить для меня молебенъ, надъ мощами святителя Димирія; потомъ благословилъ меня иконою и напутствовавъ благими совѣтами, просто вытекавшими изъ его смиреннаго сердца, спросили наконецъ:

«Кажется я все сказалъ, что же еще намъ остается?»

— Мнѣ остается только, отвѣчалъ я, просить вашего послѣдняго благословенія и молитвъ, — и мое сердце стѣснилось при сихъ словахъ.

«И такъ помолимся! сказалъ И..... й не знаю, свидимся ли еще, я уже весьма ветхъ.» И онъ сталъ молиться съ такою теплою вѣрою, съ такимъ сердечнымъ умиленіемъ, что мои прощальныя слова обратились въ слезы, и я уже молча оставилъ старца и его обитель.

На разсвѣтѣ проѣхалъ я Переяславль Залѣсскій и мимоходомъ зашелъ въ церковь чудотворца Николая, гдѣ покоится св. Князь Андрей Переяславскій. Онъ изображенъ на своей гробницѣ, со свиткомъ въ рукахъ, и въ ономъ надпись: «се азъ Андрей, единъ отъ Смоленскихъ Князей.» Какъ просто и какъ трогательно, такова была и вся жизнь его. Онъ уединился еще отрокомъ изъ Смоленска къ св. Даніилу въ Переяславль, скончался въ неизвѣстности и по смерти найденъ былъ съ симъ свиткомъ въ рукахъ; тогда только признали его княжескій родъ. Я поклонился также и мощамъ святаго Игумна Даніила Переяславскаго, который устроилъ двѣ обители въ семъ городѣ: древнюю Горійскую, нынѣ упраздненную, но бывшую нѣкогда каѳедрою архіерейскою, о чемъ свидѣтельствуютъ ея великолѣпный соборъ и начатое пышное зданіе Геѳсиманіи, и другую во имя св. Троицы,

гдѣ онъ самъ почиваетъ въ богатой ракѣ, такъ высоко, что нетлѣнное тѣло его кажется лежитъ не въ гробу, но на одрѣ. Сей благочестивый Игуменъ былъ въ большомъ уваженіи у Великаго Князя Василія, крестилъ его сына Грознаго и участвовалъ въ его совѣтахъ, какъ свѣтильникъ своего времени.

Около вечерни я уже былъ опять въ Лаврѣ, и тамъ провелъ еще одинъ утѣшительный день, посреди молитвъ и воспоминаній, наслаждаясь столько же настоящимъ сей славной обители, сколько и великимъ прошедшимъ. Поздно вечеромъ собирался я ее оставить и пришелъ принять благословеніе Архимандрита А..... «Мы простимся въ церкви, сказалъ онъ, ты вѣрно желаешь прежде отъѣзда поклониться Преподобному.»

Намѣстникъ велѣлъ отпереть соборъ; мы взошли одни во мракъ его; слабо свѣтила намъ лампада предъ св. мощами, гробовой монахъ открылъ раку. Намѣстникъ сталъ у главы и началъ молебень св. Сергію, съ акаѳистомъ, въ которомъ, какъ видно, излились всѣ чувства души глубоко проникнутой благодѣяніями угодника своему отечеству. Какъ простъ и выразителенъ сей привѣтъ Сергію: «земный ангеле и небесный человѣче!» Какъ радуется сердце при каждомъ тихомъ возгласѣ гробоваго старца: «радуйся Сергіе, великій чудотворче!»

Когда окончилась служба, и мы сошли со ступеней на средину темнаго собора, А . . . . . взялъ меня за руку и, послѣ краткихъ назидательныхъ увѣщаній, сказалъ простосердечно: «полюби святаго Сергія, онъ былъ Русской въ душѣ; сердце его лежало ко всему отечественному, и онъ не только нашъ, но и цѣлой Россіи; полюби его искренно, и онъ тебя полюбитъ!»

Я былъ глубоко тронутъ и молчалъ. Мы вышли изъ храма и услышали за собою звукъ замковъ, ибо всѣ, кромѣ насъ, уже отошли на покой, и мимо насъ побрелъ въ свою келлію гробовой старецъ.

«Мнѣ все еще не хочется съ тобою проститься, радушно говорилъ мнѣ Намѣстникъ, мы поклонилися преподобному Игумну лавры, пойдемъ же кругомъ собора поклониться еще и святымъ ученикамъ его. Но прежде, продолжалъ онъ, подойдя къ отверстому окну келліи св. Сергія, внутри коей ярко сіяла при свѣтѣ лампады, въ золотѣ и драгихъ камняхъ, большая икона явленія Божіей Матери, прежде помолись пречистой Дѣвѣ на мѣстѣ ея схожденія, да направитъ стопы твои по заповѣдямъ Господнимъ.»

«Заглянемъ и къ преподобному Никону, проговорилъ тихо А . . . . . взойдя на крытую паперть предъ его церковію: преподобне отче

Никоне, моли Бога о насъ!» Сквозь желѣзную рѣшетку окна видна была въ таинственномъ мракѣ вся внутренность малой церкви. Только, изъ подъ богатыхъ завѣсъ гробоваго балдахина, проливался свѣтъ невидимой лампады, какъ будто самъ угодникъ освѣщалъ собою гробъ свой. Молча прошли мы еще нѣсколько шаговъ, ибо для такихъ минутъ не созданы слова, и приблизились къ церкви у готической трапезы; и она свѣтилась изнутри гробовою лампадою. «Вотъ и ученикъ Сергіевъ отдыхаетъ по многихъ трудахъ въ своей келліи, сказалъ А . . . . . , моли Бога о насъ преподобне отче Михее! Зайдемъ теперь и къ Максиму Греку.»

Мы подошли къ его часовнѣ близь Сошественскаго собора. Архимандритъ долго и пристально смотрѣлъ на гробницу великаго мужа церкви, столь много для нее потрудившагося и пострадавшаго; потомъ обратясь ко мнѣ, возвысилъ голосъ:

«Желаю тебѣ, хотя нѣкую часть того духа благодати, коимъ былъ исполненъ сей великій подвижникъ въ трудахъ своихъ ко благу церкви!»

— Ахъ, пожелайте, отвѣчалъ я, и помолитесь, чтобы тотъ же духъ терпѣнія данъ мнѣ былъ въ скорбяхъ, какой укрѣплялъ Максима, если паче чаянія и меня ожидаютъ испытанія!

Отъ сей часовни пошли мы къ святымъ вратамъ, по роскошной аллеи вѣковыхъ липъ,

осеребренныхъ луною, которой лучи, пробиваясь сквозь густую тѣнь ихъ, какъ бы крупными каплями, падали на землю. Билъ одиннадцатый часъ, когда приблизились мы ко вратамъ ограды. Покамѣстъ сонный сторожъ отпиралъ тяжелый замокъ: «вотъ мы нашли себѣ вѣрную стражу, сказалъ Намѣстникъ, указывая на образъ неопалимой купины надъ вратами, во время Московскихъ пожаровъ мы ввѣрили ей охраненіе обители отъ огня, и благодареніе Господу — все уцѣлѣло!»

Внимая ему, я еще разъ обратился къ монастырю. Мрачно подымался предъ нами высокій соборъ Успенія. Только часть его крыши освѣщена была мѣсяцемъ, который перекатывался по златой главѣ, ярко охвативъ крестъ;— мы любовались благоговѣйно.

«Основанъ грознымъ Іоанномъ!» тихо проговорилъ я самъ себѣ:—освященъ кроткимъ Ѳеодоромъ! — столь же тихо договорилъ А..... какъ бы нѣкій антифонъ. «На вратахъ его изображенъ Ангелъ страшнаго суда, со скрижалію, гдѣ вписываетъ дѣянія наши.» — Подлѣ сихъ вратъ, опять отвѣчалъ мнѣ А..... погребено все семейство Годуновыхъ. — «Какія имена, какія воспоминанія! воскликнулъ я, о святая Лавра, какъ трудно съ тобою разставаться!»

Я уже переступилъ за врата, Архимандритъ еще держалъ меня за руку. — «Чувствуешь ли, что здѣсь за оградою совсѣмъ другой воздухъ? вся свѣжесть, весь ароматъ ночи остались внутри стѣнъ; а здѣсь все дышетъ житейскимъ. Теперь прости, я стою на томъ порогѣ, гдѣ для меня долженъ кончаться міръ; — и благословивъ сказалъ: святый Сергій, да будетъ присно съ тобою.»

НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ Лавры, оставилъ я Москву, желая посѣтить еще однажды Новый Іерусалимъ, столь близкій моему сердцу съ тѣхъ поръ, какъ поклонился древнему образцу его. Не доѣзжая Воскресенска, пошелъ я пѣшкомъ къ обители, прямо чрезъ поле, чтобы болѣе себѣ напомнить уединенное странствіе по пустынямъ Палестинскимъ; но я потерялъ настоящее направленіе ко храму, который былъ заслоненъ рощею, и только издали увидѣвъ часовню Элеонскую, могъ опять выдти на дорогу.

Патріархъ Никонъ далъ имя Элеона сей часовнѣ и воздвигъ ее на томъ мѣстѣ, отколѣ обозрѣвалъ онъ съ Царемъ Алексіемъ, во дни ихъ

духовной пріязни, избранное ими поприще для обители, и здѣсь Царь назвалъ ее Новымъ Іерусалимомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись на крестѣ внутри часовни: «Благоволеніемъ благочестиваго Царя Алексія Михайловича и святѣйшаго Никона Патріарха, въ знаменіе ихъ общей любви и совѣта, къ начинанію святыя обители и наименованію, еже есть Новый Іерусалимъ. » — И чрезъ тридцать лѣтъ, тотъ же Никонъ, въ теченіи сего времени низведенный съ Патріаршаго престола, заточенный 15 лѣтъ на Бѣломъ озерѣ, наконецъ скончавшійся на возвратномъ пути изъ своей темницы, былъ принесенъ уже мертвымъ для погребенія въ созданную имъ обитель; близь сего же креста поставилъ тѣло его кроткій Царь Ѳеодоръ, какъ бы для примиренія обоихъ великихъ усопшихъ: державнаго отца и святителя, памятію ихъ любви взаимной, которую нѣкогда засвидѣтельствовали у подножія Элеонскаго креста.

Отселѣ на разстояніи полуверсты до святыхъ воротъ насажена, чрезъ малую лощину, узкая березовая аллея; съ правой стороны близко подступила къ стѣнамъ Новаго Іерусалима крутоберегая излучистая Истра, названная Іорданомъ по волѣ Патріарха. Исполненный сладкихъ впечатлѣній, тихо приближался я къ обители, въ прохладной тѣни деревъ, и съ утѣшительнымъ чувствомъ переступилъ за священныя

врата, на коихъ изображено вербное торжество Спасителя. Хотя не отъ Элеона, а отъ Рамлы и не вербными вратами, взошелъ я за пять лѣтъ предъ тѣмъ во Св. градъ, но и сіи врата мнѣ были знакомы; я бы хотѣлъ по словамъ духовной пѣсни: «обыдите людіе Сіона и обымите его» — обойти и обнять его со всѣхъ сторонъ.

Изъ подъ высокой арки святыхъ воротъ открывается самый великолѣпный видъ на зданія собора съ восточной ихъ стороны: — это чудная гора малыхъ куполовъ и главъ, своенравными уступами восходящая до двухъ главныхъ куполовъ храма, и вся сія гора на разныхъ высотахъ усѣяна золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхожденіе наше. Но хотя зрѣлище сіе великолѣпно и вполнѣ достойно громкаго названія Новаго Іерусалима, оно совершенно отлично отъ образца своего. Правда, и тамъ есть два купола надъ соборомъ и полукуполъ надъ олтаремъ, и глава выходящая изъ земли надъ церковью обрѣтенія; но всѣ безъ крестовъ, и всѣ кругомъ застроены терасами и плоскими крышами сосѣднихъ монастырей Авраама и Аббисинцевъ и древнею Патріархіею, такъ что примѣтны только два купола надъ соборомъ; все же зданіе является въ видѣ огромной полуразрушенной твердыни, которой терасы сперва разбили люди, а потомъ время. А здѣсь

напротивъ, все еще ново и свѣжо: четыре малыя часовни, едва подымаясь поверхъ земли, окружаютъ большой куполъ подземной церкви обрѣтенія; еще выше двѣ легкія главы, по обѣимъ сторонамъ соборнаго олтаря, знаменуютъ многочисленные придѣлы внутренней галлереи, и еще двѣ главы надъ Голгоѳою и Геѳсиманіею, съ южной и сѣверной стороны храма, довершаютъ стройную красоту зданія, правильнаго въ частяхъ своихъ, когда въ Іерусалимѣ самая мѣстность не позволяла соблюдать симетріи.

Но не смотря на сіе несходство, отрадно отдыхаютъ взоры на пышномъ, игривомъ зодчествѣ сего храма. Забывшись можно подумать, что такимъ былъ нѣкогда и священный его подлинникъ, когда по манію царицы Елены возникъ онъ, во всемъ величіи Римскаго зодчества и могущества, изъ груды камней и земли, покрывавшихъ утесы Голгоѳы и св. Гроба.

Однакоже съ южной стороны собора, площадка между колокольнею и церковью Елены, можетъ удовлетворить ищущихъ желаннаго сходства обоихъ Іерусалимовъ. Тѣ же двойныя врата предъ вами, заключенныя корыстію Арабовъ въ древнемъ, хотя есть отличія въ украшеніяхъ надъ ними и нѣтъ здѣсь мраморныхъ столбовъ и изваяній; та же высота стѣны соборной, то же число оконъ во второмъ ярусѣ,

и я даже узналъ окно моей келліи надъ церковью Елены. Самая церковь сія, посвященная здѣсь памяти Маріи Египетской, прилѣплена ко храму подобно какъ въ Іерусалимѣ, и столь же тѣсна, но тамъ она служила сперва наружнымъ восходомъ на Голгоѳу, и на открытомъ крыльцѣ ея совершается донынѣ умовеніе ногъ, а здѣсь крыльцо закрыто и тѣмъ нарушено сходство. Положеніе же и зодчество колокольни совершенно Іерусалимскія, хотя тамъ она до половины обрушена землетрясеніемъ.

Утѣшенный столь отраднымъ для меня зрѣлищемъ, я стоялъ на знакомой площадкѣ, на коей въ Іерусалимѣ не разъ ожидалъ отверстія святыхъ воротъ, и радуясь совершенному моему одиночеству, вполнѣ предавался воспоминаніямъ Палестины. Но меня замѣтили, и подошедшій монахъ спросилъ: чего я желаю?

— Поклониться святому гробу, былъ мой отвѣтъ.

«Какъ ваше честное имя?» опять спросилъ меня монахъ, потому что мое посѣщеніе, во время полуденнаго отдыха братіи, показалось ему страннымъ.

—Развѣ нужны имена поклонниковъ? отвѣчалъ я; они выходятъ изъ памяти вмѣстѣ съ мимоидущими, если не остаются въ молитвахъ.—

«Простите мою нескромность, возразилъ онъ, но въ нашемъ уединеніи пріятно иногда

услышать знакомое имя и встрѣтить прежняго знакомца въ посѣтителѣ. Покамѣстъ отопрутъ для васъ церковь, не угодно ли вамъ пройти къ отцу Архимандриту?»

Я послѣдовалъ за нимъ въ прекрасныя келліи настоятеля Архимандрита А.....а, который весьма ласково меня встрѣтилъ. «Позвольте мнѣ поклониться св. гробу, сказалъ я, и посѣтить святыя мѣста новаго Іерусалима.» —

«Кому же свойственнѣе желать сего, если не посѣтителю древняго,» отвѣчалъ съ улыбкою Архимандритъ. — Когда же я изъявилъ нѣкоторое удивленіе: «не таитесь, продолжалъ онъ, вы мнѣ знакомы, и я давно ожидалъ васъ въ свою обитель, чтобы намъ вмѣстѣ сравнить оба Іерусалима. Вы были въ древнемъ, я живу въ новомъ; мы можемъ сообщить другъ другу нѣсколько любопытныхъ свѣденій, которыя нельзя найти въ описаніяхъ.»

—И такъ приступимъ немедленно къ сему сравненію, сказалъ я; столь же усердно его желаю. Любопытно для каждаго Русскаго узнать, въ чемъ именно сходствуетъ сіе родное для насъ святилище съ Палестинскимъ.

«Мы начнемъ, не выходя изъ сего зданія, съ нашей зимней церкви Виѳлеема, говорилъ мнѣ Архимандритъ, проходя черезъ три обширныя палаты, которыя служили нѣкогда трапезами Царямъ и боярамъ, и были устроены

Царевною Софіею, вмѣстѣ съ Виѳлеемскою церковію; вотъ храмъ Рождества. »

— Пройдемте мимо, сказалъ я, здѣсь нѣтъ и тѣни сходства съ великолѣпнымъ храмомъ Палестины, украшеннымъ рядами мраморныхъ столбовъ. Можно сравнить съ нимъ Казанскій соборъ въ Петербургѣ, по внутреннему крестообразному расположенію и красотѣ колоннъ, а не вашу зимнюю, весьма обыкновенную церковь. —

« Сойдемте въ нижній ярусъ, продолжалъ Архимандритъ, можетъ быть, вы тамъ болѣе будете удовлетворены, » — и мы сошли по широкой лѣстницѣ въ правильную галлерею, по сторонамъ которой находились малые придѣлы.

« Вотъ пещера Рождества и мѣсто яслей, но здѣсь не было устроено церкви, вѣроятно по тѣснотѣ; а быть можетъ и она предполагалась, ибо нѣкоторые изъ предназначенныхъ здѣсь придѣловъ довершены уже мною. Вотъ престолы на память обрѣзанія Господня, бѣгства во Египетъ, поклоненія волхвовъ и избіенія младенцевъ. »

— Пойдемте далѣе, опять повторилъ я, слышу названія Виѳлеемскія, но не узнаю самыхъ мѣстъ; притомъ же церкви въ память обрѣзанія Господня не существуетъ нигдѣ во всей Палестинѣ, а малый гротъ, гдѣ укрывалась Божія Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ, и отколѣ бѣжала съ нимъ въ Египетъ, по преданіямъ Виѳлеемскимъ, находится внѣ храма на

краю селенія. Хотя же придѣлы рождества, яслей, волхвовъ и избіенія младенцевъ, точно обрѣтаются въ подземельи Палестинскомъ, но здѣсь нѣтъ главнаго — самаго подземелья. Темные, излучистые переходы и подземныя церкви Печерской лавры въ Кіевѣ могутъ дать понятіе о вертепахъ Виѳлеема, а не здѣшній нижній ярусъ вашего правильнаго зимняго собора. —

« Весьма трудно угодить очевидцамъ, проговорилъ настоятель, и обратясь ко мнѣ: нашъ Виѳлеемъ вамъ не понравился; по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что самый храмъ Воскресенія напомнитъ вамъ вполнѣ Палестину, ибо онъ точно сдѣланъ по образцу, который принесъ оттолѣ старецъ Арсеній Сухановъ, посыланный Патріархомъ Іосифомъ въ 1649 году на Востокъ, для сравненія богослуженія нашего съ Греческимъ. Никонъ, вступивши на престолъ патріаршій, когда еще Арсеній былъ въ Іерусалимѣ, велѣлъ ему снять точную модель съ храма, которая доселѣ хранится въ нашей ризницѣ. Мы взойдемъ южными вратами отъ колокольни, ибо вы сами знаете, что всѣ прочія закладены въ Іерусалимѣ. »

Врата отворились, мы вступили въ храмъ, — радостно затрепетало сердце; что то родное повѣяло мнѣ изъ подъ величественныхъ сводовъ, изъ длинныхъ галлерей; такъ нѣкогда вступалъ я и въ святилище Палестины, и оно также

показалось мнѣ родственнымъ, ибо я былъ уже прежде въ Воскресенскѣ. Есть невыразимое чувство родства, которое сближаетъ насъ не съ одними людьми, но и съ неодушевленными предметами. Послышится ли прежде слышанный звукъ, повѣетъ ли знакомымъ запахомъ воздухъ, повторится ли глазамъ прежній очеркъ,—и звукъ, и запахъ, и очеркъ — все родные, и радуется имъ сердце какъ бы своимъ.

«Что скажете?» спросилъ Архимандритъ.

—Я въ Палестинѣ!

«А этотъ храмъ?»

—Храмъ св. гроба, но въ томъ видѣ, каковъ онъ былъ до раздѣленія его между различными исповѣданіями, и до пожара. Здѣсь при самомъ входѣ я вижу насквозь соборъ во всю широту его до сѣверныхъ воротъ: такъ было нѣкогда и въ Іерусалимскомъ, но теперь перегородки отдѣляютъ главный Греческій соборъ отъ окружающей его галлереи, и при самомъ входѣ въ южный притворъ. Голгоѳы непріязненная стѣна возбраняетъ взорамъ погрузиться во глубину святилища. Вотъ на право и самая Голгоѳа у васъ въ томъ положеніи, какъ она существовала до пожара; изъ сего притвора нѣтъ двойнаго широкаго крыльца на ея вершину, которое придѣлано въ Іерусалимѣ, дабы крестные ходы Грековъ и Латинъ не мѣшали другъ другу.

Но гдѣ же и какъ спускаете вы съ Голгоѳы плащаницу въ великій пятокъ?

«Какъ спускали Іосифъ и Никодимъ божественное тѣло Спасителя съ самаго креста, отвѣчалъ мнѣ Архимандритъ. Я становлюсь съ частію братіи на высотѣ Голгоѳы у самыхъ перилъ и оттолѣ спускаю на холстахъ плащаницу, которую принимаетъ внизу намѣстникъ съ другими сослужащими.»

— Но я здѣсь не вижу въ притворѣ предъ Голгоѳою того камня, на коемъ совершилось въ Іерусалимѣ мѵропомазаніе тѣла Господа. Отъ чего не лежитъ и у васъ подобный же камень, когда вы во всемъ подражаете мѣстности и обрядамъ Св. земли?»

«Признаюсь вамъ, отвѣчалъ Архимандритъ, что у насъ издавна хранится сей камень, мѣры Іерусалимской, предназначенный для сего мѣста, и я не знаю самъ, отъ чего онъ доселѣ не положенъ.»

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ убѣдительно положить его здѣсь, чтобы не нарушать священнаго сходства: ибо плащаница, лежащая у праваго столба около входа, вовсе не напоминаетъ камня мѵропомазанія, который представляется взорамъ каждаго изъ входящихъ въ храмъ Іерусалимскій. —

Минуя соборъ, мы прошли на лѣво въ ротунду св. гроба, и хотя я и прежде видѣлъ сіе

великолѣпное его вмѣстилище, однако же былъ пораженъ новымъ изумленіемъ при видѣ легкаго, глубокаго купола, съ его семидесятью пятью окнами, расположенными въ три яруса, кругомъ трехъ раззолоченныхъ хоровъ. Сіи три рѣзные вѣнца остроконечнаго купола давали ему подобіе огромной тіары, осѣняющей священный намятникъ, который стоитъ въ оградѣ шестнадцати пиластровъ, поддерживающихъ арки верхней галлереи. Самый гробъ Господень, какъ церковь въ церкви, также съ златыми столбами и главою, довершалъ своею стройною красою полноту чуднаго зрѣлища не для однихъ только взоровъ, но и для сердца, ибо я опять, казалось, стоялъ въ Іерусалимѣ.

«И такъ, вы теперь довольны!» сказалъ мнѣ Архимандритъ. — Ахъ! я опять въ Палестинѣ и припадаю къ св. гробу!

Я пришелъ въ придѣлъ Ангела, я проникнулъ въ самый утесъ св. гроба, я опять простерся предъ каменною плитою, на коей долженствовало лежать божественное тѣло, я готовъ былъ повторить тѣ же молитвы, какъ въ Іерусалимѣ, и мысленно повторилъ ихъ; ибо все что окружало переносило меня къ дивному образцу сего мѣста, и полумракъ гробоваго покоя, слабо освѣщаемаго одною лампадой, вмѣсто безчисленныхъ лампадъ Іерусалимскихъ, давалъ мнѣ свободу дополнять воображеніемъ внутреннее

убожество вертепа. О какъ отрадно находить посреди пустыни житейской такое близкое къ истинѣ повтореніе желанныхъ предметовъ!

Когда я поднялся съ помоста, Архимандритъ уже стоялъ за мною и смотрѣлъ на меня съ чувствомъ участія и любопытства. Безмолвно вышли мы опять въ придѣлъ Ангела сквозь низменное отверстіе утеса. Онъ указалъ мнѣ камень, который въ него вдвигался, отваленный Ангеломъ. Наконецъ я спросилъ его: — «Былъ ли здѣсь Архіепископъ горы Ѳавора Іероѳей, приглашенный за милостынею отъ Патріарха Іерусалимскаго?»

— Былъ и плакалъ, при видѣ сего гроба, отвѣчалъ Архимандритъ.

«О какъ понятно мнѣ сіе чувство! продолжалъ я; размѣры тѣ же, здѣсь какъ и въ Іерусалимѣ, и гробоваго покоя и каменной плиты, гдѣ лежало пречистое тѣло, и придѣла Ангела; но здѣсь стѣны украшены простымъ письмомъ, а тамъ богатымъ мраморомъ, и весьма жаль, что вся сія часовня, великолѣпно вызолоченная снаружи, внутри столь убога когда подлинникъ ея устланъ одинаковымъ мраморомъ извнѣ и внутри. Тамъ камень гроба служитъ жертвенникомъ, а отваленный камень престоломъ посреди придѣла Ангела; здѣсь же божественныя тайны не совершаются надъ подобіемъ Христова гроба. Но нижняя дверь, ведущая изъ придѣла

Bayerische Staatsbibliothek München

въ самый утесъ, здѣсь того же размѣра, какъ была она до послѣдняго пожара въ Іерусалимѣ; нынѣ же ее тамъ просѣкли выше и нарушили древность святыни.»

Такъ говоря, мы вышли изъ часовни и опять осѣнилъ насъ великолѣпный шатеръ купола. «Шатеръ сей, сказалъ мнѣ Архимандритъ, въ началѣ былъ каменный, но онъ обвалился отъ тяжести въ 1723 году, въ самый день вознесенія Господня, и пребывалъ въ развалинахъ до 1749 года; тогда Императрица Елисавета велѣла, по совѣту лучшихъ архитекторовъ, устроить шатеръ деревянный.»

— И тѣмъ самымъ, прервалъ я, умножилось сходство съ древнимъ подлинникомъ. Странное дѣло: — въ Іерусалимѣ прежній кедровый коническій куполъ замѣненъ послѣ пожара 1807 года каменнымъ круглымъ, а у васъ на оборотъ, прежде былъ каменный, а потомъ деревянный; но за то онъ вдвое выше Іерусалимскаго, въ коемъ не болѣе 15 сажень. И пиластры, которые поддерживаютъ здѣсь арки верхней галлереи, теперь сходны съ Іерусалимскими; но прежде тамъ стояли кругомъ ротунды великолѣпные мраморные столбы Елены. И такъ пожаръ нарушивъ подобіе въ иныхъ предметахъ, умножилъ оное въ другихъ. —

«Взгляните, продолжалъ Архимандритъ, отъ дверей гроба, сквозь Царскую арку, на иконостасъ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

главнаго собора Воскресенія, и скажите, какъ будетъ соборъ сей противъ Іерусалимскаго?»

—Сколько могу себѣ представить, отвѣчалъ я, кажется онъ здѣсь короче. Много ли считаете вы сажень, отъ часовни гроба, до иконостаса и до горняго мѣста? —

«12 до олтаря и еще 8 до горняго. »

—Въ Іерусалимѣ же всего 18 до горняго мѣста, и изъ нихъ только 4 занимаетъ олтарь, а потому самый соборъ длиннѣе и соразмѣрнѣе съ прочими частями храма; но за то ваша ротунда и часовня св. гроба, снаружи, нѣсколько больше своего подлинника. —

«У насъ 11 сажень въ ротундѣ и 6 наружной длины часовни.»

—А тамъ только 9 саженъ въ первой, и 4 въ часовнѣ, и эта разность въ размѣрѣ примѣтна. Къ тому же Царская арка, отдѣляющая ротунду отъ собора, у васъ сдѣлана по уже, чрезъ что какъ будто стѣснился самый храмъ, а верхняя галлерея, раздѣляющая на два яруса арку, не существуетъ въ Іерусалимѣ. Но хотя вашъ высокій иконостасъ весьма величественъ, тамъ онъ устроенъ иначе: вершина его въ видѣ треугольника и не столь высока, ибо на ней повѣшены била вмѣсто колоколовъ, а сверху есть галлерея. Оттолѣ во время моего заключенія въ храмѣ часто бесѣдовалъ я, чрезъ слуховое окно крыши, съ иноками стоявшими на терасѣ.

« У насъ нѣтъ хода надъ иконостасомъ, сказалъ мнѣ Архимандритъ, но мы можемъ взойти на галлерею Царской арки, и я увѣренъ, что вы останетесь довольны видомъ всей церкви, который вамъ оттолѣ откроется. »

Мы поднялись на хоры съ южной ихъ стороны, по той лѣстницѣ, которая въ Іерусалимѣ ведетъ на Армянскую половину, гдѣ устроены двѣ ихъ церкви, и миновавъ малый придѣлъ благовѣрной Княгини Ольги, взошли на Царскую арку. Чудное зрѣлище меня поразило: во всѣ стороны, и вверхъ и внизъ, разбѣгались взоры по далекимъ хорамъ и извивистымъ галлереямъ, и подъ крутыя арки сводовъ, и во глубину куполовъ, и на дно пространныхъ соборовъ, — и повсюду взоръ опирался въ какую либо роскошную церковь, въ златой или мраморный иконостасъ; вездѣ сіяла какая либо святыня, какъ бы зеркальное отраженіе двухъ главныхъ святилищъ, соборнаго олтаря и св. гроба, стоящихъ другъ противъ друга и, подобно двумъ свѣтиламъ, раздробляющихъ лучи свои на безчисленныя вокругъ планеты.

Но сколь ни увлекательно было съ сей арки зрѣлище собора, невольно обращались взоры къ св. гробу, и тамъ, какъ въ нѣкоемъ морѣ, тонули они въ глубокой ротундѣ и терялись, какъ въ небѣ, въ ея воздушномъ куполѣ. И посреди сего моря и неба, глубокихъ

высокихъ впечатлѣній, отрадно являлся очамъ какъ малый островъ посреди пучины или свѣтлое облако въ эѳирѣ,—самый священный гробъ!— Неподвижно стоялъ я, и смотрѣлъ, и не имѣлъ словъ; Архимандритъ далъ мнѣ нѣсколько времени наслаждаться зрѣніемъ, потомъ сказалъ:

« Истинно достоинъ удивленія храмъ сей и всякой, кто только его видѣлъ, восхищается. Не говоря уже о красотѣ зодчества и о священномъ подобіи, нельзя не изумляться обширности и вмѣстѣ стройности всѣхъ частей. Можно въ одно время совершать обѣдню на нѣсколькихъ престолахъ и одна литургія не воспрепятствуетъ другой, ибо голоса не будутъ сливаться. Здѣсь, со времени основанія храма, каждая царственная десница устрояла придѣлъ въ честь тезоименитаго святаго; но всѣхъ великолѣпнѣе придѣлъ во имя благовѣрнаго Князя Александра, который вы видите подлѣ сей царской арки, въ симетріи съ придѣломъ св. Ольги. Государь Императоръ устроилъ его въ память рожденія своего Наслѣдника. »

— Но скажите, спросилъ я наконецъ, не уже ли Патріархъ Никонъ довершилъ самъ строеніе сего храма? Онъ такъ долго былъ въ заточеніи. —

« Патріархъ Никонъ, отвѣчалъ Архимандритъ, построилъ сперва на семъ мѣстѣ въ 1656 году, малую деревянную церковь во имя Воскресенія

Христова, потомъ получивъ модель изъ Іерусалима, онъ приступилъ къ созиданію сего храма и воздвигъ его почти по самые своды, въ теченіи девяти лѣтъ вольнаго своего заключенія въ сей обители, когда оставилъ жезлъ свой въ Московскомъ соборѣ и пересталъ заниматься дѣлами патріаршими. Онъ прожилъ все сіе время въ пустынномъ столпѣ, на берегу Истры, его Іордана, и заботился ревностно о строеніи храма, дѣлая самъ кирпичи и нося ихъ какъ простой каменщикъ. Когда же, по суду Восточныхъ Патріарховъ, былъ онъ совсѣмъ отчужденъ отъ патріаршескаго служенія и сосланъ на Бѣло озеро, остановилась и работа храма, и въ такомъ положеніи оставался онъ 13 лѣтъ, доколѣ Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь, по любви своей къ заточенному Никону не повелѣлъ продолжать строеніе. Благочестивая Царевна Татіяна Михайловна много пожертвовала денегъ и утварей для довершенія обители; но зданіе было окончено только въ 1685 году, уже при двухъ Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, и храмъ освященъ въ ихъ присутствіи Патріархомъ Іоакимомъ. По разрушеніи же каменнаго шатра надъ св. гробомъ, и послѣ бывшаго пожара, церковь сія опять пребыла въ запустѣніи 26 лѣтъ, доколѣ благочестивая Императрица Елисавета Петровна, тронутая величіемъ обители, не повелѣла возобновить ее со всевозможнымъ великолѣпіемъ,

назначивъ архитекторомъ знаменитаго Графа Растрели. Архимандритъ Амвросій, въ послѣдствіи Архіепископъ Московскій, убіенный мученически во время чумы, былъ ревностнымъ исполнителемъ воли Монаршей, и онъ, послѣ Патріарха Никона, можетъ почитаться вторымъ создателемъ Новаго Іерусалима.»

«Я покажу вамъ на хорахъ портреты обоихъ,» продолжалъ Архимандритъ, и вывелъ меня въ туже галлерею, изъ которой мы взошли на арку. Тамъ, около придѣла св. Павла исповѣдника, остановился я предъ большою картиною Никона Патріарха. Во весь ростъ написанъ Святитель, на амвонѣ и въ полномъ облаченіи; около него стоятъ разноплеменные ученики его, братія новой обители: Архимандритъ Германъ, іеромонахи Леонидъ и Савва и архидіаконъ Евѳимій, иподіаконы Іосифъ и Германъ и монахи Иліодоръ и Серафимъ, съ надписью имени надъ главою каждаго. Лица ихъ уже начали тускнѣть и стираться отъ времени и сырости, помрачившихъ всю картину, писанную съ натуры; но еще рѣзко отдѣляется величественная фигура Никона. Всею грудью и мышцами подымается онъ надъ главами его окружающихъ, и необыкновенный ростъ его возвышенъ еще важною осанкою; темнорусые, почти черные волосы, падаютъ изъ-подъ богатой митры на широкія плеча, и густая темная борода осѣняетъ грудь;

строгое, отчасти суровое выраженіе, въ правильныхъ, большихъ чертахъ лица его, исполненнаго мужественной красоты; на устахъ нѣтъ привѣтливой улыбки, но сильная душа Никона напечатлѣлась въ огненныхъ черныхъ глазахъ, и чрезъ слишкомъ полтора столѣтія по его смерти, они будто еще говорятъ и проницаютъ душу;—внѣшній Никонъ вполнѣ отражалъ въ себѣ внутренняго.

Долго смотрѣлъ я на картину; мнѣ казалось, живой Патріархъ властительски стоитъ передо мною, и я припоминалъ себѣ многія рѣзкія черты его неодолимаго характера, собранныя въ краснорѣчивомъ описаніи житія, ученикомъ его Шушеринымъ: какъ обиталъ онъ отшельникомъ въ дикой Соловецкой пустыни, какъ въ санѣ Митрополита усмирилъ съ опасностію жизни стрѣлецкій мятежъ, и какъ уже на патріаршемъ престолѣ былъ другомъ Царя Алексія. Далѣе представился мнѣ судъ надъ нимъ Восточныхъ Патріарховъ, и горькое низложеніе, и еще горшее заточеніе на Бѣломъ озерѣ, не преломившія твердости его нрава, впрочемъ конечно не безъ благой цѣли допущенныя Провидѣніемъ, которое иногда изъ сильныхъ, натуральныхъ характеровъ, крѣпкими ударами судебъ, вырабатываетъ благодатную чистоту Христіанскаго терпѣнія.

— У васъ ли, спросилъ я Архимандрита,

черный клобукъ его съ жемчужными Херувимами, который сняли съ него Восточные Патріархи когда онъ отрекался сложить его самъ съ главы своей, какъ знаменіе иночества? —

« Въ ризницѣ хранится онъ, отвѣчалъ Архимандритъ, вмѣстѣ съ прочею его домашнею утварію, весьма простою въ сравненіи съ великолѣпіемъ его церковной утвари, въ которой онъ любилъ чрезвычайную пышность, а его тяжкія вериги вы увидите на его гробѣ. Но прежде я поведу васъ къ гробамъ Іосифа и Никодима и попрошу продолжать сравненіе обоихъ Іерусалимовъ. Мы не будемъ останавливаться у придѣловъ, которые не существуютъ въ древнемъ, дабы не сдѣлать замѣшательства, ибо здѣсь ихъ считается до тридцати. »

Спустясь съ хоровъ, мы достигли западной окопечности храма, позади часовни св. гроба, и тамъ въ галлереи, на томъ же мѣстѣ какъ въ Іерусалимѣ, которое принадлежитъ Сиріянамъ, Архимандритъ показалъ мнѣ двѣ могилы двухъ благочестивыхъ погребателей Христовыхъ. Потомъ онъ привелъ меня, тою же круглою галлереею, къ колодцу, принадлежащему въ Іерусалимѣ Латинамъ, ибо тамъ ихъ малый монастырь пристроенъ къ сѣверной сторонѣ храма, а главная церковь на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ сѣверныя врата въ Воскресенскѣ; малый же ихъ придѣлъ Маріи Магдалины, въ

память явленія ей Спасителя, устроенъ и здѣсь благочестіемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оттолѣ прошли мы въ церковь Успѣнія, называемую Геѳсиманіею и я увидѣлъ темницу Христову.

« Не только сей церкви, сказалъ я настоятелю, но и сѣвернаго притвора, который у васъ устроенъ для симетріи съ южнымъ Голгоѳскимъ, нѣтъ въ Іерусалимѣ, и такія прибавленія нарушаютъ сходство; здѣсь, какъ видно, основатели не только хотѣли соблюсти правильность зодчества, но желали еще совокупить въ одномъ храмѣ воспоминанія многихъ святыхъ мѣстъ, разсѣянныхъ въ Іерусалимѣ и по всей Палестинѣ. То что вы называете темницею Христовою, по моему замѣчанію, есть тѣсная пещера, посвященная Латинами памяти слезъ Богоматери, ибо подлѣ они показываютъ въ Іерусалимѣ два отверстія въ помостѣ, служившія будто бы колодами для ногъ Спасителя, — преданіе совершенно произвольное: но хотя самая темница у васъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и тамъ, однакоже входъ въ нее долженъ быть изъ галлереи, а не изъ Геѳсиманскаго притвора, котораго, какъ я уже сказалъ, тамъ нѣтъ. Теперь пойдемте по галлереи кругомъ соборнаго олтаря. »

« Вотъ придѣлъ Лонгина Сотника, » сказалъ мнѣ Архимандритъ.

— Онъ есть и въ Іерусалимѣ, продолжалъ я, и принадлежитъ Грекамъ.

« Вотъ придѣлъ Андрея Критскаго, устроенный на томъ мѣстѣ, гдѣ въ Палестинскомъ храмѣ закладены восточныя врата. »

— Вы сами сознаетесь, что его нѣтъ въ Св. землѣ; какъ жаль, что такими неумѣстными прибавленіями безпрестанно нарушается подобіе. На хорахъ дѣло иное, но здѣсь, казалось бы, все должно быть вѣрнымъ. —

« Вотъ придѣлъ Раздѣленія ризъ, прямо противъ средины главнаго олтаря, и нѣсколько далѣе придѣлъ Терноваго вѣнца въ память поруганія Спасителя. Между ними спускается лѣстница въ подземную церковь Обрѣтенія креста. »

— Я опять узнаю мѣстность Іерусалимскую, и Армянскій престолъ Раздѣленія ризъ, и Греческій Терноваго вѣнца, хотя оба, какъ и Лонгиновъ, тамъ безъ иконостасовъ, и служба совершается на открытыхъ престолахъ. —

Мы спустились къ честному кресту по тридцати тремъ ступенямъ, какъ и въ Іерусалимѣ, въ подземелье Царицы Елены, поддерживаемое четырьмя тяжелыми столбами. Я увидѣлъ опять церковь св. Елены и въ олтарѣ оной окно, пробитое въ камнѣ, у котораго сидѣла Царица, когда отрывали честный крестъ; но съ лѣвой стороны сей церкви придѣлъ Утоленія печали замѣнилъ Іерусалимскій, благоразумнаго

разбойника. Еще одиннадцать ступеней низводятъ къ придѣлу Епископа Кирiака, и къ колодцу, гдѣ обрѣтенъ былъ самый крестъ. Въ Палестинѣ на мѣстѣ сего кладезя стоитъ Греческiй престолъ честнаго креста, на мѣстѣ же придѣла св. Кирiака, Латинскiй, такъ же въ честь креста Господня.

« Вотъ мы прошли весь храмъ отъ одного края и до другаго, скажите мнѣ теперь, обратился я къ Архимандриту, сколько считаете вы въ ономъ длины и ширины?»

— Длина его отъ стѣны и до стѣны, отвѣчалъ онъ, 50 сажень, а широта 20; но безъ подземной церкви Обрѣтенiя, внутренней долготы будетъ только 36 сажень.

« И такъ Воскресенскiй храмъ пятью саженями длиннѣе Iерусалимскаго, а широта его та же; внутренняя же долгота Палестинскаго святилища, отъ гробовъ Iосифа и Никодима до придѣла Раздѣленiя ризъ, съ небольшимъ 32 саженi, слѣдовательно и здѣсь онъ уступаетъ четырьмя саженями Воскресенскому. — Но возвратимся въ соборъ; мы еще не были въ главномъ олтарѣ его и на Голгоѳѣ.

Мы поднялись опять въ галлерею, и Архимандритъ указалъ мнѣ, подлѣ придѣла Терноваго вѣнца, келлiю Патрiаршую, которая можетъ быть принадлежала нѣкогда Святителю въ Iерусалимѣ, но теперь обращена тамъ въ поварню

заключеннаго храма. Рядомъ съ нею неправильно означается мѣсто жертвоприношенія Исаака, ибо оно снаружи примыкаетъ къ Голгоѳѣ и находится въ отдѣльномъ монастырѣ Авраама, не имѣющемъ никакого сообщенія съ храмомъ. Еще странѣе перенесена сюда Самарійская темница Іоанна Предтечи, отстоящая на три дня пути отъ Іерусалима; здѣсь она помѣщена подъ жалостнымъ путемъ на Голгоѳу, который теперь уже уничтоженъ въ древнемъ храмѣ. Любопытно, что верхнія его ступени каменныя, а нижнія деревянныя; ибо когда обсѣкли прямымъ уступомъ утесъ Голгоѳы, часть ступеней должно было додѣлать внѣ скалы, и ихъ срубили изъ дерева. Противъ сего жалостнаго пути мы взошли изъ галлереи въ боковыя южныя двери соборнаго олтаря.

Обширность его и, вмѣсто восточной стѣны, пять легкихъ аркъ на столбахъ, чрезъ которыя можно видѣть, какъ прежде бывало въ Іерусалимѣ, заднюю галлерею съ придѣломъ Раздѣленія ризъ, и горнее мѣсто на десяти ступеняхъ, съ престолами пяти вселенскихъ Патріарховъ, и хоры о семи ярусахъ на внутренней стѣнѣ иконостаса, въ память седми Вселенскихъ соборовъ, — все давало чрезвычайное величіе олтарю сему, достойному подобнаго святилища. Архимандритъ объяснилъ мнѣ, что на сихъ хорахъ становились пѣвчіе Патріаршіе, и по мѣрѣ

возвышающейся торжественности святой литургіи, восходили все выше и выше, и стояли наконецъ на крайней высотѣ, какъ ангелы на небесахъ, во время совершенія самаго таинства; — какая глубокая мысль!

«Въ новомъ Іерусалимѣ, говорилъ Архимандритъ, есть нѣкоторыя отличія въ самыхъ обрядахъ при Богослуженіи, перенесенныя отчасти съ Востока. Малые и великіе выходы во время литургіи совершаются здѣсь, не изъ сѣверныхъ дверей олтаря въ соборъ, но изъ боковыхъ въ галлерею, и шествіе продолжается вдоль нея къ ротундѣ Св. гроба, а оттолѣ чрезъ весь соборъ къ царскимъ вратамъ, которыя свѣщеносецъ отворяетъ снаружи, когда уже все духовенство стоитъ предъ ними. Но въ страстную седмицу священные обряды становятся у насъ еще торжественнѣе и они совершенно напоминаютъ обряды древняго Іерусалима. Двѣнадцать евангелій о страстяхъ Господнихъ читаются на Голгоѳѣ, предъ самымъ крестомъ, равно какъ и часы великаго пятка, и у подножія сего же креста полагается плащаница, для которой приготовляютъ два одра, одинъ на Голгоѳѣ, а другой внизу у камня муропомазанія. Въ уставленный часъ, мы опускаемъ плащаницу на холстахъ съ вершины священной горы и, въ память повитія, положивъ у камня на одрѣ, несемъ на оном околo всего олтаря по галлереи въ соборъ Воскресенія,

гдѣ остается она до утра великой субботы. Тогда же послѣ пѣнія: слава въ вышнихъ Богу, мы опять подымаемъ плащаницу вмѣстѣ съ одромъ, и снова несемъ къ камню повитія, гдѣ читается трогательное Евангеліе: «по сихъ же моли Пилата Іосифъ, иже отъ Аримаѳеи сый ученикъ Іисусовъ, потаенъ же страха ради Іудейска, да возметъ тѣло Іисусово.» Оттолѣ шествіе продолжается вновь кругомъ олтаря соборнаго, и кругомъ всей ротунды св. гроба, съ тремя литіями, позади горняго мѣста предъ раздѣленіемъ ризъ, у сѣверныхъ вратъ храма, и позади часовни гроба, и послѣ троекратнаго вокругъ нея обхожденія, я вмѣстѣ съ однимъ священникомъ снявъ съ одра плащаницу, вношу ее во гробъ и полагаю на камнѣ, гдѣ долженствовало лежать Божественное тѣло, а у самыхъ дверей гроба читается Евангеліе, оканчивающееся сими словами: «они же шедше утвердиша гробъ знаменавше камень съ кустодіею.» —

На литургіи, другой не менѣе трогательный обрядъ умиляетъ сердце; во время пѣнія вечерней пѣсни: свѣте тихій, духовенство исходитъ изъ соборнаго олтаря и, обойдя всю ротунду, становится предъ часовнею гроба, и когда церковь благоговѣйно внемлетъ стихи сіи: «пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній,» мы опять выносимъ изъ св. гроба плащаницу и взошедши въ олтарь, разстилаемъ ее на престолѣ.

На канунѣ Вознесенія, въ праздникъ отданія Пасхи, снова повторяется вся утренняя церемонія великой субботы съ тою только разницею, что плащаницу не оставляютъ во св. гробѣ, но тотчасъ же поднявъ съ камня, несутъ жалостнымъ путемъ на Голгоѳу, въ церковь страстей Господнихъ, гдѣ всегда она пребываетъ на престолѣ.

«Возженіе святаго огня въ великую субботу, котораго вы были свидѣтелемъ въ Іерусалимѣ, воспоминается у насъ торжественною церемоніею въ самый день Пасхи. Подобно какъ и въ Палестинѣ, весь духовный соборъ въ полномъ облаченіи, безъ свѣтильниковъ, исходитъ изъ олтаря съ пѣснію: «воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси,» и обошедши однажды галлерею и трижды часовню гроба, останавливается предъ нею. Я одинъ вхожу съ діакономъ во святилище гроба, и тамъ возжегши приготовленныя свѣчи, огнемъ отъ лампады, подаю ихъ изъ самаго вертепа діакону съ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе! а онъ передаетъ ихъ чрезъ окно, изъ преддверія Ангела, по обряду св. земли, духовенству, и тогда взошедъ во св. гробъ для поклоненія, оно начинаетъ въ преддверіи самую утренню. При пѣніи же канона Пасхи: «да воскреснетъ Богъ.» мы снова исходимъ къ народу, и утреня оканчивается въ соборномъ олтарѣ, какъ и въ древнемъ Іерусалимѣ,

которому новый не уступаетъ подражаніемъ великихъ обрядовъ. Для большаго же подобія во всякое время дозволено пѣть утреннюю пасху предъ Св. гробомъ для приходящихъ богомольцевъ.»

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы взошли на Голгоѳу, но не жалостнымъ путемъ, а особеннымъ восходомъ изъ олтаря. «Вы видите, продолжалъ Архимандритъ, у насъ нѣтъ престола на самомъ мѣстѣ распятія, а только водруженъ кипарисовый крестъ, на краю обсѣченнаго утеса, близь разсѣлины, напоминающей ужасъ самыхъ камней, и вотъ подлѣ драгоцѣнная икона Божіей матери, присланная съ Аѳона Патріарху; она поставлена здѣсь на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла при крестѣ пречистая Дѣва. Страшное же воспоминаніе искупительной жертвы совершается у насъ на другой половинѣ Голгоѳы, въ придѣлѣ страстей Господнихъ, по описанію принадлежащемъ въ Іерусалимѣ Латинамъ; а у наружнаго крыльца на Голгоѳу, вмѣсто ихъ церковицы во имя св. Елены, которая отдѣлена отъ храма, здѣсь устроенъ придѣлъ Маріи Египетской, въ память ея моленія предъ иконою Владычицы. Замѣчательны желѣзная узорчатая дверь, ведущая снизу въ сей придѣлъ и другая подобная на Голгоѳѣ: онѣ обѣ присланы изъ за моря.»

О какъ живо напомнила мнѣ сія Воскресенская Голгоѳа Голгоѳу Палестины, какъ утѣ-

шительно повторились опять моему сердцу священныя ночи страстной седмицы, проведенныя на семъ искупительномъ утесѣ, который одолѣлъ врата ада! . . . Молча стоялъ я и припоминалъ себѣ каждое мгновеніе, каждое мѣсто молитвы; я смотрѣлъ на высокій кипарисовый крестъ и не сожалѣлъ, что не было предъ нимъ престола, какъ въ Іерусалимѣ! Иконостасъ олтаря закрылъ бы неправильный уступъ утеса, гдѣ водруженъ былъ самый крестъ, и разсѣлину Голгоѳы, и отверстія въ камнѣ, гдѣ стояли кресты двухъ разбойниковъ, посреди коихъ мѣриломъ праведнымъ былъ крестъ Господень, когда одинъ изъ нихъ низводился въ адъ тяготою хуленія, а другой облегчался отъ грѣховъ познаніемъ Бога. Въ Іерусалимѣ же на открытомъ престолѣ совершается страшная жертва, какъ бы въ обличеніе дерзающихъ безъ трепета предстоять ей на дрогнувшей Голгоѳѣ.

«Ваша Голгоѳа, сказалъ я Архимандриту, есть драгоцѣнный снимокъ съ древняго образца ея, каковъ онъ былъ до пожара. Самая неправильность косаго уступа скалы ручается за вѣрность подражанія; но тамъ, та же рука, которая дерзнула возвысить низменныя двери Св. гроба, коснулась и священнаго утеса Голгоѳы и обсѣкла его въ видѣ прямой ступени. Нѣтъ тамъ болѣе и жалостнаго пути, уничтоженнаго по распрямъ разноплеменныхъ, а здѣсь вы еже-

годно воспоминаете на святыхъ его ступеняхъ тяжкое несеніе креста. Теперь, въ свою очередь, ваша Голгоѳа могла бы служить образцемъ Іерусалимской! — Но скажите кто изображенъ на этой потускнѣвшей картинѣ, которая виситъ на среднемъ столбѣ, поддерживающемъ своды Голгоѳской церкви? »

— Здѣсь четыре лица, отвѣчалъ Архимандритъ: два стоящихъ въ одеждѣ царской, — равноапостольные Царь Константинъ и матерь его святая Елена, основатели Іерусалимскаго храма; у ногъ ихъ, преклоненные на колѣняхъ, также въ облаченіяхъ царственныхъ, — благочестивые зиждители Новаго Іерусалима, Царь Алексій Михайловичь и супруга его Марія Ильинишна.—

« Какъ прилично и выразительно, прервалъ я, эта картина въ своемъ родѣ то же, что и надпись: Петру первому Екатерина вторая. »

— Теперь пойдемъ подъ Голгоѳу поклониться праху самаго строителя Патріарха Никона, сказалъ Архимандритъ, и мы сошли жалостнымъ путемъ въ южный притворъ, а оттолѣ въ темную церковь Предтечи подъ Голгоѳою. Невольно остановился я въ тѣсныхъ дверяхъ ея и взглянулъ по сторонамъ; но не было здѣсь у входа царственной стражи, гробовъ Готфреда и Балдуина! грустно вспомнилъ я, что нѣтъ ихъ болѣе и въ Іерусалимѣ; — и тамъ однѣ лишь мѣста истребленныхъ гробницъ! Мрачно

было въ церкви Предтечи, будто въ нѣдрахъ земли; направо отъ входа теплилась въ углу лампада предъ иконою пречистой Дѣвы, едва освѣщая каменный гробъ, и на немъ тяжкія вериги.

« Отецъ Архимандритъ, прочтите литію надъ симъ гробомъ, » сказалъ я, и онъ произнесъ:

« Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Божія, святѣйшаго Патріарха Никона, и о еже проститися ему всякому прегрѣшенію вольному же и невольному. » По возглашеніи вѣчной памяти, Архимандритъ говорилъ мнѣ:

« Сія икона была келейною Патріарха и всюду ему сопутствовала, вотъ и другая мѣдная, складная, которую носилъ на груди; она столь же тяжела, какъ и самыя вериги, но хотя ихъ едва можетъ поднять рука ваша, Патріархъ Никонъ не снималъ ихъ съ себя ни въ теченіи девяти лѣтъ, проведенныхъ здѣсь на столпѣ своемъ въ самовольномъ изгнаніи, ни во время пятнадцатилѣтняго заточенія на Бѣломъ озерѣ. Такъ ревностно любилъ онъ труды постническіе, къ коимъ пріучилъ себя еще въ Анзерскомъ скитѣ, на дикихъ островахъ Соловецкихъ. Видѣли ль вы здѣсь его пустынный столпъ или скитъ въ долинѣ, на берегу Истры? »

— Прежде я посѣщалъ его и дивился странному устройству келлій и тѣснотѣ двухъярусной церкви, Благовѣщенія и верховныхъ

Апостолъ, гдѣ едва можетъ помѣщаться одинъ служащій. —

«Тамъ однако же помѣщался девять лѣтъ Никонъ, по примѣру древнихъ столпниковъ, и будучи еще во всемъ величіи высокаго сана, служилъ ежедневно литургію какъ простой пресвитеръ. Съ вершины уединеннаго столпа своего, Патріархъ по любви ко всему, что только могло переносить его мысленно во Святую землю, далъ окрестности названія Палестинскія. Истра текла для него Іорданомъ; малый протокъ, изрытый имъ не далеко отъ пустыни, былъ названъ Кедрономъ, ибо онъ протекалъ близъ Новаго Іерусалима, Село Скудельничье и Назаретъ, и Рама и Уріина роща, явились вокругъ его обители, и священныя горы: Элеонъ и Ѳаворъ и Эрмонъ, повторились именами на сосѣднихъ высотахъ. Здѣсь же подъ Голгоѳою избралъ онъ самъ себѣ успокоеніе на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ въ Іерусалимѣ священникъ Бога вышняго Мельхиседекъ, и здѣсь съ трогательною любовію къ усопшему упокоилъ его благочестивый Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь.»

Я продолжалъ рѣчь Архимандрита: «если трогательно погребеніе Патріарха кроткимъ Царемъ Ѳеодоромъ, еще умилительнѣе кончина Никона, на возвратномъ пути его изъ заточенія. Въ самый тотъ день, когда пришло въ Кирилловъ монастырь милостивое разрѣшеніе Царя и Патріарха: возвра-

тить узника въ его Воскресенскую обитель, онъ еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и къ общему изумленію велѣлъ собираться своей келейной братіи; скоро указъ Царскій разрѣшилъ недоумѣніе. Съ трудомъ посадили въ сани изнуреннаго болѣзнями старца, чтобы влечь по землѣ до струга на рѣкѣ Шекснѣ, по которой спустилися въ Волгу; здѣсь привѣтствовали его посланные отъ братіи Воскресенскаго монастыря. Никонъ велѣлъ плыть Волгою внизъ къ Ярославлю и, причаливъ у Толгскаго монастыря, пріобщился запасныхъ даровъ, ибо начиналъ крайне изнемогать. Игуменъ съ братіею вышли къ нему на срѣтеніе, и съ ними вмѣстѣ сосланный на покаяніе врагъ Никона, бывшій Архимандритомъ Сергій, который во время суда, содержалъ его подъ стражею и осыпалъ поруганіями. Сему Сергію, заснувшему въ трапезѣ, въ часъ приплытія Патріарха, видѣлся сонъ: самъ Никонъ ему явился, говоря: «брате Сергіе востани, сотворимъ прощеніе!» и внезапно постучался въ двери монастырскій сторожъ съ вѣстію, что шествуетъ Волгою Патріархъ и братія уже потекла на встрѣчу. Вслѣдъ за нею устремился раскаявшійся Сергій, и увидя умирающаго, со слезами палъ къ его ногамъ и испросилъ его прощеніе. Патріарху уже наступала смерть когда опять тронулся стругъ по водамъ. Граждане Ярославскіе, слыша о его

пришествіи, стеклись къ рѣкѣ, и видя старца на одрѣ смертномъ, съ плачемъ къ нему припадали, цѣлуя руки и одежды и прося благословенія; одни влекли вдоль берега стругъ, другіе же, бросаясь въ воду, имъ помогали; такъ причалили къ обители всемилостиваго Спаса, — и здѣсь ожидала встрѣча Архимандрита и воеводы.

Изнемогающій страдалецъ уже ничего не могъ говорить, а только давалъ всѣмъ руку. Тогда духовникъ его и діакъ Царскій велѣли перевесть стругъ на другой берегъ, чтобы избавиться отъ толпы народной. Ударили въ колоколъ къ вечерни, — Никонъ сталъ кончаться. Озираясь, будто кто пришелъ къ нему, самъ онъ оправилъ себѣ волосы и браду и одежды, какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ съ братіею прочитали отходныя молитвы, Патріархъ же, распростершись на одрѣ и сложивъ крестообразно руки, вздохнувъ, — отошелъ съ миромъ. Между тѣмъ благочестивый Царь Ѳеодоръ, не зная о его преставленіи, послалъ на встрѣчу карету свою со множествомъ коней; когда же узналъ, прослезился и спросилъ: что завѣщалъ о своей духовной Никонъ? — Услышавъ же, что усопшій избралъ его, какъ крестнаго сына, своимъ душеприкащикомъ и во всемъ на него положился, кроткій Царь съ умиленіемъ сказалъ: если такъ святѣйшій Никонъ Патріархъ возложилъ на меня всю надежду,

воля Господня да будетъ, и я его въ забвеніи не положу! Онъ велѣлъ везти тѣло его въ новый Іерусалимъ.» . . . .

Я остановился, Архимандритъ молчалъ. «Вы такъ снисходительны, сказалъ я, что слушаете меня со вниманіемъ, какъ будто я расказываю что либо для васъ новое.»

— И точно для меня совершенно ново, отвѣчалъ онъ, слышать повѣствованіе о кончинѣ Патріарха надъ самою его гробницею. —

«И близь нея мы разстанемся, возразилъ я, мнѣ уже время продолжать путь свой къ Волоколамску, а радушный пріемъ вашъ навсегда останется въ моей памяти.» — Мы разстались.

Изъ подъ арки святыхъ воротъ, опять окинулъ я прощальнымъ взоромъ величественный храмъ Воскресенія; потомъ, переступивъ за ограду Новаго Іерусалима, грустно пошелъ къ Элеону, повторяя въ мысляхъ стихи псалма:

«На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона . . . . Аще забуду тебе Іерусалиме, забвенна буди десница моя. Прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего!» —

ОСИПОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Какъ серебристый водометъ, высоко пѣнящійся надъ зеленью сада, такъ издали мелькнула мнѣ, надъ чащею лѣса, бѣлая колокольня Осипова, и выше и выше росла къ небу по мѣрѣ приближенія къ монастырю. Когда же разступившаяся роща внезапно открыла, на берегу обширнаго пруда, древнюю многобашенную обитель, съ ея двумя пятиглавыми соборами, тогда еще въ большемъ величіи поднялась, надъ всею массою тяжелыхъ зданій, легкая воздушная колокольня; восемь прозрачныхъ ярусовъ, постепенно стѣсняясь къ вершинѣ подъ круглую главу, давали ей видъ огромнаго скиптра, увѣнчаннаго яблокомъ державы. И вотъ тихо заколебалась она въ воздухѣ, потрясенномъ густыми звуками

ея колоколовъ, и гармоническій звонъ разлился по всей окрестности, пробуждая отголосокъ дальнихъ церквей.

«Покамѣстъ продолжится благовѣстъ, сказалъ я моему спутнику, мы еще поспѣемъ взойти на колокольню и обозрѣть оттолѣ знакомую окрестность.» Обширная равнина развилась предъ нами съ ея вершины; на ней, какъ на узорчатой хартіи землемѣра, указывали мы другъ другу села и рощи, часто посѣщаемыя нами; какое-то странное дѣтское чувство овладѣло сердцемъ: намъ весело было, однимъ взглядомъ и мгновеньемъ, обнять много разновременныхъ воспоминаній и, какъ бы вчуждѣ, повѣрить издали собственныя впечатлѣнія. Прежде всего остановился взоръ на густой сосновой рощѣ и на трехъ обширныхъ прудахъ, облегающихъ стѣны обители. Лѣсной мракъ и ясность водъ рѣзко спорили между собою, но и лѣсъ и воды оживлены были толпами народа, которыя пестрѣли между деревъ и на берегу, ожидая крестнаго хода для водосвященія въ первый день Августа.

Богатая слобода Покровская, по Клинской дорогѣ, съ многими деревнями, бывшими нѣкогда волостью Св. Іосифа, и древній Буйгородъ на пути къ Волоколамску, удѣлъ его Князей, и за рощею сосѣдняя усадьба Давыдова составляли ближнюю окрестность обители, но взоры наши стремились далѣе на самый горизонтъ. Тамъ

какъ блѣдный призракъ, отвсюду видимый, высоко подымалась бѣлая церковь Латошина, на рубежѣ Москвы и Твери, древнее родовое село Князей Мещерскихъ, и влѣво отъ него выглядывалъ изъ безконечныхъ аллей маіоратъ Чернышевыхъ, роскошный зданіями Ярополецъ.

« За щитомъ Чернышевыхъ не видать твоего живописнаго Ярополька, говорилъ я спутнику, но кажется онъ довольно памятенъ намъ и заочно. Жаль, что тѣже аллеи заслонили отъ насъ Ѳедоровское и Колпь Шаховскихъ, одну изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ нашихъ; но за то вотъ видно на высотѣ Суворово, гдѣ мы привыкли встрѣчать другъ друга на пути къ Ботову, и вотъ самое Ботово въ своей веселой долинѣ, куда такъ часто стремимся изъ Ярополька въ семейный кругъ брата. Мнѣ пріятно собрать предъ тобою, какъ бы въ одну точку, всѣ сіи мѣста, чтобы память ихъ сильнѣе врѣзалась въ твое сердце, когда въ скоромъ времени разсѣется все радушное общество, нынѣ ихъ оживляющее и мы сами отлучимся далеко. Не всегда случается въ жизни такъ отрадно и свободно смотрѣть на окружающіе предметы, и въ каждомъ находить себѣ утѣшеніе. О какъ часто человѣкъ пожелалъ бы лучше укрыться отъ своего настоящаго! Но благовѣстъ кончился, сойдемъ въ церковь. »

Прямо съ колокольни спустились мы подъ низменные своды темной церкви Св. Іосифа

Волоколамскаго, бывшей нѣкогда общею усыпальницею братій. Отпечатокъ первобытнаго назначенія остался ей и понынѣ. Она представляется обширною гробницею, поддержанною шестью тяжелыми столбами и весь помостъ былъ нѣкогда усѣянъ каменными крышами гробовъ; но Митрополитъ Платонъ велѣлъ сравнять ихъ, кромѣ четырехъ. По правую руку въ придѣлѣ Св. Троицы, покоится подъ спудомъ знаменитый основатель обители Св. Игуменъ Іосифъ; гробница его съ балдахиномъ богато украшены серебромъ.

« Гробъ великаго мужа, благословеніе цѣлому краю, сказалъ я. Намъ же живущимъ въ предѣлахъ, гдѣ подвизался сей великій угодникъ, должно болѣе другихъ знать его заслуги, ибо онъ былъ свѣтильникомъ своего времени. Село Язвище близь Волока—его родина и отчина; Возмищской монастырь, котораго одинокую церковь показывалъ я тебѣ на одной изъ высотъ города, мѣсто его постриженія; но онъ созрѣлъ въ совершенствахъ иноческой жизни въ Боровскѣ, подъ назиданіемъ великаго Игумена Пафнутія, котораго сдѣлался преемникомъ. Помня однакоже обѣщаніе старца, что самъ онъ булетъ основателемъ новой обители, Іосифъ уединился въ густые лѣса своихъ отечественныхъ предѣловъ и здѣсь избралъ себѣ жилище. Скоро собрались къ нему отшельники и братъ Великаго Князя

Іоанна III. Князь Борисъ Волоколамскій, славившійся своимъ благолѣстіемъ, далъ ему земли и средства воздвигнуть церковь во имя Успенія и оградить монастырь. — Посмотри, вотъ за нѣсколько шаговъ отъ насъ каменный гробъ Князя Бориса. »

Но чей же другой, совершенно подобный, стоитъ съ нимъ рядомъ?

« Это гробъ его сына Князя Ѳеодора, который гналъ Св. Іосифа. Какъ все уравниваетъ и умиряетъ смерть! Тотъ же монастырь великодушно принялъ обоихъ, и теперь нельзя отличить гонителя отъ благодѣтеля. Но тяжелъ былъ этотъ Князь Ѳеодоръ Іосифу: десять лѣтъ расхищалъ онъ его достояніе и оскорблялъ иноковъ; тщетно умолялъ Игуменъ: наконецъ, чтобы не предать обитель запустѣнію, прибѣгнулъ подъ покровительство Великаго Князя Василія Іоанновича, который отписалъ къ себѣ монастырь. Съ другой стороны Князь Ѳеодоръ обратился съ жалобою къ Архіепископу Новгорода Серапіону, въ эпархіи котораго находился Волоколамскъ, и Владыка, повѣривъ клеветамъ, отлучилъ Іосифа. Въ свою чреду былъ призванъ Серапіонъ оправдаться предъ соборомъ въ Москвѣ и тамъ лишенъ каѳедры, Митрополитомъ Симономъ, который разрѣшилъ Іосифа отъ несправедливаго запрещенія; тогда уже Новгородъ покорялся Москвѣ и его Владыкѣ. Свято окончилъ Серапіонъ

дни свои въ уединеніи Троицкой обители, но еще до кончины примирился съ Игуменомъ, и ихъ духовный союзъ послужилъ къ обращенію самаго Князя Ѳеодора.

Іосифъ, самый образованный мужъ своего вѣка, смѣлый духомъ и словомъ, гремѣлъ обличеніями на Московскомъ соборѣ противъ новой ереси жидовствующихъ Новгородцевъ, и оставилъ по себѣ многія писанія, которыя хранятся въ здѣшнемъ храмѣ надъ олтаремъ, въ библіотекѣ замѣчательной своими рукописями. Онъ преставился въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1516 году. Ученики наслѣдовали его славу и даже были нелюбимы за свое просвѣщеніе и ревность: имъ присвоено было имя Іосифлянъ. Одинъ ученикъ Гурій, первый возведенъ былъ въ Архіепископы покоренной Казани и тамъ прославился чудесами по смерти. — Другой Даніилъ долго правилъ Церковью, въ санѣ Митрополита Московскаго, но былъ свергнутъ съ престола и заточенъ здѣсь въ малолѣтство Іоанна Грознаго; тамъ въ углу стоитъ его каменный гробъ. Но память его помрачена гоненіями на Максима Грека, сего образованнаго и кроткаго Святогорца, который былъ вызванъ изъ Аѳона для поправленія книгъ церковныхъ и заточенъ Василіемъ Іоанновичемъ, за то, что не соглашался на разводъ его съ Саломоніею.

И другаго знаменитаго затворника видѣла

въ стѣнахъ своихъ сія древняя обитель, хотя только на нѣсколько дней. Сюда былъ привезенъ развѣнчанный, силою постриженный, Царь-инокъ Василій Іоанновичь Шуйскій, и здѣсь ожидало его новое, еще тягчайшее поруганіе. Здѣсь Царь былъ выданъ своими подданными Гетману Жолкевскому, покорившему его столицу, и отселѣ увлеченъ къ Смоленску, вмѣстѣ съ двумя братьями для торжества Сигизмунду, котораго соонакоже посрамилъ онъ величіемъ духа при тяжкомъ свиданіи.

Еще одно воспоминаніе того же смутнаго времени, но болѣе отрадное, осталось Іосифовой обители. Подъ стѣнами ея была одержана, воеводою Валуевымъ, побѣда надъ сообщникомъ Тушинскаго лже-Димитрія, Княземъ Рожинскимъ, который овладѣлъ уже монастыремъ, и здѣсь утѣшены были сердца Русскія освобожденіемъ изъ плѣна Митрополита Ростовскаго Филарета Никитича, котораго захватили Литовцы посреди его паствы. Въ память сего отечественнаго подвига оставлены монастырю пушки, отнятыя на побоищѣ у Литвы, и ты услышишь ихъ торжественные выстрѣлы во время водосвященія на прудахъ. — Но уже началось пѣніе и совершается литургія; взойдемъ въ соборъ. »

Торжественно было служеніе Архимандрита Гавріила съ братіею въ величественномъ храмѣ Успенія, воздвигнутомъ Св. Іосифомъ, помощію

Князей Бориса и сына его Іоанна, въ Византійскомъ вкусѣ того времени. Шесть четверогранныхъ столбовъ, изъ коихъ два въ олтарѣ закрыты высокимъ вызолоченнымъ иконостасомъ, поддерживаютъ круглыя арки, на коихъ лежитъ высокой куполъ, и широкая паперть окружаетъ съ двухъ сторонъ церковь, отъ запада и юга, по обычаю старинныхъ церквей. Весь соборъ былъ наполненъ народомъ; по окончаніи литургіи начался крестный ходъ на воды. Спустившись съ высокаго крыльца, потянулся онъ мимо каменнаго теплаго собора Богоявленія и трапезы братской, ко святымъ вратамъ, надъ коими воздвигнута церковь во имя Апостоловъ Петра и Павла; потомъ поворотивъ вдоль ограды около узорочной Германовой башни, такъ названной въ память погребеннаго подъ нею Архимандрита, направился вдоль восточной стѣны на одинъ изъ обширныхъ прудовъ, облегающихъ обитель. Звону колоколовъ отозвались выстрѣлы орудій при погруженіи креста, какъ бы на память освобожденія Филарета и побѣды надъ Литвою, въ тотъ самый день, когда Церковь торжественнымъ ходомъ празднуетъ двоякую побѣду Императора Византійскаго Мануила надъ Сарацинами и Князя Андрея Боголюбскаго надъ Болгарами, и износитъ знаменіе креста, даровавшаго успѣхъ обоимъ Государямъ.

Окончился ходъ, народъ разсыпался по рощѣ,

опустѣла обитель; мой спутникъ звалъ меня домой.

«Мы еще не посѣтили одной могилы, сказалъ я, пойдемъ опять въ ограду за олтарь большаго Успенскаго собора.»

— Что значитъ, спросилъ онъ меня, этотъ бронзовый крестъ на мраморной плитѣ, какъ бы надломленный и составленный изъ виноградныхъ лозъ, связанныхъ длинными волосами? — На какомъ языкѣ сія незнакомая надпись?

«Буквы Грузинскія, отвѣчалъ я, а подобнымъ крестомъ, связаннымъ изъ виноградныхъ лозъ собственными волосами, обратила нѣкогда Св. Нина всю Грузію къ Христіанству. Она пришла изъ Іерусалима въ IV вѣкѣ, и поселясь въ виноградникахъ царскихъ въ Тифлисѣ, крестомъ исцѣляла болящихъ, доколѣ Царь, тронутый ея чудесами, не оставилъ мракъ язычества со всѣмъ своимъ народомъ.»

—Ты говоришь мнѣ о Св. Нинѣ, какъ бы желая отклонить вопросъ о той, которая покоится здѣсь подъ сѣнію, вѣроятно родственною Св. Нины.

«Ты угадалъ, пришелица благословенной страны ея отдыхаетъ здѣсь, такъ далеко отъ своей отчизны. Казалось, она только для того переступила родственный ей Кавказъ, чтобы здѣсь поблекнуть во цвѣтѣ лѣтъ! — Но умирая на чужбинѣ, она просила не забывать объ ней въ молитвахъ .... другъ мой, помолись и ты за упокой усопшей сестры!»

ВАЛААМЪ.

Обитель Валаамская, на пустынномъ острову Ладожскаго озера, давно уже привлекала мое вниманіе, какъ одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи, и я воспользовался первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы посѣтить ее, заѣхавъ на перепутіи въ Выборгъ и на Иматру. Въ сей послѣдней ожидалъ я по описаніямъ видѣть другую Ніагару, и удивился, когда подъ громкимъ именемъ водопада, представились мнѣ одни пороги;—со всѣмъ тѣмъ они живописны.

Рѣка Вокша, довольно широкая въ обыкновенномъ своемъ теченіи, втѣсняется здѣсь въ узкое русло, и по отлогой покатости, наполненной камнями, съ шумомъ стремится на разстоянiи четверти версты, доколѣ не находитъ себѣ

болѣе пространнаго ложа. Утесистые, зеленые берега его покрыты съ одной стороны лѣсомъ, съ другой Англійскимъ садомъ; четыре малыя бесѣдки стоятъ по краямъ водоската; у его начала видѣнъ вдали лѣсистый островъ, внизу же противъ поворота рѣки лежитъ на горѣ селеніе; — такова Иматра.

Но дико и отрадно смотрѣть, изъ нижней бесѣдки, на шумное страданіе волнъ: съ какимъ ужасомъ скачутъ онѣ, одна надъ другою, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ, съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинные плески, какъ сѣдые локоны, которые рветъ на себѣ терзаемый Духъ этой бездны, и какъ наконецъ его измученные дѣти, всѣ изрѣзанные камнями, изторгшись изъ сего адскаго русла, одною широкою волною разстилаются по мягкому ложу. Если природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса, — она достигла цѣли, и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склоняясь надъ бездною, жадно прислушивается къ дикому говору волнъ, и будто хочетъ разобрать, въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій, тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа, подъ печатію своего безмолвнаго величія.

Посѣтивъ въ началѣ весны Нарвскій водопадъ, я имѣю нынѣ случай сравнить его съ Иматрою. Обоими славятся окрестности нашей

сѣверной столицы, но воды Нарвы падаютъ однимъ широкимъ уступомъ, а воды Иматры тѣснятся по долгому скату. Первое впечатлѣніе Нарвы сильнѣе, какъ и самое паденіе, и столько же скоротечно; впечатлѣніе Иматры продолжительно, какъ зрѣлище долгаго страданія. Одинаково слышенъ издали ревъ обѣихъ; но въ Нарвѣ — это голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препоны; въ Иматрѣ — это вопль казни и мученія: все пусто и упыло окрестъ нее, какъ лобное мѣсто.

Напротивъ того въ Нарвѣ есть жизнь и посреди бунтующей влаги; рука человѣческая воздвигла тамъ мѣльницу на острову, раздѣлившемъ водопадъ, и не вдалекѣ видѣнъ городъ съ его двумя замками. Казалось, самая рѣка такъ сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебныя племени положили на берегахъ ея. Одинокая башня рыцарей, вся въ развалинахъ, какъ ихъ орденъ, доселѣ грозится на многобашенный Ивань-городъ, поставленный гранію грознаго Царя на рубежѣ Меченосцевъ. Промежду нихъ съ шумомъ несется бурный потокъ, какъ пронеслись съ шумомъ великія событія сихъ твердынь, когда умолкла кровавая между ними бесѣда.

Помню еще одни пороги, которые видѣлъ за нѣсколько лѣтъ близь Умани, въ имѣніи

Потоцкихъ. Они мнѣ тогда нравились болѣе, нежели теперь Иматра и Нарва, по новизнѣ предмета, быть можетъ и потому, что безпечный юноша болѣе утѣшался въ то время эрѣлищемъ бурь, имъ не испытанныхъ еще на житейскомъ поприщѣ; нынѣ же съ симъ воспоминаніемъ сливается память невозвратимыхъ людей и событій. Отъ живописныхъ пороговъ Антоновки и до Иматры, чрезъ сколько бурныхъ пороговъ перекипѣла собственная жизнь моя! Тамъ, быстрый потокъ Ингульца, раздробляясь о камни промежду безчисленныхъ мѣльницъ, съ шумомъ подбѣгаетъ подъ нависшіе своды поросшихъ лѣсомъ утесовъ, метая въ нихъ свою сѣдую пѣну, какъ мечетъ по вѣтрамъ косматую гриву неукротимый конь Запорожца.

Но увлеченный вновь воображеніемъ въ зеленыя степи Украйны, я позабылъ, что нынѣ путь мой по дикой Финляндіи! — Унылы мѣста сіи; мало жизни въ людяхъ и предметахъ; повсюду лѣсистыя горы и глухія озера, и однообразный гранитъ выставляетъ по рубежу дороги пустынныя скрижали, на коихъ пишетъ свои тайныя руны мимотекущее время.

Достигнувъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера, я остановился съ двумя моими спутниками въ городѣ Сердоболѣ, на Валаамскомъ подворьи, гдѣ ожидала насъ монастырская лодка. Самая обитель лежитъ на острову за сорокъ верстъ,

изъ коихъ первые пятнадцать плаваніе совершается по заливамъ. Хотя мы довольно рано пустились въ путь, — онъ однакоже продолжился за полночь; при самомъ выходѣ изъ губы, густой туманъ палъ на озеро, и поднялся свѣжій, противный вѣтеръ. Молва о Ладожскихъ непогодахъ колебала нѣсколько довѣренность нашу къ кормчему, долго служившему на морѣ, прежде нежели посвятилъ себя церкви, и онъ начиналъ уже скучать, что долго не прорѣзываются изъ тумановъ свѣтлые куполы и бѣлая колокольня. Внезапно посреди безмолвія ночи и плывущихъ, духовная пѣснь его огласила воды; кормчій инокъ, двигая руль свой, по угадываемому имъ направленію Валаама, призывалъ себѣ на помощь его пустынныхъ основателей:

«Отъ мірскаго житія изшедше, отверженіемъ же міра Христу послѣдовасте, и достигосте великаго Нева озера, и въ немъ на островѣ Валаамѣ вселившеся, равноангельское житіе пожили есте: отъ онудуже веселящеся прешли къ небеснымъ чертогамъ, и нынѣ со ангелы владычню престолу предстояще, поминайте насъ чадъ своихъ, яже собрали богомудріи, да радостно отъ души вопіемъ: радуйтеся Сергіе и Германе, отцы преблаженніи.»

Трогательна и величественна была въ сіе мгновеніе пѣснь его на сумрачномъ озерѣ. Скоро показалась вдали гряда острововъ, окружающихъ

Валаамъ, и на краю онаго святой островъ, гдѣ долго спасался въ пещерѣ св. Александръ Свирскій. — Вѣтеръ увлекъ насъ нѣсколько ниже устья внутренняго протока, который раздѣляетъ самый Валаамъ, и мы проникли въ протокъ сей промежду малыхъ островковъ, наполняющихъ пространное его устье. На одномъ изъ нихъ стоитъ часовня во имя чудотворца Николая и въ ея стеклянномъ куполѣ горитъ ночью лампала, какъ священный маякъ для направленія плывущихъ. Слѣдуя по широкому протоку до его крутаго изгиба, мы наконецъ увидѣли надъ собою сквозь зелень деревъ, поросшихъ на гранитныхъ утесахъ, бѣлую ограду и самый монастырь, рѣзко отдѣляющійся изъ чащи. Положеніе его уединенно и живописно и, что весьма рѣдко, первоначальный взглядъ на обитель соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Соборный колоколъ ударилъ два часа ночи, и мы спѣшили отдохнуть въ гостинныхъ келліяхъ отъ бурнаго плаванія.

Глубокая древность покрываетъ неизвѣстностію и сомнѣніемъ начала Валаамской обители, и лѣтописи не опредѣляютъ времени преподобныхъ Сергія и Германа, коихъ житіе даже утрачено, вѣроятно по случаю частыхъ войнъ Новгорода со Шведами, не разъ опустошавшими монастырь. Мѣстныя же преданія, основываясь на словахъ Нестора, о приходѣ св. Апостола

Андрея къ Славянамъ Новгородскимъ, продолжаютъ путешествіе сіе далѣе на сѣверъ по Волхову, и даже Ладожскимъ озеромъ на Валаамъ, гдѣ будто бы благословилъ онъ пустынный островъ каменнымъ крестомъ.

Тѣ же темныя преданія называютъ Сергія однимъ изъ Апостольскихъ учениковъ, съ людьми Новгородскими посѣтившимъ сей островъ, гдѣ крестилъ язычниковъ и между ними нѣкоего Мунга, котораго предполагаютъ быть Германомъ; но вся сія повѣсть, извлеченная изъ древней рукописи, оповѣдь, ничѣмъ не доказана. Съ большимъ вѣроятіемъ можно отнести житіе преподобныхъ ко временамъ Княгини Ольги, и нѣкоторые думаютъ, что они были Греческіе выходцы, искавшіе просвѣтить Сѣверъ; а въ рукописномъ житіи св. Аврамія Ростовскаго видно, что обитель Валаамова имѣла уже въ 960 году игумена Ѳеоктиста, окрестившаго изъ язычниковъ просвѣтителя Ростова, который въ свою чреду пошелъ къ югу сокрушать идоловъ и основалъ на Ростовскомъ озерѣ свою обитель въ 990 году, всѣхъ древнѣйшую по лѣтописямъ. Такимъ образомъ первая искра Христіанства блеснула Сѣверу съ Валаама, и островъ сей былъ разсадникомъ пустынножителей въ полунощной странѣ.

По Софійскому лѣтописцу, мощи преподобныхъ обрѣтены были и перенесены въ Новгородъ, при Архіепископѣ Іоаннѣ I. 1163 году;

но тогдашнее состояніе края Карельскаго въ подданствѣ Швеціи подало поводъ новѣйшимъ писателямъ сомнѣваться въ точности лѣтосчисленія и относить сіе событіе ко времени Іоанна II, въ исходѣ XIV вѣка, а житіе Сергія къ половинѣ онаго; но и этому предположенію нѣтъ доказательствъ; самая неизвѣстность говоритъ въ пользу древности. Обратное же перенесеніе св. мощей на Валаамъ, послѣдовало при томъ же великомъ святителѣ Новгорода, по минованіи Шведскаго набѣга въ 1170 году.

Обитель была уже въ полномъ цвѣтѣ въ концѣ XIV столѣтія, когда святой Игуменъ Арсеній, возвратясь съ иконою Божіей матери изъ Аѳонскоій горы, по благословенію Новгородскаго Владыки св. Евѳимія, искалъ уединиться на Ладожскомъ озерѣ, и спасаясь нѣсколько времени на Валаамѣ, при игумнѣ Порфиріѣ, по многолюдству его иноковъ, отошелъ на безмолвіе въ Коневъ необитаемой островъ, гдѣ истребивъ требища идольскія на такъ называемомъ Конь камнѣ, основалъ свой монастырь.

Другой именитый отшельникъ замѣнилъ его на Валаамѣ: св. Савватій пришелъ подвизаться отъ Бѣла-озера, гдѣ былъ постриженъ въ Кирилловской обители; но увлекаемый далѣе на сѣверъ жаждою одиночества, сей великій труженикъ обрѣлъ себѣ мысленный рай на льдахъ Бѣлаго моря, и одолѣвая вьюги его, какъ одолѣлъ

свои страсти, нашелъ святыхъ послѣдователей на Соловецкихъ островахъ.

Еще однимъ славнымъ подвижникомъ просіяла пустыня Валаамская, въ концѣ XIV вѣка. Преподобный Александръ Свирскій, въ ранніе годы возбужденный къ иночеству божественнымъ видѣніемъ, бѣжалъ изъ дома родительскаго, чтобы постричься на островѣ отъ руки игумена Іоакима, и многіе годы спасался въ уединеніи св. острова, смѣжнаго Валааму, гдѣ досель показываютъ его вертепъ, изсѣченный въ скалѣ, доколѣ не возвалъ его вновь горній гласъ, къ основанію собственной пустыни въ лѣсахъ, на берегу Свири и не далеко отъ родственнаго озера, гдѣ Провидѣніе заранѣе указало ему мѣсто.

Столь великими угодниками прославился дикій Валаамъ, столь дивныя обители процвѣли отъ сего благословеннаго корня, какъ вѣтви пустившія отъ себя еще многія отрасли. Но, оплодотворяя окрестныя пустыни, самъ онъ подвергался раззореніямъ и даже совершенному запустѣнію. Когда въ бѣдственное время междуцарствія, Шведскій полководецъ Де ла Гарди, громилъ сѣверные предѣлы наши, иноки Валаама и Конева, поднявъ мощи своихъ чудотворцевъ, бѣжали въ Никольскій монастырь Старой Ладоги, гдѣ основались на долго. Чрезъ сто уже лѣтъ, монахи Бѣлозерскіе начали мало по малу вновь

устроять падшую обитель и святые угодники преплыли снова родственныя имъ волны, чтобы на вѣки успокоиться на поприщѣ житейскаго своего подвига; 11-го Сентября празднуютъ ихъ перенесеніе. Еще недавно одна только деревянная церковь стояла надъ ихъ гробомъ, и одинокій Игуменъ Ефремъ, съ двумя бѣлыми священниками удовлетворялъ молитвами усердію притекающихъ, но въ 1785 году Митрополитъ Гавріилъ, плѣненный древнею славою Валаама и его уединеніемъ, пожелалъ вновь устроить обитель. По совѣту келейника своего Ѳеофана, недавно совершившаго осьмидесятилѣтній подвигъ святой жизни на Новоозерѣ, вызвалъ онъ изъ Саровской пустыни знаменитаго добродѣтелями Назарія, и сей новый Игуменъ евангельскою ревностію возсоздалъ монастырь наружно и внутренно, въ прежнемъ благолѣпіи.

Зданія мало замѣчательны по новизнѣ своей: двойная ограда келлій окружаетъ лѣтній соборъ, во имя Спаса преображенія, и въ нижней его церкви почиваютъ подъ спудомъ въ богатой серебряной ракѣ мощи преподобныхъ. Зимній соборъ празднующій Успенію, прилегаетъ къ ризницѣ и библіотекѣ; позади онаго находится больница съ придѣломъ Живоначальнаго источника. Есть еще на святыхъ вратахъ церковь Апостоловъ Петра и Павла, и малый придѣлъ

близь собора во имя чудотворца Николая. Съ колокольни открывается весь лѣсистый островъ съ другими ему прилежащими и пространная пучина озера.

Церковь праздновала на другой день нашего пріѣзда память благовѣрной Княгини Ольги. Умилительно было на Ладожской пустынѣ прибѣгать къ молитвамъ святой жены, обнимая мыслію все огромное царство, обязанное ей первымъ лучемъ Христіанства. Изъ собора посѣтили мы Игумена В. . . . . а, который, какъ ученикъ Назарія, проведя 30 лѣтъ въ уединеніи, противъ желанія былъ вызванъ для управленія обителью. Онъ принялъ насъ ласково и благословилъ осмотрѣть все любопытное на Валаамѣ, въ сопровожденіи благочиннаго, бывшаго на нашей эскадрѣ во время кампаніи на Греческихъ водахъ. Сперва показалъ онъ намъ усыпальницу, или малое кладбище, гдѣ погребается одна братія, и только изрѣдка кто либо изъ поклонниковъ. Тамъ между смиренными именами Игуменовъ Иннокентія и Іоанаѳана, наслѣдовавшихъ Назарію, меня изумила эпитафія вырѣзанная на деревянной доскѣ, которую отъ времени до времени поновляютъ. Кто бы ожидалъ встрѣтить имя Шведскаго Короля Магнуса между иноками Валаама. Такова сія баснословная надпись:

На семъ мѣстѣ тѣло погребено,
Въ 1371 году землѣ оно предано,
Магнуса Шведскаго Короля,
Который святое крещеніе воспрія,
При крещеніи Григоріемъ нареченъ.
Въ Швеціи онъ въ 1336 году рожденъ.
Въ 1360-мъ на престолъ былъ возведенъ,
Велику силу имѣя и оною ополченъ,
Двоекратно на Россію воевалъ,
И о прекращеніи войны клятву давалъ;
Но преступивъ клятву паки вооружился,
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился,
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ она на корабельной доскѣ носился,
Три дни и три нощи Богомъ хранился,
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами ко брегу сего монастыря управленъ,
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ,
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ;
Потомъ вмѣсто царскія діадимы
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы,
Поживъ три дни, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался.

Стихи сіи, судя по слогу, не старыхъ временъ, но преданіе о Магнусѣ очень давнее, и странно, какимъ образомъ могло оно храниться въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, хотя лѣтописи Шведскія ясно говорятъ, что Король Магнусъ II,

въ XIV вѣкѣ несчастливо воевавшій съ Новгородцами въ Карелiи, былъ въ послѣдствiи свергнутъ съ престола и заключенъ въ темницу, отколѣ освобожденный сыномъ своимъ Гаквиномъ Королемъ Норвегiи, утонулъ на берегахъ ея въ 1372 году. Въ лѣтописяхъ же Русскихъ вписано даже его мнимое завѣщанiе, коимъ запрещаетъ дѣтямъ воевать съ Россiею. Темныя преданiя Валаама особенно замѣчательны; иноки его, какъ бы недовольные славою собственныхъ великихъ угодниковъ, подвизавшихся на островѣ, хотѣли имѣть основателемъ самаго Апостола, просвѣтившаго Россiю, а въ числѣ братiи царственнаго врага ея, оружiя коего нѣкогда трепетали, и сiи два сказанiя укоренились въ ихъ дикой пустынѣ, подъ мракомъ среднихъ вѣковъ.

На краю усыпальницы зашли мы въ келлiю, изсѣченную въ полугорѣ, схимника Ѳеодора, который былъ келейникомъ Игумена Назарiя и избранъ для наставленiя новопостриженныхъ. Онъ разсказывалъ о благой жизни своего учителя и по моему приглашенiю взялъ свой посохъ, чтобы вмѣстѣ обходить прочiя пустыни, разсѣянныя по острову, коихъ числомъ до одиннадцати, но въ четырехъ только живутъ нынѣ отшельники. Современники Назарiя, обремененные годами, уже не въ силахъ уединяться далеко отъ обители; изъ новыхъ же иноковъ не

многіе рѣшаются на столь трудный подвигъ. Самые настоятели не всегда и не всѣмъ позволяютъ итти въ пустыню, ибо должно имѣть много вѣры и духа, чтобы преодолѣть скуку и страхъ одиночества, посреди лѣсовъ, и зимнія непогоды въ убогихъ хижинахъ, и скудость пищи, состоящей только изъ хлѣба и кореньевъ, или плодовъ. Но еще труднѣе имъ побѣждать внутренніе помыслы и тонкія искушенія врага духовнаго, иногда увлекающаго ихъ къ погибели увѣреніемъ въ собственной ихъ святости или отчаяніемъ о спасеніи. Горькіе примѣры сихъ двухъ опасныхъ состояній души являлись между пустынниками Валаама и нѣкоторые изъ нихъ заплатили жизнію за свою самонадѣянность.

Еще недавно 70-ти лѣтній схимникъ, многіе годы подвизавшійся въ пустынѣ, началъ въ послѣднее время избирать странные пути для большаго умерщвленія плоти: недалеко отъ келліи устроилъ онъ изъ вѣтвей на вершинѣ высокой сосны лиственную хижину, куда не смотря на свою дряхлость ежедневно лазилъ для молитвы. Игуменъ опасаясь, чтобы онъ не упалъ, запретилъ ему сей родъ упражненія, но схимникъ, повинуясь только наружно, не смирился духомъ, но перемѣнивъ пустыню, сталъ помышлять о новомъ какомъ либо необитаемомъ пріютѣ. Братія, не видя его въ церкви уже нѣсколько праздниковъ, на которые обязаны ходить и

самые отшельники, безпокоилась о его участи, ибо онъ однажды говорилъ, что хочетъ устроить нѣчто дивное: наконецъ два послушника, закидывая сѣти на берегу протока, увидѣли въ водѣ разбитое тѣло схимника. Стараясь изсѣчь себѣ келлію, на неприступномъ утесѣ, онъ поднялся къ его вершинѣ, по вѣтвямъ сосѣдняго дерева, и началъ уже долбить камень, но круженіе головы низвергло его въ пропасть.

Я спросилъ схимника Ѳеодора: какимъ образомъ спасались отшельники во дни Назарія? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что Игуменъ зная всю трудность сего подвига, ибо самъ сперва жилъ внѣ монастыря въ пустынѣ, строго велѣлъ схимникамъ приходить исповѣдывать другъ другу всѣ малѣйшіе помыслы, какіе только возникнутъ во глубинѣ ихъ сердца, дабы не дать созрѣть имъ въ одиночествѣ къ погибели душевной. Бывали такіе случаи, что изъ любви къ ближнему, отшельники иногда силою проникали въ заключенныя келліи своихъ братій, когда они возносясь умственно, начинали чуждаться всякаго сообщенія, почитая себя уже на высшей степени созерцанія, и заставляли ихъ сознаться въ своемъ обольщеніи. Изъ скромныхъ рѣчей престарѣлаго Ѳеодора, видна была его опытность въ духовной жизни, полагавшая смиреніе основнымъ камнемъ пустынной келліи.

Послѣ гостепріимной трапезы продолжали

мы осматривать пустыни, слѣдуя въ лодкѣ по каналу, который раздѣляетъ островъ на два: Валаамовъ собственно и Скитскій. Оба вмѣстѣ имѣютъ до тридцати верстъ окружности и поросли глухимъ лѣсомъ: около нихъ еще нѣсколько островковъ принадлежатъ монастырю, доставляя ему обильный сѣнокосъ. Домашній скотъ запрещенъ на Валаамѣ и тамъ нѣтъ другаго звѣря кромѣ олѣней, забѣжавшихъ по льду съ Финскаго берега. Одинъ изъ нихъ, въ бѣдственномъ положеніи, былъ прибитъ бурею, на льдинѣ и гостепріимно принятъ иноками; но Игуменъ, опасаясь слишкомъ развлечь ихъ сею невинною забавою, велѣлъ пустить его въ лѣсъ, гдѣ скоро одичалъ. Отшельники иногда только встрѣчаютъ олѣней въ чащѣ лѣса, или съ пустыннаго берега видятъ, какъ хитрыя лисицы таскаютъ изъ воды рыбу, принесенную весенними льдами, и вотъ единственные жители, раздѣляющіе съ ними дикое уединеніе.

Такъ живописны утесистые берега протока, поросшіе соснами, кленомъ и березою, такъ разнообразны ихъ зелень и виды, что намъ казалось, мы плывемъ посреди величественнаго сада, въ коемъ искуство воспользовалось мѣстными красотами природы, и по своей прихоти направило изгибы водяной стези. Въ рощѣ Скитскаго острова, на возвышенной полянѣ, нашли мы малую церковь всѣхъ Святыхъ, и

около нея нѣсколько хижинъ, составляющихъ скитъ неусыпаемыхъ. Тамъ никогда не прерывается чтеніе псалмовъ, и восемь отшельниковъ смѣняются каждые два часа. Сія малая пустыня устроена Игуменомъ Назаріемъ для ищущихъ совершеннаго покоя, при самой строгой жизни, въ подражаніе знаменитой обители Царьградской Св. Маркелла. Церковь была отперта и слышался внутри ея томный голосъ чтеца; блѣдный, изнуренный, онъ стоялъ предъ налоемъ. Мы вошли тихо, — не заботясь о живыхъ, онъ продолжалъ псалтырь за усопшихъ.

За версту отъ скита, въ лѣсу и болотѣ, посѣтили мы еще одного отшельника въ келліи, принадлежавшей прежде игумену Варлааму, гдѣ онъ оставилъ въ наслѣдство новому ея жителю гробъ, имъ самимъ устроенный, для временнаго отдыха при жизни, для вѣчнаго по смерти. Въ лѣтнее время множество комаровъ не даютъ минуты покоя въ этомъ пріютѣ; но пустынникъ увѣрялъ насъ, что они ему полезны, высасывая всю лишнюю кровь.

Вечеромъ возвратясь въ монастырь, мы снова посѣтили Игумена. Я говорилъ ему о новой келліи, которую строитъ онъ для себя близь скита, ибо старецъ, скучая настоятельствомъ, жаждалъ только безмолвія пустынnаго. Отклоняя рѣчь о самомъ себѣ, Игуменъ завелъ бесѣду о душевной пользѣ уединенія.

Когда же, разсуждая о различныхъ путяхъ ко спасенію, я сказалъ: какъ оно трудно! — «согласенъ, что трудно, отвѣчалъ онъ, но и стыдно, если не спасемся; ибо какой отвѣтъ дадимъ предъ язычниками, во мракѣ жившими до искупленія, — мы, столь ярко озаренные свѣтомъ Евангелія, которое во всякомъ быту открыло намъ пути къ царствію.» Въ подтвержденіе своей бесѣды Игуменъ предложилъ мнѣ житіе своего Ангела, пустынника Варлаама и обращеннаго имъ Царевича Іоасафа, и я вкратцѣ излагаю здѣсь сіе прекрасное сказаніе св. Іоанна Дамаскина.

Въ Индіи, гдѣ проповѣдь Апостола Ѳомы посѣяла первыя сѣмена Христіанства, восталъ нечестивый Царь Авенниръ; жестокими гоненіями старался онъ искоренить въ областяхъ своихъ благія начала вѣры, и принудилъ Христіанъ бѣжать въ горы и пустыни. Ему родился прекрасный младенецъ Іоасафъ, и собранные волхвы всѣ обѣщали новорожденному свѣтлое царство; одинъ только изъ ихъ числа предвѣщалъ, что не земное царство назначено будущему покровителю Христіанъ. Огорченный Царь велѣлъ заключить сына въ уединенный дворецъ, подъ строгимъ запрещеніемъ не открывать ему о существованіи Христіанъ, и чтобы не огорчить юной души зрѣлищемъ житейскихъ бѣдствій, онъ воспитывалъ его въ невѣденіи недуговъ и

смерти, удаляя, при малѣйшемъ признакѣ грусти или болѣзни, юношей, избранныхъ для его развлеченія.

Но когда съ лѣтами постепенно развивались понятія Царевича, онъ началъ скучать своимъ заключеніемъ и упросилъ слабаго родителя дозволить ему взглянуть на міръ Тщетно Царь велѣлъ показать ему во всемъ блескѣ и торжествѣ столицу, при кликахъ народныхъ, при музикійскомъ хорѣ; вопреки мѣрамъ человѣческой предосторожности Іоасафъ нечаянно встрѣтилъ на стогнахъ, сперва слѣпаго и прокаженнаго, а потомъ дряхлаго старца, и любопытствуя о ихъ участи, съ ужасомъ узналъ горькую истину, что каждый можетъ подвергнуться подобнымъ бѣдствіямъ, и что предѣлъ старости есть смерть, часто постигающая и юношей. Пораженный сею вѣстію Царевичь, возвратясь въ чертоги, сталъ тосковать о непрочности всего житейскаго и, невольно переносясь мыслями за предѣлы сей жизни, испытывалъ у друзей своихъ, нѣтъ ли какого либо другаго міра въ вознагражденіе за суеты здѣшняго? Тогда одинъ изъ нихъ, движимый состраданіемъ, открылъ ему, что есть люди проповѣдующіе о блаженствахъ грядущей жизни, и что страхъ обращенія къ ихъ вѣрѣ былъ виною столь долгаго его заключенія. Іоасафъ пламенно возжелалъ бесѣдовать съ ними.

Въ сіе время, спасавшійся въ Индіи пустынникъ Варлаамъ, свыше извѣщенный о благомъ расположеніи Царевича, возложилъ на себя подвигъ просвѣтить его Христіанствомъ. Въ одеждѣ купеческой проникнулъ онъ во дворецъ и просилъ у ближайшаго царедворца дозволенія видѣться съ Іоасафомъ. Я имѣю, говорилъ старецъ, драгоцѣнный камень для вашего владыки, исцѣляющій отъ всѣхъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и ему одному только могу показать его, ибо камень сей ослѣпляетъ тѣхъ, которые нечисты сердцемъ. Допущенный къ юному затворнику Варлаамъ втайнѣ открылъ ему о бытіи Божіемъ, о созданіи міра и высокой цѣли человѣчества, описалъ горькое его паденіе и дивное искупленіе, чрезъ посредничество Богочеловѣка, и обѣщалъ грядущую вѣчную жизнь въ замѣнъ странствія на землѣ. Восхищенный симъ божественнымъ ученіемъ Царевичь уразумѣлъ, что драгоцѣнный камень пустынника есть самъ Христосъ и немедленно просилъ крещенія. Радостный старецъ совершилъ сіе великое таинство и исполнивъ его духовнымъ утѣшеніемъ, удалился въ пустыню: «сынъ небеснаго отца, сказалъ онъ сиротѣющему юношѣ, мы еще свидимся въ сей жизни.»

Но царедворецъ, испуганный обращеніемъ Іоасафа, который тщетно хотѣлъ просвѣтить его Христіанствомъ, помышлялъ только о избѣжаніи

заслуженной казни и заблаговременно самъ во всемъ признался Авениру. Разгнѣванный Царь послалъ избить всѣхъ пустынниковъ въ своей области, чтобы въ ихъ числѣ погибъ и Варлаамъ, но воины не могли найти его вертепа. Тогда нѣкто изъ вельможъ, видя отчаяніе Государя, совѣтовалъ ему коварствомъ уловить Іоасафа. «Предложи Царевичу, сказалъ онъ, собрать для совѣщанія нашихъ жрецовъ и его единовѣрцевъ. Есть между волхвами одинъ весьма похожій на Варлаама, глубоко знающій всѣ таинства ученія Христіанскаго. Мы распустимъ молву о взятіи пустынника, волхвъ представитъ лице его на совѣтѣ, и послѣ долгаго прѣнія о вѣрѣ, признаетъ истину нашей; пристыженный Іоасафъ невольно послѣдуетъ мнимому учителю. Съ радостію принялъ Царь коварное предложеніе вельможи, и обѣщалъ безопасность всѣмъ Христіанамъ, желающимъ состязаться съ волхвами. Совѣтъ собрался; самъ Авениръ, присутствуя на тронѣ, грозилъ жрецамъ своимъ казнію въ случаѣ ихъ посрамленія. Но хитрость отца не могла утаиться отъ проницательныхъ взоровъ Іоасафа; съ своей стороны обѣщалъ онъ мнимому Варлааму тяжкія муки, если не одержитъ побѣды; смятенный волхвъ, по страху смерти, краснорѣчиво опровергалъ лжеученіе язычниковъ, и убѣждая другихъ, самъ невольно убѣдился въ истинѣ.

Не видя болѣе никакихъ средствъ для сокращенія сына съ избраннаго имъ пути ко спасенію, и движимый отеческою любовію Царь рѣшился раздѣлить съ нимъ государство, чтобы не стѣснять другъ друга въ вѣрѣ. Но когда въ теченіи трехъ лѣтъ область сыновняя процвѣла Христіанствомъ и самъ онъ увидѣлъ благіе плоды кроткой вѣры, смягчилось наконецъ ожесточенное его сердце, и проникло въ душу спасительное раскаяніе; смиренный отецъ прибѣгнулъ къ сыну за новою жизнію, и сынъ былъ воспріемникомъ родителя отъ святой купели, баннею возрожденія воздавая ему за собственное земное бытіе. Такъ измѣнился духовно порядокъ ихъ плотскаго родства. Скоро спасенный Авениръ скончался въ подвигахъ благочестія.

Тогда блаженный Іоасафъ, довольно послуживъ Богу въ мірѣ просвѣщеніемъ своего царства, хотѣлъ еще служить Ему въ пустынѣ. Тщетно вельможи и народъ умоляли его оставаться на престолѣ. Влекомый жаждою уединенія, онъ избралъ имъ достойнаго Царя, и самъ устремился къ инымъ подвигамъ. Плачущій народъ весь день слѣдовалъ за нимъ на пути къ пустынѣ, но съ солнечнымъ закатомъ исчезъ навѣки отъ него Іоасафъ. Долго скитаясь по безлюднымъ мѣстамъ, открылъ онъ наконецъ вертепъ наставника своего Варлаама, и одною молитвою потекла жизнь обоихъ, доколѣ юноша

не воздалъ послѣдняго долга старцу. Одинокій труженикъ еще многіе годы подвизался послѣ него въ пустынѣ, какъ нѣкій Ангелъ охраняя предѣлы своего царства, промѣнявъ Индійскую корону на вѣнецъ нетлѣнный.

Размышляя о великомъ отреченіи Іоасафа, я воротился отъ Игумена въ тѣ самыя келліи, гдѣ другой царственный искатель уединенія, приходилъ на время облегчить душу обремененную мірскимъ величіемъ. Здѣсь въ Августѣ 1818 года, благочестивый Императоръ Александръ два дня удивлялъ своимъ смиреніемъ самыхъ отшельниковъ Валаама. Оставивъ въ Сердоболѣ свиту, съ однимъ лишь человѣкомъ приплылъ онъ вечеромъ въ монастырь. Братія, созванная по звуку колокола, уже нашла Государя на паперти церковной. Не смотря на поздній свой пріѣздъ, ранѣе всѣхъ поспѣшилъ онъ къ утрени въ соборъ и смиренно сталъ между иноками, отказавшись отъ царскаго мѣста. Исполненный благочестиваго любопытства, пожелалъ онъ лично видѣть пустынные подвиги отшельниковъ, посѣтилъ всѣ ихъ келліи, съ иными бесѣдовалъ съ другими молился, и утѣшенный духовнымъ состояніемъ обители, щедро надѣлилъ ее своими милостями. Игуменъ Іоанаѳанъ въ послѣдствіи имѣлъ всегда свободный входъ въ царскія покои. Память кроткаго Монарха священна Валааму.

На слѣдующее утро, за раннею обѣднею, увидѣлъ я при мощахъ Преподобныхъ изнуреннаго инока, который казалось съ трудомъ могъ стоять. Мнѣ сказали, что онъ молчальникъ и уже восемь лѣтъ положилъ на себя обѣтъ безмолвія, бесѣдуя только на исповѣди съ духовникомъ; но неизвѣстна причина столь тяжкаго искуса, превышающаго строгій уставъ, оставленный Игуменомъ Назаріемъ своимъ инокамъ. Нынѣ ихъ числомъ до шестидесяти, кромѣ послушниковъ. Я посѣтилъ между ними еще двухъ весьма занимательныхъ: Веніамина, искуснаго механика, котораго хитроустроенные часы едва ли не будутъ загадкою для опытнѣйшаго художника, и Гавріила, бывшаго начальникомъ судна въ Американской кампаніи.

Сей послѣдній разказывалъ мнѣ много любопытнаго о духовной миссіи нашей въ Американскихъ колоніяхъ, которая вся состояла изъ Валаамскихъ монаховъ, и ихъ настоятель Іоасафъ въ концѣ прошлаго столѣтія былъ даже посвященъ въ Иркутскѣ, Викарнымъ Епископомъ для просвѣщенія Христіанствомъ сего дикаго края. Но возвращаясь въ свою новую эпархію, на Кодьякъ, онъ потонулъ со всемъ кораблемъ на берегахъ неизвѣстнаго острова. Съ его смертію уничтожился Викаріатъ и изъ всѣхъ его спутниковъ одинъ только престарѣлый инокъ Германъ долго жилъ на маломъ уединенномъ островкѣ

близь колоній, который назвалъ онъ новымъ Валаамомъ. Я также слышалъ отъ Гавріила повѣсть объ одномъ изъ сихъ миссіонеровъ Іаковѣ, который проповѣдуя Евангеліе Американцамъ, пропалъ безъ вѣсти. Нѣсколько матросовъ занесены были бурею на незнакомый имъ берегъ материка, къ сѣверу отъ колоніи Кодьяка. Дикіе сбѣжались къ ихъ лодкѣ, и хотѣли умертвить; но они, подражая Испанцамъ Колумба, объявили себя безсмертными. Тогда испуганные Американцы отпустили ихъ съ честію, сказавъ имъ: «вы братія тому странному человѣку, котораго еще недавно мы никакъ не могли уморить; онъ обращалъ насъ къ своему Богу, а мы не хотѣли для него оставить многихъ женъ, и привязали къ дереву пришельца, чтобы избить стрѣлами; но уже совсѣмъ мертвый, онъ три раза возставалъ и снова начиналъ убѣждать насъ, доколѣ наконецъ не отдали мы его на съѣденіе нашимъ сосѣдямъ.» Нѣкоторые изъ старшихъ иноковъ Валаама помнятъ, что Игуменъ Назарій письменно былъ о томъ увѣдомленъ отъ своихъ Американскихъ миссіонеровъ.

Я спѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ вѣтромъ для обратнаго плаванія. Нѣкоторые изъ монашествующихъ пожелали проводить насъ до устья протока, и лодка уже готова была отчалить, когда на горѣ показался опять почтенный

Игуменъ. Онъ шелъ на сѣнокосъ раздѣлять сельскіе труды съ братіею, ибо никто не уволенъ изъ нихъ на Валаамѣ; самые схимники работаютъ въ толпѣ молодыхъ послушниковъ, подавая имъ благой примѣръ. Картина сія, истинно трогательная, переноситъ воображеніе въ первобытныя времена иночества, когда вслѣдъ за великимъ Пахоміемъ, отшельники ходили добывать себѣ тростникъ на пустынныхъ островахъ Нила. Меня тронуло благосклонное вниманіе старца, который опираясь на посохъ, спѣшилъ еще разъ проститься съ нами, и я снова вышелъ на берегъ, чтобы принять его благословеніе. Напутствуемые его молитвою, достигли мы крайняго острова и взошли въ часовню Св. Николая, гдѣ усердные иноки на прощаніе отслужили для насъ молебенъ Чудотворцу. Всѣ мы были тронуты симъ послѣднимъ знакомъ ихъ пріязни. Разставаясь на той грани, гдѣ для нихъ кончается міръ, я подумалъ, какъ суетны и жалки должны мы были казаться симъ отшельникамъ, которые могли сказать о себѣ:

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли;
Пристань надежную утлые чолны
Здѣсь обрѣли;
Здѣсь невечернею радостью полны
Слышимъ вдали—
Моря житейскаго шумныя волны;

На сей разъ плаваніе наше было счастливѣе, хотя оно продолжалось восемь часовъ. Не доѣзжая Сердобольскаго залива, мы остановились для отдыха гребцовъ близь малаго острова Маргичь, и увидѣли на берегу каменный крестъ съ надписью: здѣсь отдыхалъ Императоръ Александръ въ 1818 году, и нѣсколько ниже: здѣсь отдыхалъ въ томъ же году, Митрополитъ Михаилъ. Читая имена повелителя Европы и благаго пастыря, на пустынномъ утесѣ Ладожскаго озера, я горько размышлялъ объ участи всего великаго на земли. Сія каменная надпись служитъ краснорѣчивымъ эпиграфомъ Валааму, поясняя отреченіе его иноковъ отъ преходящей славы міра!

НОВГОРОДЪ.

Послѣ скучныхъ лѣсовъ и безпрерывныхъ болотъ Петербургской дороги, на разсвѣтѣ, пріятно проснулся я въ окрестностяхъ Новгорода; поля благоухали весеннею свѣжестію, жаворонки пѣли и рѣзвились въ небѣ, стада паслись; два цыганскіе табора дико оживляли зеленую равнину, по которой широко гулялъ синій Волховъ, сей вольный выходецъ Новогородскій, часто нарушающій свои законные предѣлы. Встающее солнце постепенно начало зажигать куполы разсѣянныхъ кругомъ монастырей, словно мѣстныя лампады предъ святынею Новгородской. — Когда приближаешься къ какой либо великой крѣпости, оплоту царства, встрѣчаешь около нея рядъ малыхъ

укрѣпленій, а Новгородъ, кивотъ святыни Русской, опоясанъ сонмомъ монастырей, гдѣ на вѣчной стражѣ почіютъ мощи ихъ основателей.

Прежде всѣхъ величественно поднимается влѣво отъ дороги, на крутомъ берегу Волхова, Хутынь, обитель преподобнаго Варлаама, даровавшая многихъ святителей Новгороду, Хутынь, отколѣ, въ бѣдственные дни его казней, бѣжалъ самъ испуганный Іоаннъ, и даже оставилъ тамъ свой грозный жезлъ, когда выступило пламя изъ гробницы святаго игумена, которую хотѣлъ онъ открыть. Съ правой стороны мелькаетъ вдали Вяжская обитель Св. Евѳимія, со славою правившаго церковію уже не за долго до Царя Іоанна. — Ближе къ городу видѣнъ межъ деревъ монастырь Деревяницкій, а на низменномъ берегу Волхова, дѣвичій Сырковъ и упраздненный Колмовъ. — Далѣе за рѣкою, густая роща осѣнила пристанище Антонія Римлянина, и одна за другою появлялись вдоль рѣки безчисленныя церкви Торговой стороны Новгорода. Бѣлые паруса скользили внизъ и вверхъ, по синевѣ волнъ и межъ зелени садовъ, сей безпрерывно двигавшейся картины, доколѣ не закрылъ ее своимъ высокимъ зданіемъ у самыхъ городскихъ воротъ Духовъ монастырь, приличио открывающій собою входъ къ Новгороду.

Прямая улица ведетъ отъ заставы къ дворцовому саду, который окружаетъ своею зеленью половину красныхъ стѣнъ Кремля. — Разительная противуположность: у подошвы развалинъ распускающійся садъ! Молодыя деревья, во всей красѣ своей, рѣзво спустились во глубину рвовъ, нѣкогда наполняемыхъ трупами осаждавшихъ, и смѣло взбирались на разсѣлины ветхихъ твердынь, страшныхъ именемъ Св. Софіи. На концѣ сада, недалеко отъ стѣнъ и рѣки, легкая бесѣдка замѣнила, какъ предполагаютъ, узорочный теремъ Марѳы Борецкой, отколѣ посадница привыкла смотрѣть на бури непостояннаго Волхова и на вѣчевыя бури народа. Быть можетъ, на семъ мѣстѣ Св. игуменъ Соловецкій Зосима, надмѣнно принятый ею, предрекъ ей во дни славы день ея паденія!

Трезвонили къ утренни, когда мы въѣхали въ Кремль; я устремился къ Софійскому собору, и съ невольною робостію переступилъ порогъ его. — Въ первомъ придѣлѣ Рождества Богоматери поклонился я мощамъ перваго Епископа Никиты и Св. Князя Мстислава, витязя земли Новгородской. Руки его, долго владѣвшія мечемъ за Св. Софію, упокоились крестообразно на богатырской груди его, бывшей щитомъ Новгороду. Святитель и Витязь, другъ противъ друга, на прагѣ собора — какая

чудная, неодолимая стража! Далѣе приложился я къ ракѣ Князя Владиміра Ярославича, основавшаго Св. Софію и Кремль, и его матери Анны, и Князя Ѳеодора, юнаго брата Св. Невскаго, котораго застигла смерть въ самый день брака и увѣнчала инымъ вѣнцемъ. Потомъ я сталъ противъ амвона, окинулъ взоромъ весь соборъ, отъ вратъ Корсунскихъ, сквозь царскія, до горняго мѣста, взглянулъ на чудотворную икону Христа Божіей Премудрости, посмотрѣлъ въ куполъ, гдѣ написанъ Господь Вседержитель, держащій въ сжатой десницѣ судьбы Новагорода, отъ разжатія коей долженъ онъ пасть, — вспомнилъ, что я стою, одинокій, посреди столькихъ вѣковъ въ Св. Софіи, и позабылъ все прочее!

Время не позволяло медлить. Я поспѣшилъ изъ Кремля на Волховской мостъ къ часовнѣ животворящаго креста, который, по вѣрѣ народной, охранялъ отъ бурь Волхова древній мостъ его. Предъ сею часовнею упалъ конь подъ грознымъ Іоанномъ, торжественно вступавшимъ въ покоренный Новгородъ, когда для встрѣчи его внезапно ударили въ колоколъ Кремля; Царь велѣлъ отбить ему уши, и такъ виситъ онъ донынѣ на колокольнѣ Софійской. Съ мосту посмотрѣлъ я къ Ильменю, и не было видно озера за высотою

Волхова; самъ онъ представлялся озеромъ, усѣяннымъ островами селъ и обителей. — Древній Новгородъ, казалось, хотѣлъ освятить колыбель своего Волхова, который, исторгшись изъ подъ его спасительнаго покрова, опять дичаетъ въ лѣсахъ, два монастыря, Юрьевъ и Сковородскій, воспринимаютъ его у самаго истока и передаютъ другимъ обителямъ и храмамъ, которые всѣ столпились на берегахъ рѣки, умиряя ея теченіе; отъ Ильменя и до Хутыня течетъ онъ, какъ бы окованный въ священной ракѣ, отражая въ каждой волнѣ своей какую либо святыню, и тихи подъ ея сѣнію прибрежныя воды. Но въ одномъ только мѣстѣ неукротимъ Волховъ: съ негодованіемъ тѣснится онъ подъ сводами моста и сердито бьетъ въ каменные оплоты, еще исполненный памяти прошедшаго, когда поглощалъ онъ жертвы народной вражды, свергаемыя съ моста, какъ съ Капитолійской скалы; когда ненависть обѣихъ сторонъ его, Торговой и Софійской, разрѣшалась надъ нимъ страшными битвами, а онъ, какъ лютый звѣрь жаждалъ паденія труповъ; — онъ одинъ знаетъ число принятыхъ имъ во дни Іоанна тѣлъ, коихъ души глухо записаны въ числѣ двухъ темъ въ поминаніяхъ Бѣлозерской обители! Вопли разъяренныхъ гражданъ, стремившихся другъ противъ друга, отъ сосѣдняго

вѣча и отъ Св. Софіи, слишкомъ долго раз-давались здѣсь надъ юнымъ Волховымъ, чтобы не возбудить въ волнахъ его отголоска своимъ бурямъ, и здѣсь онъ еще буренъ и своеволенъ, какъ во дни своихъ Тысяцкихъ и Посадниковъ и вѣча.

Но какая мирная, очаровательная картина, развивается во всѣ стороны съ сего моста, картина достойная лучшихъ временъ Новгорода! Посмотрите къ Ильменю: на краю его величественно возстаетъ изъ водъ вѣнецъ всего Новгорода, бѣлый Юрьевъ, бѣлѣе утренняго снѣга, мѣстами слегка нарумяненный первыми лучами дня. Правѣе обители, живописная дача Графини Орловой, окруженная садомъ, и село Рахово на холмѣ, и далѣе два бывшіе монастыря: Аркажскій и Благовѣщенія. Лѣвѣе Юрьева бѣлѣютъ между синевою неба и волнъ двѣ другія обители Святыхъ Моисея и Кирилла, и древнее городище Рюрика, гнѣздо Князей Варяжскихъ, господствуетъ на высотѣ надъ торговымъ предмѣстіемъ Славянской столицы; почти у самаго моста, на дворѣ Ярослава, девять пятиглавыхъ церквей обступили черную, обгорѣлую башню вѣчеваго колокола, долго заглушавшаго ихъ благовѣстъ, и сошлись въ ясномъ небѣ своими золотыми, безчисленными крестами, на подобіе воздушнаго кладбища.

Теперь обратитесь къ Хутыню: его не видно вдали, но на пути къ нему потянулись вдоль берега иныя многія церкви Торговой стороны, и на крутомъ изгибѣ рѣки выбѣгаетъ изъ за Антоніевой рощи гостепріимный мысъ, принявшій усталаго Римлянина на его плывучемъ камнѣ, и опять у самаго моста, но съ другой лишь стороны грозится своими красными башнями весь зубчатый Кремль, кровавая лѣтопись многихъ вѣковъ, — а надъ нимъ бѣлая Св. Софія, съ своею златою главою, какъ въ бѣлой ризѣ увѣнчанный Святитель, предстательствующій за древній Новгородъ.

КРЕМЛЬ.

Отрадно стоять на высотахъ Кремля въ часъ всенощной, когда на зовъ златоглаваго великана внезапно и со всѣхъ сторонъ откликаются его безчисленныя дѣти, и ходитъ гулъ ихъ въ дрогнувшемъ эѳирѣ, серебристый, многоглагольный, слитый не изъ однихъ звуковъ, но изъ чувствъ и мыслей и словъ, которыя однакоже не опускаются до земли: языкъ неба плаваетъ въ небѣ, обтекая столицу своимъ мѣднымъ гимномъ. Это священные кимвалы полчищъ Ангельскихъ, стражей Русской земли, вѣчно бодрствующихъ надъ богохранимымъ градомъ, для отгнанія лукавыхъ князей тьмы. А между тѣмъ, подъ сѣнію благовѣствующаго неба, сладко упокоивается земля,

какъ бы на лонѣ у матери, и свѣтелъ вечерній ликъ бѣлокаменной Москвы, и синихъ водъ ея и зеленыхъ садовъ, въ послѣдній часъ угасающаго дня, который будто нехотя разстается съ нею, убирая какъ невѣсту своеправными цвѣтами:—гдѣ только можно медлятъ запоздалые лучи его, то догарая золотомъ на сонмѣ куполовъ и крестовъ, то дѣвственнымъ румянцемъ на стѣнахъ храмовъ, то воздвигая бѣлые призраки башень изъ массы зданій. Но эти призраки, подымаясь какъ бы изъ тьмы временъ, гласятъ о славномъ минувшемъ; это громадная лѣтопись нашего царства, каменныя грани, которыя ставили предки на рубежѣ вѣковъ, ознаменованныхъ великими дѣяніями, чтобы при видѣ ихъ потомки укрѣплялись молитвою на новые подвиги. Прямо противъ Кремля, церковь Черниговскихъ чудотворцевъ, гдѣ долго покоились святые мощи Князя Михаила и боярина Ѳеодора, кровію запечатлѣвшихъ вѣру во Христа предъ дикимъ Батыемъ; далѣе, позади величественныхъ храмовъ Пятницы, всѣхъ скорбящихъ и Климента Папы Римскаго, главу коего принесъ Св. Владиміръ изъ покоренной Корсуни, яснѣютъ вдали древнія башни Симонова, память первой побѣды надъ Татарами;—Сергій, молитвенно двигнувшій рать Донскаго на Мамая, указалъ и мѣсто для обители благодарному

Князю. — Лѣвѣе одиноко востаетъ величавая колокольня Новоспасская и съ нею воспоминаніе другаго конечнаго торжества надъ Монголами: — это бѣгство послѣдняго Хана Ахмата и паденіе Золотой Орды, два вѣка тяготѣвшей надъ Россіею, и величіе Іоанна, собирателя Руси, соорудившаго обитель въ лѣто сверженія ига. И третія славная обитель видиѣется правѣе Симонова, изъ толпы церквей, Донская именемъ и отголоскомъ первой побѣды. — Сергій и витязь, сокрушитель Мамая, опять дѣйствуютъ чрезъ два столѣтія, уже подъ стѣнами Москвы. Икона, сопутствовавшая доблестному Князю Донскому въ часъ рѣшительной битвы, и самый образъ святаго пустынножителя оградили здѣсь станъ ратный послѣдняго изъ дома Рюрикова, и какъ нѣкогда съ полей Куликовскихъ Мамай, такъ бѣжалъ съ Воробьевскихъ высотъ Девлетъ Гирей Крымскій, оттолѣ пожиравшій взорами Москву. Такою славою побѣдъ увѣнчанъ горизонтъ ея! — Отъ подошвы сихъ живописныхъ горъ, нынѣ осѣненныхъ мирною рощей, скромно течетъ Москва рѣка, какъ Римскій Тибръ, свидѣтель столькихъ браней, вся упоенная вражьей кровью; но зарева и битвы будто забыты ею, ихъ унесла съ собою мимотекущая волна; она же весело кропитъ зеленые брега свои, усѣянные нивами и садами, и синей лентой вьется между ними, доколѣ мало по малу не втекаетъ

въ пышную ограду храмовъ и палатъ. Тогда ударяя звонкой струею въ каменныя арки моста, какъ бы въ струны гуслей, плещетъ она и подъ сѣдую стѣну Кремля, который любитъ смотрѣться въ ея зеркалѣ, со всѣми своими куполами и бойницами; полная его златоверхою славой, она опять ударяетъ волнами въ другія арки, журча свою тихую пѣснь, и, какъ рѣзвое дитя, скользитъ сквозь нихъ, отъ величаваго надзора древней матери столицы, опять въ привольное лоно своихъ рощь и полей, къ стадамъ пасущимся на зеленыхъ лугахъ Симонова.

Вотъ засыпаетъ Кремль и Москва у ногъ его; но вокругъ ходитъ по небу луна, какъ бы на стражѣ его святыни и бодрствуютъ при свѣтѣ лампадъ лики Святыхъ у входа въ каждый храмъ. Отрадно для взоровъ и сердца такое слiяніе свѣта небеснаго съ земнымъ, и тамъ, куда не досягаетъ широкій лучь мѣсяца, заслоненный громадой соборовъ или уступомъ высокаго терема, тамъ яркой звѣздою горитъ во мракѣ богатый вѣнчикъ надъ иконой, и озаренное имъ лице Пречистой Дѣвы привѣтливо улыбается съ Божественнымъ Младенцемъ мимоходящему поклоннику. Все тихо и будто мертво, если только можетъ быть мертво въ Кремлѣ, гдѣ живы и сами усопшіе, спящіе въ ракахъ, какъ бы на ложахъ ночныхъ. Подъ южной стѣною не плеснетъ ни одна струя Москвы рѣки, не слышно

и поздняго гула на двухъ ея мостахъ, опоясавшихъ Кремль: — лишь изрѣдка легкій вѣтръ зашевелитъ звѣньями крестовыхъ цѣпей на соборныхъ главахъ, и Спасская башня, одна ведущая рѣчь за всѣхъ зубчатыхъ сестеръ своихъ, начнетъ щитать боемъ часовъ мимотекущее время, какъ щитаетъ свои сокровища богатый, или подымается внезапно отъ Ивана Великаго протяжный окликъ часовыхъ, чтобы отозвавшись во всѣхъ вратахъ и бойницахъ, опять оставить сѣдой Кремль его ночному безмолвію, его безмятежной святынѣ, гдѣ отъ избытка небеснаго земное кажется излишнимъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПОСѢЩЕНІИ СВЯТЫНИ

МОСКОВСКОЙ

ГОСУДАРЕМЪ

НАСЛѢДНИКОМЪ.

ИЗСЛѢДУЮЩІЯ

ЛОСАУЛЬЕМ

ЖОЖОВОЖОХ

ПОСѢЩЕНІЙ СВѢТЛІИ

О

ВОСПОМИНАНІИ

Благопріятный случай доставилъ мнѣ утѣшеніе, на обратномъ пути изъ Воронежа, слѣдовать близко, за торжественнымъ поѣздомъ Его Высочества, — можно сказать брачнымъ, ибо по выраженію Жуковскаго, это было какъ бы всенародное обрученіе Государя Наслѣдника съ Россіею. Невѣста достойна жениха и оба въ полномъ цвѣтѣ и силѣ. Отрадно было слышать по всей дорогѣ единодушныя благословенія Царственному юношѣ, видѣть восторгъ, который еще живо выражался въ рѣчахъ, во взорахъ каждаго; движеніе нравственное, произведенное симъ путешествіемъ, невыразимо; общая жизнь пробудилась внезапно по необъятному Государству и всѣ черпали ее въ томъ же источникѣ любви къ единому предмету.

Въ окрестностяхъ Калуги встрѣтился со мною В. А. Жуковскій и предложилъ ѣхать въ Новый Іерусалимъ, чтобы сравнить для Великаго Князя древній, знакомый мнѣ храмъ Св. Гроба съ Воскресенскимъ его подобіемъ. Когда же продолжалъ я сопутствовать Его Высочеству въ Лавру и по обителямъ Московскимъ, то сіе благоговѣйное странствованіе произвело на меня столь глубокое впечатлѣніе, что я пожелалъ мысленно вновь пережить, для себя и для другихъ, высокія минуты, въ которыя какъ бы опять повторилось святое минувшее нашихъ лѣтописей, на тѣхъ же славныхъ мѣстахъ, — и нынѣ излагаю то, что видѣлъ и слышалъ.

МОСКОВСКІЕ МОНАСТЫРИ:

ЧУДОВЪ.

Иванъ Великій потрясалъ воздухъ гуломъ колоколовъ и понятенъ былъ радостный говоръ многоязычной семьи его. Онъ шумно бесѣдовалъ съ столицею; какъ исполинъ, черезъ Кремлевскія стѣны, передавалъ онъ во всѣ концы ея клики народные, гремѣвшіе у его подошвы, и былъ въ глубокомъ небѣ отголоскомъ земли Русской, которая привѣтствовала своего Наслѣдника, вступавшаго въ святыню храмовъ, уже совершеннолѣтнимъ.

Въ Чудовѣ монастырѣ, у дверей ведущихъ изъ малаго дворца въ ту самую церковь Благовѣщенія, гдѣ за девятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ принялъ святое крещеніе Царственный младенецъ, сидѣлъ въ мантіи Митрополитъ Московскій,

окруженный своимъ клиромъ; онъ ожидалъ опять свѣтлаго гостя, котораго уже привѣтствовалъ краснорѣчивымъ словомъ въ Успенскомъ соборѣ. Скоро представилось очамъ трогательное зрѣлище: — посреди восточнаго великолѣпія нашихъ церковныхъ обрядовъ, шествовалъ Великій Князь, самъ безъ всякой пышности, кромѣ той, какую щедро излила на него природа, и казался однимъ изъ тѣхъ небесныхъ юношей, которые тайно участвуютъ въ божественной службѣ. Въ сосѣднемъ придѣлѣ Св. Митрополита Алексія скрылось торжественное шествіе, но изъ-за таинственной завѣсы, отдѣлявшей мощи Святителя отъ возобновляемой церкви Благовѣщенія, внезапно раздалось тихое пѣніе; — пѣли тропарь Алексію, великому заступнику земли Русской, державшему кормило не только Церкви, но и царства, который, щитомъ вѣры отражалъ Орду и умирялъ Князей, руководя юнаго Димитрія до славнаго имени Донскаго.

ДОНСКОЙ И ДАНИЛОВЪ.

Съ Донской обители началось обозрѣніе. Митрополитъ Филаретъ, встрѣтивъ Великаго Князя, повелъ съ духовнымъ торжествомъ въ соборный храмъ Донскія Богоматери. Тамъ, предъ ея чудотворною иконою, разсказалъ онъ о избавленіи столицы отъ Хана Крымскаго Казы Гирея: какъ прибѣгалъ къ покрову Владычицы благочестивый Царь Ѳеодоръ Іоанновичь; какъ обносили по стѣнамъ икону ея, бывшую нѣкогда съ Донскимъ на Куликовомъ полѣ, и поставили въ церкви Преподобнаго Сергія, посреди стана ратныхъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сооруженъ въ послѣдствіи теплый соборъ, и какъ внезапно бѣжали полчища невѣрныхъ. Потомъ обратилъ онъ вниманіе Государя Наслѣдника на красоту большаго собора, воздвигнутаго уже въ позднѣйшія времена Италіянскимъ зодчимъ, по волѣ Царевны Маріи Алексѣевны; ввелъ и во внут-

ренность величественнаго алтаря, и указалъ позади иконостаса хоры, съ коихъ буйная чернь Московская совлекла несчастнаго Архіепископа Амвросія, за то что во время мороваго повѣтрія укрылъ икону отъ стеченія народнаго. Въ теплomъ соборѣ Великій Князь видѣлъ гробъ страдальца и, осмотрѣвъ прочія церкви, поспѣшилъ въ Даниловъ сосѣдній монастырь поклониться нетлѣннымъ останкамъ святаго сына Невскаго. Даніилъ Александровичь, первый Князь Московскій, почиваетъ въ схимѣ на мѣстѣ своего подвига, въ созданной имъ первоначально обители, окруженный вѣковою славою нѣкогда убогаго удѣла, возросшаго въ огромнѣйшее царство. Посѣщеніемъ Александрійскаго дворца, съ его очаровательнымъ Нескучнымъ садомъ, и двухъ больницъ, Князя Голицына и Городской, окончилась сія первая поѣздка, начатая благочестіемъ, заключенная дѣлами милосердія.

СИМОНОВЪ, КРУТИЦЫ И НОВОСПАССКІЙ.

Симоновъ, Крутицы и Новоспасскій монастырь были предметомъ второй. Митрополитъ выѣхалъ на встрѣчу Великому Князю, котораго ожидали изъ села Коломенскаго,

любимаго пребыванія дома Романовыхъ. Тихое, гармоническое пѣніе иноковъ Симоновскихъ раздалось въ древней ихъ соборной церкви Успенія, основанной сыномъ Донскаго. Готическая трапеза Св. Сергія, мѣсто молитвы набожнаго Царя Ѳеодора Алексѣевича, гдѣ устроилъ онъ для себя келліи на время постовъ, привлекла вниманіе Цесаревича. Онъ взошелъ и на его узорочной теремъ насладиться оттолѣ великолѣпнѣйшею картиною: — Москва, его наслѣдіе, лежала вся предъ очами, за излучистымъ теченіемъ рѣки, за веселою зеленью прибрежныхъ луговъ; бѣлый, многоглавый Кремль горѣлъ золотомъ крестовъ своихъ, какъ обширный вѣнецъ, обвивающій древнее чело столицы, которая вся стремилась къ небу своими безчисленными церквами и колокольнями, и въ лучахъ яркаго солнца казалась болѣе селеніемъ горнимъ, нежели земнымъ.

Съ вершины терема указалъ Митрополитъ древнюю церковь Рождества Богоматери, на мѣстѣ первоначальной обители, устроенную съ благословенія Св. Сергія, племянникомъ его Ѳеодоромъ, вѣроятно на память Донской битвы, которая случилась въ сей праздникъ. Тамъ почиваютъ не разлучно два духовные витязя страшнаго побоища Мамаева, оба данные Сергіемъ въ сподвижники Донскому, иноки Пересвѣтъ и Ослябя. Первый изъ нихъ началъ сѣчу единоборствомъ

съ Ордынскимъ исполиномъ и запечатлѣлъ кро-
вію начало освобожденія своей родины. Недале-
ко отъ церкви малый прудъ, подъ сѣнію деревъ,
ископанъ по преданію трудами самаго преподоб-
наго Сергія. Долго восхищался Цесаревичь кра-
сотою видовъ и славою воспоминаній.

Другія воспоминанія ожидали его въ Кру-
тицахъ, древней упраздненной Епархіи Митропо-
литовъ Сарскихъ и Подонскихъ. Сперва посѣтилъ
онъ двухъярусный соборъ, нижняя церковь кое-
го во имя Петра и Павла, освящена еще при
первомъ Князѣ Даніилѣ Московскомъ; верхняя
же Успенская служила сборнымъ мѣстомъ для
защитниковъ отечества 1612 года, когда въ ви-
ду пылающей столицы клялись они, своими ду-
шами, отстоять Русь и выгнать лютыхъ чуже-
земцевъ. Сей древній Архіерейскій домъ, куда
переведены были Іоанномъ III Епископы Сарая,
ослабѣвшей столицы Хановъ, сдѣлался каѳедрою
Намѣстниковъ Патріаршихъ, Митрополитовъ Кру-
тицкихъ. Когда же послѣ Патріаршества образо-
валась отдѣльная эпархія Московская, а мѣсто
Крутицкой заступили сперва Сѣвская, потомъ
Калужская, тогда опустѣлъ и старинный домъ
Митрополитовъ; но всѣ церкви сохранялись до
нашествія Французовъ. Движимый ревностію къ
священной старинѣ, Великій Князь не укло-
нился посѣтить упраздненную домовую церковь
Архіереевъ, во имя Воскресенія Христова съ

придѣломъ Николая Чудотворца, гдѣ изсѣчены были на стѣнахъ имена почивающихъ тутъ Святителей, и тогда же изъявилъ желаніе видѣть ее возобновленною.

Малое пространство отдѣляетъ отъ Крутицъ монастырь Новоспасскій; толпа народа шумными кликами привѣтствовала потомка Романовыхъ предъ вратами обители, которую предки ихъ избрали себѣ для вѣчнаго покоя. Слѣдуя за крестнымъ ходомъ, Великій Князь вступилъ на соборную паперть и надъ его главою развилось родословное древо Князей Русскихъ начертанное вдоль всего свода. Мысль богатая: святые Владиміръ и Ольга поливаютъ въ купели насажденное древо, изъ корня коего роскошно вырастаетъ Ярославъ великій сѡ всѣмъ своимъ потомствомъ. Медленно подвигался Цесаревичъ подъ сѣнію своихъ предковъ внутрь храма, какъ бы достигая, на концѣ сей длинной родословной цѣпи, того свѣтлаго звѣна, которое ему было предназначено.

Въ тепломъ соборѣ Покрова Богоматери, предъ чудотворною иконою Спаса Хлыновскаго, принесенною изъ Вятки, Митрополитъ расказалъ еще недавнее чудо, случившееся во время Московскаго пожара, когда пламя не перешло за черту шествія сей иконы поперегъ пепелища. Онъ указалъ на ризу ея, только до половины похищенную Французами, въ знаменіе того, что

Провидѣніе за грѣхи наши, попустивъ святотатство, удержало самихъ святотатцевъ. Великій Князь, внимая рѣчамъ Преосвященнаго Филарета, напомнилъ самъ, что и въ Успенскомъ соборѣ повторилось тоже чудо надъ серебреною ракою Святителя Іоны, коего мощи остались неприкосновенными посреди общаго разоренія.

Холодный Спасскій соборъ сего замѣчательнаго монастыря, основаннаго Іоанномъ III въ годъ избавленія отъ Татаръ, возобновлялся при посѣщеніи Государя Наслѣдника; съ любопытствомъ разсматривалъ онъ на стѣнахъ алтаря портреты десяти Патріарховъ нашихъ, въ особенности же портретъ родоначальника Святѣйшаго Филарета, и взошелъ въ ризницу, хранящую благочестивые дары его предковъ. Три монастыря, которые постепенно посѣтилъ онъ въ теченіе одного утра, хронологически ознаменовали свержение ига Монгольскаго: — Симоновъ побоище Мамая, Крутицы упадокъ Орды, Новоспасскій совершенное освобожденіе.

Сходя съ паперти соборной, Его Высочество увидѣлъ на основаніи столбовъ ея изображеніе Омира, Орфея, Платона и другихъ поетовъ и философовъ Греціи, и пожелалъ знать причину страннаго ихъ появленія у входа въ Христіанскую святыню. «Отцы наши, отвѣчалъ Митрополитъ, хотѣли тѣмъ выразить, что никогда языческая мудрость не восходила выше

нижнихъ ступеней Христіанскаго храма.» Подъ мрачными сводами собора открылось умилительное зрѣлище: Архимандритъ обители, въ полномъ облаченіи со свѣчею въ рукѣ, водилъ юнаго Романова по гробницамъ его предковъ, расположенныхъ въ томъ родословномъ порядкѣ, въ какомъ отходилъ къ покою именитый домъ сей, постепенно принимавшій названіе отъ дѣда, по обычаю того времени, сперва Захарьиныхъ, потомъ Юрьевыхъ, наконецъ Романовыхъ, доколѣ не утвердился царственно на этомъ славномъ имени. Великая инокиня Марѳа, посестрія, т. е. бывшая супруга Патріарха Филарета, съ малолѣтными дѣтьми своими заключаетъ въ Новоспасскомъ родовую усыпальницу Романовыхъ, которая въ одномъ ея семействѣ раздѣлилась на три храма: она съ младенцами по древней памяти боярства осталась въ обители, Патріархъ Филаретъ святительски опочилъ въ Успенскомъ соборѣ, а сынъ его началъ новую царственную скрижаль въ Архангельскомъ соборѣ.

Хотя я описываю только посѣщеніе обителей, не могу однакоже умолчать о праздникѣ, данномъ Его Высочеству Княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Голицынымъ въ Подмосковномъ селѣ его Влахернскомъ. Не стану говорить о радушномъ угощеніи хозяина, въ которомъ сохранился образецъ родовыхъ вельможъ нашихъ: пышность торжества соотвѣтствовала высокому

назначенію; но видѣть Москву почти опустѣвшую для сего праздника, болѣе десяти тысячь экипажей, тѣснящихся по дорогѣ на разстояніи осьми верстъ, и толпы народа, наполняющія весь обширный садъ, и въ темнотѣ вечера слышать одно необъятное ура, вытекающее изъ всѣхъ его клумбъ, — вотъ что было по истинѣ трогательно. Русской бояринъ давалъ пиръ Русскому Наслѣднику, а незванная Москва собралась въ гости къ доброму хозяину и сдѣлала частное его веселіе общенародным.

НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

30 Іюля опредѣлено было для посѣщенія обители Воскресенской, и дорога къ ней пролегала мимо села Тушина, гдѣ такъ долго держался второй Лжедимитрій, устрашая столицу именемъ Тушинскаго вора; немного далѣе лежитъ другое историческое село Чернево, Никоновъ Назаретъ, гдѣ Патріархъ вынужденъ былъ отдать посохъ святаго Петра, взятый имъ изъ собора Успенскаго, въ послѣдній таинственный приходъ свой, и гдѣ въ скоромъ времени услышалъ онъ третій зовъ на судъ Вселенскихъ Патріарховъ. Братія основанной имъ обители торжественно приняла, во святыхъ вратахъ Элеонскихъ, высокаго Посѣтителя, идущаго въ ихъ Іерусалимъ.

Уединенно стоялъ я въ пещерѣ святаго Гроба, когда Великій Князь, отслушавъ многолѣтіе посреди храма Воскресенія, взошелъ на колѣняхъ, сквозь низкое отверстіе, во внутренность вертепа. Съ благоговѣніемъ простерся онъ предъ подобіемъ той гробницы, которая, по выраженію Шатобріана, одна только изъ всѣхъ гробницъ, никого не отдастъ изъ нѣдръ своихъ въ послѣдній день. — Бездна божественныхъ воспоминаній, необычайность самаго вертепа поразили Царственнаго поклонника. Видя его простертаго на молитвѣ предъ священнымъ гробомъ, помыслилъ я о державныхъ богомольцахъ Запада и Востока, приходившихъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, разрѣшать свои обѣты въ святилищѣ Іерусалимскомъ, и весь исполнился минувшаго. На гробовой плитѣ лежала перламутровая раковина, съ изображеніемъ Рождества Спасителя и поклоненія Пастырей и Волхвовъ; — я предложилъ пришедшему, подобно имъ, на поклоненіе Христу Богу, взять съ подобія Христова ложа сію икону, принесенную отъ самаго гроба Господня, какъ память и благословеніе Святой земли.

Его Высочеству угодно было, по выходѣ изъ пещеры, отдохнуть нѣсколько въ келліяхъ настоятельскихъ, чтобы тѣмъ временемъ

дать разойтись народу изъ храма. Пользуясь симъ краткимъ отдыхомъ, показалъ я Цесаревичу планы обоихъ Іерусалимовъ, почти совершенно сходные между собою, и сказалъ нѣсколько словъ о начальномъ устроеніи обители Патріархомъ Никономъ. Рѣчь зашла о Востокѣ, Царьградѣ и Св. Софіи; Жуковскому хотѣлось, чтобы Его Высочество слышалъ одно преданіе, подъ названіемъ Цареградская обѣдня: какъ въ самый часъ завоеванія Константинополя, Патріархъ совершалъ литургію соборно въ храмѣ Софійскомъ, какъ заключился алтарь предъ толпою невѣрныхъ, ворвавшихся въ святилище, и какъ продолжается донынѣ сія таинственная служба до завѣтнаго дня освобожденія. Преданія простонародныя о пришествіи Сѣверныхъ людей для избавленія Царяграда и Святаго града, такъ вкоренены на Востокѣ, что ими объясняютъ тамъ всегдашнее заключеніе златыхъ воротъ Константиновыхъ и вербныхъ Спасителя, которыя даже закладены камнемъ.

Прошедши бѣгло соборъ Виѳлеема и его исподнія церкви, только именемъ напоминающія Палестинскія, Его Высочеству угодно было идти сперва въ Никоновъ скитъ, чтобы ознакомиться тамъ съ оригинальнымъ характеромъ человѣка, которому пришло на мысль создать въ своемъ отечествѣ свой Іерусалимъ. Мы спустились изъ Западныхъ воротъ обители, по

каменному крыльцу; въ долину на берегъ Истры; малая густая роща осѣняла живописную покатость. Іосафатовою зовется долина, потому что вдоль ея ископанъ Никономъ Кедронскій потокъ, для большаго подобія, хотя самая мѣстность не похожа здѣсь на Іерусалимскую: Кедронъ долженъ протекать съ запада, а не съ востока, и гористое положеніе Воскресенской обители болѣе напоминаетъ съ сей стороны храмъ Соломоновъ на высотахъ Моріи, нежели храмъ Св. Гроба, находящійся внутри города.

Скитъ Никона стоитъ уединенно посреди долины. Тамъ, по подобію древнихъ скитниковъ Сиріи, искалъ онъ безмолвія во время строенія храма, и провелъ восемь лѣтъ въ своенравноиъ заключеніи, которое сдѣлало столько вреда ему лично и самой Церкви, прежде заточенія его на Бѣломъ озерѣ. Сперва взошелъ Великій Князь въ подземную часть страннаго столпа, гдѣ были келліи послушниковъ, кухня, кладовая, все на пространствѣ не болѣе трехъ квадратныхъ сажень; узкая высокая лѣстница, по коей весьма трудно было подыматься и еще труднѣе спускаться, привела въ три жилыя келліи самаго Патріарха, тогоже размѣра; еще выше находилась его молельня и церковь Богоявленія, гдѣ онъ ежедневно совершалъ литургію, какъ простой пресвитеръ. Великій Князь удивлялся тѣснотѣ церкви и келлій, тѣмъ болѣе, что Никонъ,

судя по описаніямъ и портретамъ, былъ очень высокаго роста; тутъ же и самая трапеза, бывшая вмѣстѣ письменною келліею, съ его современнымъ портретомъ и дубовымъ столомъ, на коемъ онъ занимался. Я расказалъ видѣніе, которое имѣлъ на этомъ мѣстѣ Никонъ, своеручно имъ изложенное въ письмѣ къ Царю Алексѣю Михайловичу; оно хранится въ Патріаршей бібліотекѣ.

Послѣ долгаго бдѣнія и поста, Патріархъ впалъ въ тонкое дреманіе и ему мечталось быть въ Успенскомъ соборѣ. Вотъ онъ въ сонмѣ усопшихъ Святителей, которые всѣ стоятъ вокругъ стѣнъ, каждый у своего гроба, въ свѣтлой одеждѣ; одинъ же благолѣпный старецъ ходитъ около съ хартіею въ рукахъ и отбираетъ у всѣхъ руки. Изумленный Никонъ спросилъ его: что творитъ соборъ сей? и услышалъ въ отвѣтъ: избираемъ паки святѣйшаго Никона на престолъ Патріаршій. — Ты же подписался ли? дерзнулъ опять спросить его Никонъ, и старецъ развернулъ предъ нимъ хартію; а на ней подпись: смиренный Іона Митрополитъ: — это былъ самъ чудотворецъ. Въ ужасѣ приступилъ Патріархъ къ своему мѣсту, — на немъ стоитъ другой святый мужъ, Петръ Митрополитъ; — Никонъ проснулся.

Для памяти посѣщенія, Его Высочеству угодно было начертать на стѣнѣ имя свое подъ

портретомъ Никона. Еще выше тѣснѣйшая церковь верховныхъ Апостолъ и короткое каменное ложе Патріарха, въ его лѣтнемъ теремѣ, обратили вниманіе Великаго Князя. Съ вершины пустыннаго столпа я сталъ называть ему живописную окрестность именами Палестинскими, какія далъ имъ чудный отшельникъ: Ѳаворъ и Эрмонъ, Рама и Элеонъ и село Скудельничье, обозначили вокругъ священный горизонтъ, и своенравная воля Никона какъ будто вдвинула, въ предѣлы нашего отечества, цѣлый участокъ земли обѣтованной.

Возвратясь въ храмъ Воскресенія, мы взошли опять въ гробовую пещеру. Великій Князь, услышавъ что въ Іерусалимѣ стѣны ея обложены мраморомъ и что тридцать шесть лампадъ, даянія по большей части царственныя, горятъ надъ Св. гробомъ, изъявилъ желаніе украсить мраморомъ священную храмину и обѣщалъ отъ себя лампаду.

Оттолѣ поднялись на хоры; съ царской арки восхищался Государь Наслѣдникъ стройною красотою зодчества, при разнообразіи частей храма. Трогательныя минуты ожидали насъ въ сосѣднемъ придѣлѣ Св. Александра Невскаго, устроенномъ по усердію Государя Императора, въ годъ рожденія своего первенца. Жуковскій снялъ со стѣны рескриптъ, на имя Архіепископа Августина и подалъ Великому Князю,

который прочелъ въ слухъ радостную вѣсть о своемъ рожденіи и чувства благодарности Августѣйшаго родителя Богу, сохранившему мать и младенца; — а сей младенецъ уже стоялъ предъ нами величественнымъ юношею; онъ нѣжно обнялъ своего добраго наставника, и написавъ на оборотѣ рескрипта имя свое, обѣщалъ также лампаду къ иконѣ Невскаго.

Многочисленныя церкви на хорахъ, библіотека съ нѣкоторыми древними рукописями, изъ коихъ немногія однакоже восходятъ далѣе временъ Никона, портретъ его, писанный во весь ростъ, въ кругу учениковъ, попеременно привлекали взоры Его Высочества, и онъ сожалѣлъ, что время и сырость истребляютъ краски сего портрета. Открыли ризницу, наполненную по большей части воспоминаніями одного Патріарха, его утварью домовою и служебною; модели Іерусалимскаго и Виѳлеемскаго соборовъ въ особенности были любопытны. Тамъ же хранятся панагія и сосуды, пожертвованные Государемъ Императоромъ при сооруженіи придѣла Невскаго. Такимъ образомъ память о своемъ благословенномъ рожденіи повсюду сопутствовала Цесаревичу, посреди возвышенныхъ воспоминаній о новой жизни, даруемой намъ чрезъ воскресеніе Христово.

Когда спустились съ хоровъ, я продолжалъ сравнивать Его Высочеству оба Іерусалима и

постепенно указывалъ гробы Іосифа и Никодима, мѣсто гдѣ явился Спаситель Магдалинѣ, обращенное въ церковь благочестіемъ Императрицы Маріи, Геѳсиманію съ темницею и придѣлы: Лонгина Сотника, раздѣленія ризъ и тернова венца. Мы сошли и въ подземную церковь Царицы Елены. Государь Наслѣдникъ сѣлъ на ея каменное мѣсто у того окна, отколѣ смотрѣла она въ Іерусалимѣ, какъ отрывали залогъ искупленія, и я мысленно пожелалъ ему той радости, какую чувствовала Елена, когда обрѣла честный крестъ. У колодца обрѣтенія, на самой оконечности храма, Цесаревичь еще однажды желалъ знать, все ли это подземелье подобно Іерусалимскому и услышалъ что все такъ, изключая колодца, котораго тамъ нѣтъ.

Величественно представился взорамъ алтарь главнаго Воскресенскаго храма, съ пятью Патріаршими мѣстами и семиярусными хорами, на память Вселенскихъ соборовъ. Я объяснилъ, по древнему чиноположенію, мѣста занимаемыя Восточною Іерархіею, во время общихъ совѣщаній или богослуженія: каѳедра Константинопольскаго Патріарха, какъ старшаго Архіерея, на срединѣ; по сторонамъ ея стоятъ: направо каѳедра Александріискаго, налѣво Антіохійскаго; а мѣста Іерусалимскаго и Московскаго, какъ младшихъ, по краямъ. Великому Князю понравилась глубокая мысль древле совершавшагося обряда, когда

постепенно восходили пѣвчіе на вершину хоровъ алтаря, по-мѣрѣ возрастающей важности литургіи, и самъ онъ какъ бы подражая сему таинственному восходу, Голгоѳою заключилъ обозрѣніе храма, поднявшись на нее изъ алтаря, скорбнымъ путемъ Спасителя.

Тамъ съ чувствами благочестиваго любопытства Государь Наслѣдникъ распрашивалъ о священной мѣстности Голгоѳы: таковъ ли скорбный путь на нее въ Іерусалимѣ? и какъ обсѣчена тамъ скала? и гдѣ самое мѣсто водруженія креста? и какимъ образомъ спускаютъ здѣсь и тамъ плащаницу съ Голгоѳы, подражая снятію со креста божественнаго тѣла? — Въ сихъ живыхъ вопросахъ сіяла чистая, пламенная любовь къ Искупителю, и утѣшительно было удовлетворять имъ, бесѣдовать о событіяхъ Голгоѳы съ тѣмъ, кто глубоко проникнутъ былъ ея воспоминаніями. Еще умилительнѣе было видѣть Великаго Князя, приникшаго челомъ къ самому отверстію камня, гдѣ нѣкогда водруженъ въ Іерусалимѣ залогъ нашего спасенія; подобіе сего великаго креста осѣнило здѣсь, во всю высоту свою, смиренно припавшаго къ его подножію.

Наконецъ мы сошли съ Голгоѳы въ то подземелье, гдѣ, по преданіямъ Палестинскимъ, выпала изъ разсѣлины глава искупленнаго Адама, гдѣ воздвигнутъ алтарь Предтечи, послѣдняго Пророка о грядущемъ Христѣ, и гдѣ гробница

Мелхиседека, бывшаго образомъ Христовымъ. Въ Палестинѣ два царственные витязя лежатъ на стражѣ сего подземнаго храма, освобожденнаго ими, Готфридъ и Балдуинъ; а здѣсь избралъ себѣ вѣчный пріютъ основатель Никонъ. Его желѣзныя вериги зазвенѣли надъ гробомъ въ Царственной рукѣ, которая хотѣла ихъ взвѣсить.

Соборная молитва предъ дверьми Св. гроба опять привлекла къ нему всѣ мысли и чувства. Великому Князю угодно было слышать воскресные гимны торжественнаго молебна, который совершается такимъ образомъ только въ обоихъ Іерусалимахъ; — запѣли канонъ Пасхи, какъ на свѣтлой утренни, и отрадно раздавалось подъ сводами храма, въ виду упраздненнаго гроба: « Христосъ воскресе! »

САВВИНЪ МОНАСТЫРЬ.

За двадцать верстъ отъ Новаго Іерусалима, обитель Св. Саввы Звѣнигородскаго приняла Государя Наслѣдника въ свою древнюю ограду. Ученикъ и собесѣдникъ Св. Сергія, Савва пришелъ уединиться на живописныхъ высотахъ Москвы рѣки, и сынъ Донскаго Юрій упросилъ его основать обитель на Сторожевской горѣ, гдѣ стояла стража отъ набѣговъ. Иноки замѣнили воиновъ, и съ тѣхъ поръ мѣсто сіе было предметомъ набожныхъ странствій Великихъ Князей Московскихъ. Царь Алексѣй Михайловичь избралъ его своимъ любимымъ лѣтнимъ пріютомъ, и устроивъ палаты, часто отдыхалъ тамъ отъ соколиной охоты, которой благопріятствовала окрестность. Въ стѣнахъ той же обители искала безопасности, при началѣ Стрѣлецкихъ бунтовъ,

Царевна Софія съ малолѣтными братьями, и памятникомъ ея усердія осталась величественная трапеза теплаго Преображенскаго собора.

Великій Князь, поклонясь мощамъ пустыннаго основателя, который почиваетъ въ соборѣ Рождества Божіей Матери, созданномъ по подобію Троицкой лавры, взошелъ отдохнуть въ жилище своего предка и полюбопытствовалъ видѣть его домашнюю утварь: двое ветхихъ креселъ стояли въ пріемной залѣ, а дубовая кровать Царя въ одномъ изъ отдаленныхъ покоевъ. Съ балкона любовался Великій Князь живописнымъ теченіемъ Москвы рѣки, по глубокой цвѣтущей долинѣ, оживленной селами и стадами, осѣненной рощами на прибрежныхъ высотахъ. Мѣстоположеніе Саввина монастыря одно изъ самыхъ привлекательныхъ. Отцы пустынные, удаляясь отъ сожительства людей для созерцанія Бога, всегда избирали себѣ очаровательное уединеніе, чтобы душа ихъ, самою красотою природы, естественно была расположена къ прославленію Творца.

Посѣщеніемъ Петровскаго села Князя Голицына и Архангельскаго Князя Юсупова окончилась сія замѣчательная поѣздка. Прелестная дорога довольно долго пролегала берегомъ Москвы рѣки, и всякой разъ какъ мы встрѣчались съ нею, она насъ дарила однимъ изъ своихъ очаровательныхъ видовъ.

ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА.

1-го Августа, въ праздникъ Всемилостиваго Спаса и на память двойной побѣды Царя Греческаго Мануила и В. Князя Андрея Боголюбскаго, совершался по обычаю крестный ходъ на воду изъ Успенскаго собора. Государь Наслѣдникъ шествовалъ за Митрополитомъ; до пятисотъ духовныхъ лицъ, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, стояли по сторонамъ широкаго спуска и подъ сводами Тайницкихъ воротъ до берега рѣки; безчисленный народъ унизывалъ собою древнія стѣны и башни Кремля, и зеленая покатость горы казалась испещреннымъ цвѣтникомъ; самый Іорданъ, устроенный на рѣкѣ, пошатнулся отъ множества причалившихъ къ нему лодокъ; таково было усердіе къ святынѣ

и къ Царственной особѣ, раздѣлявшей сіе народное моленіе, и воздухъ дрогнулъ отъ рева колоколовъ, вторившихъ, при погруженіи креста, церковной пѣсни о спасеніи людей и дарованіи побѣдъ Императору.

Возвратившись съ крестнымъ ходомъ до палатъ Кремлевскихъ, Государь Наслѣдникъ поднялся по ступенямъ Краснаго крыльца, подъ сѣнію щитовъ, которые держали стрегущіе львы Іоанна III-го, и взошелъ въ Грановитую палату сего Государя. Она горѣла багрянцемъ тканей на стѣнахъ, своды ея поддерживалъ одинъ столбъ по срединѣ, обставленный кубками, блюдами и сосудами минувшихъ пиршествъ сего чертога; въ красномъ углу стояло древнее царское мѣсто дома Рюрика и дома Романовыхъ: — столько воспоминаній ввелъ съ собою Великій Князь въ уединенную палату, что на одно мгновеніе она, казалось, вся исполнилась минувшаго, и впечатлѣніе еще усилилось, когда при нечаяномъ появленіи Цесаревича у окна, внезапно откликнулась вся площадь Кремлевская, необъятнымъ гласомъ народа, на легкое склоненіе его главы.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Слѣдующій день былъ весь посвященъ Троицкой лаврѣ. Во Святыхъ вратахъ ея, чрезъ которыя со временъ Донскаго, въ теченіи болѣе четырехъ вѣковъ, всѣ Князья и Княгини наши, удѣльные и великіе, Цари и Царицы, Императоры и Императрицы, одинъ за другимъ, приходили поклониться своему заступнику Сергію,— въ сихъ вратахъ сидѣлъ Митрополитъ Московскій, въ великолѣпнѣйшемъ облаченіи, усыпанномъ жемчугомъ по багрянцу, въ митрѣ горящей каменьями: такое пышное достояніе оставилъ убогій Сергій своему намѣстнику, вмѣстѣ съ своею крашенинною ризою. Вокругъ Митрополита стояли четыре Архимандрита и весь духовный соборъ лавры, въ богатѣйшихъ ризахъ, съ кадилами и свѣчами, и вся братія въ мантіяхъ

тянулась за ними, долгимъ рядомъ, по густой аллеи развѣсистыхъ липъ. Звонъ колокола возвѣстилъ, что Наслѣдникъ столькихъ Царей идетъ въ свою очередь воздать долгъ благодарности Св. Угоднику.

Внявъ привѣтственной рѣчи Митрополита, онъ вступилъ въ священную ограду, гдѣ нѣкогда Димитрій искалъ ободренія къ Донской битвѣ и укрывался внукъ его Темный, гдѣ супруга Іоанна III, Греческая Царевна Софія, испросила наслѣдника себѣ и Россіи, гдѣ крещенъ былъ Грозный и положенъ при рожденіи въ раку Сергія, и молился у нее на пути въ Казань и изъ Казани, гдѣ спаслась Россія во время Самозванцевъ, гдѣ юный Михаилъ, руководимый Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Палицынымъ, благословенъ на царство, и гдѣ скрылся отъ мятежей Стрѣлецкихъ внукъ его Петръ. По слѣдамъ ихъ шелъ Цесаревичь припасть къ чудотворной ракѣ благодѣтеля земли Русской, который, соорудивъ свою обитель, какъ нѣкій щитъ для охраненія еще юной тогда столицы, самъ возлегъ на вѣчную стражу. Божественная литургія, со всевозможнымъ торжествомъ, совершилась въ Троицкомъ соборѣ, и еще однѣ царственныя молитвы потекли въ сіе давнее ихъ хранилище.

Келліи Митрополита, гдѣ прежде всегда останавливались державные богомольцы, были

приготовлены для Его Высочества, которому понравилось ихъ готическое убранство; между многими портретами Царей особенно показался замѣчателенъ портретъ Грознаго. Въ обители Саввинской онъ изображенъ въ благолѣпномъ возрастѣ мужества; здѣсь же съ мрачнымъ выраженіемъ временъ Опричины: борода рѣдкая, сѣдая, глаза яростные, всѣ черты напряжены страстію; судя по живописи можно полагать портретъ почти современнымъ. Великій Князь смотрѣлъ на него съ большимъ вниманіемъ, покамѣстъ Жуковскій повѣрялъ на лицѣ Іоанна незабвенныя строки Карамзина о ужасномъ видѣ Царя, возвратившагося изъ Александровской слободы.

Послѣ краткаго отдыха, Митрополитъ предложилъ идти осматривать святыню и древность. Съ бывшей келліи Преподобнаго, нынѣ обращенной въ каменную палатку при соборѣ, началось сіе лѣтописное обозрѣніе, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалось или святое имя, или славное событіе. Предъ богатою иконою явленія Божіей матери Сергію, объяснилъ Митрополитъ сіе утѣшительное видѣніе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно происходило. Онъ указалъ на священныя гробницы Митрополита всея Россіи Іоасафа и Архіепископа Новгородскаго Серапіона, и подведя Государя Наслѣдника ко гробу великаго мужа Церкви, Архимандрита Діонисія, помянулъ

подвиги за вѣру и отечество сего перваго избирателя Романовыхъ. Признательное сердце ихъ потомка не могло забыть въ такую минуту и славнаго Келаря, сподвижника Діонисіева: « гдѣ же Аврамій? » спросилъ онъ съ участіемъ, какъ будто о живомъ, и казалось сей безсмертный готовъ былъ отозваться на голосъ юнаго Романова, какъ отзывался нѣкогда юному Михаилу, когда умолялъ его на царство. Митрополитъ, въ званіи Архимандрита лавры, тихо отвѣчалъ за своего Келаря: « погребенъ въ Соловецкомъ на своемъ обѣщаніи. »

Посреди Троицкаго собора, великолѣпіе раки и иконостаса, и внутреннее убранство алтаря поразили удивленіемъ взоры. Даянія Грознаго и Годунова, Царей Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, сіяли золотомъ и каменьями на древнихъ иконахъ Св. Троицы, Спасителя и Богоматери, и массою металла изумляли двѣ серебреныя сѣни надъ ракою и надъ престоломъ и висящій на сводѣ хоросъ. Все это вручено Сергію и имъ сохранено сквозь рядъ столѣтій, коихъ частыя бѣдствія не дерзнули коснуться его лавры.

Съ книгою Авраміева сказанія въ рукахъ, Митрополитъ расказывалъ Великому Князю, какъ во время осады Литовской влетѣло ядро въ окно алтарное и пробивъ иконостасъ, ударило въ образъ Архангела Михаила, отразилось въ лѣвый столпъ, отъ него въ подсвѣчникъ предъ

образомъ Св. Троицы, и пало безъ вреда на помостъ, поливаемый слезами осажденнаго народа, и какъ въ ту же минуту другое ядро пробивъ южныя желѣзныя врата, гдѣ на вѣки оставило славную язву, поразило въ иконостасѣ образъ чудотворца Николая и за нимъ изчезло. Онъ указалъ и самый образъ, поставленный въ трапезѣ соборной; поверхъ плеча Святителя есть круглое отверстіе. Казалось, Чудотворецъ и Архангелъ поборали сами защитникамъ лавры, ибо въ сей роковой часъ Архимандритъ Іоасафъ, стоя на своемъ мѣстѣ въ церкви, впалъ въ нѣкое забвеніе и увидѣлъ предъ собою свѣтлаго Архангела., обѣщающаго ему пораженіе враговъ, не пощадившихъ его иконы. Съ такимъ духовнымъ подкрѣпленіемъ можно было полтора года отражать осаду и выйти побѣдителями изъ смутъ междуцарствія.

Открылась богатѣйшая ризница; всю ее отдавалъ нѣкогда Аврамій войску Донскому, чтобы только спасти пылающую столицу, и не приняли Казаки великодушной жертвы; и такъ это цѣна искупленной ихъ кровію Москвы! Множество и разнообразіе предметовъ, самое усердіе державныхъ вкладчиковъ было невольною причиною бѣглаго ихъ обзора. Имена великія сыпались мимолетомъ, какъ осыпаются драгоцѣнные камни съ одежды царской, небрежно подбираемые потому, что есть чѣмъ замѣнить ихъ: но

посреди сихъ сокровищъ историческихъ, убогія ризы Сергія и Никона на долго остановили вниманіе, ибо уже не кому надѣвать ихъ. Чтеніе трогательнаго завѣщанія Митрополита Платона заключило осмотръ ризницы, и если оно еще недавнее, то весьма древенъ самый обычай у Митрополитовъ Московскихъ оставлять по себѣ надгробныя завѣщанія, по примѣру Кипріяна, преемника Св. Алексія.

Отъ гробницъ преподобныхъ Никона, ученика Сергіева, и его келейника Михея, Митрополитъ возвелъ Великаго Князя на высокую паперть готической трапезной церкви во имя Святаго, и оттолѣ далъ окинуть взорами всѣ разнородныя зодчества храмовъ, столпившихся въ одно сіе избранное мѣсто. Самая трапеза украшена въ игривомъ готическомъ вкусѣ временъ Алексѣя Михайловича; напротивъ ее величественно подымается Италіянская колокольня Импе-

ратрицы Анны; подлѣ два собора, малый Сошественскій и большой Успенскій, оба строенія Грознаго, во вкусѣ Византійскомъ, но первый выражаетъ поспѣшность признательнаго сердца за взятіе Казани, вторый — медленное величіе Царя, который хочетъ соорудить нѣчто достойное своей славы; наконецъ, въ углу обители, какъ краеугольный камень ея, стоитъ соборъ Троицкій, въ совершенной простотѣ временъ Донскаго, когда еще не строили большихъ храмовъ.

Внутренность трапезной церкви напоминаетъ готическія залы среднихъ вѣковъ и оживляется понынѣ гостепріимными пиршествами, какія даетъ Сергій своимъ поклонникамъ; въ торжественные дни собираются здѣсь въ мантіяхъ Митрополитъ и вся братія, за длинными столами, на коихъ опять являются кубки и чаши минувшихъ столѣтій, и во время громкаго чтенія изъ житія Преподобнаго Сергія, разносятъ по звуку колокола яства и питія; по окончаніи же трапезы Митрополитъ даетъ всѣмъ вкушать отъ просфоры, принесенной въ честь Богоматери, и меда изъ златаго кубка, по древнему обычаю обителей.

Въ нижнемъ ярусѣ сего зданія посѣтилъ Великій Князь странноприимную палату, гдѣ ежедневно питаются всѣ приходящіе убогіе и странники, и на сей разъ былъ самъ ихъ питателемъ, оставивъ щедрую милостыню; рядомъ находилась больница, гдѣ врачествомъ тѣлеснымъ и духовнымъ занимается Намѣстникъ лавры Архимандритъ Антоній.

Потомъ Митрополитъ направилъ путь сквозь Сошественскій соборъ Гознаго, мимо гроба великаго труженика Максима Грека, (столько пострадавшаго за любовь свою къ просвѣщенію), въ холодный Успенскій соборъ, построенный по образцу Московскаго. Тамъ стояли два гроба Королевы и Королевны Ливонской, и Жуковскій

остановилъ мысль Великаго Князя надъ мечтательнымъ титломъ ихъ небывалаго Королевства; услышавъ же, что Годуновъ со всѣмъ своимъ родомъ лежитъ подлѣ собора, поспѣшилъ вести туда Его Высочество. Митрополитъ уже стоялъ около гробницы, и коснувшись посохомъ каменной ея крыши, произнесъ только: «вотъ Годуновъ!» — «Здѣсь Годуновъ!» повторили тихо и громко всѣ окружавшіе и умолкли; — одно его имя выразило все! Страшно разсуждать надъ такимъ усопшимъ, чтобы не предупредить суда Божія или не увлѣчься земною славою.

Академія, съ ея обширными залами, временъ Петровыхъ, и библіотекою, гдѣ хранятся нѣкоторыя древнія рукописи, заняли Его Высочество предъ поѣздкою въ Виѳанію, а въ сей обители привлекла вниманіе странная гора Ѳаворская внутри церкви Преображенія. Онъ взошелъ по тропинкѣ, усѣянной цвѣтами, на ея вершину, и въ алтарѣ осматривалъ съ участіемъ домашнюю икону нещастнаго Людовика XVI. Подъ Ѳаворомъ въ самой Виѳаніи покоится основатель Платонъ; въ той же нижней церкви Великій Князь съ умиленіемъ приложился къ дубовой ракѣ, въ которой обрѣтены были мощи преподобнаго Сергія, и Архимандритъ, отрѣзавъ кусокъ древа отъ раки, поднесъ Его Высочеству для сдѣланія креста. Потомъ, отъ мѣста

вѣчнаго покоя Платонова, Цесаревичь перешелъ въ послѣднее его на землѣ жилище, въ сельскій Виѳанскій домикъ, и съ любопытствомъ наблюдалъ оригинальныя идеи сего замѣчательнаго пастыря, проглядывавшія во всѣхъ предметахъ, коими онъ окружалъ себя.

По возвращеніи въ лавру обѣденный столъ былъ уже изготовленъ въ келліяхъ Митрополита. Государь Наслѣдникъ никакъ не согласился сѣсть на высокія кресла, для него поставленныя, и принудилъ Пр. Филарета занять ихъ въ качествѣ хозяина. Подлѣ Великаго Князя сѣлъ Намѣстникъ Антоній, напротивъ Ректоръ Академіи Архимандритъ Филаретъ; эта трапеза въ готической келліи напоминала прежнія времена лавры.

Послѣ обѣда Жуковскій вывелъ меня на терасу архіерейскаго дома и просилъ описать ему исторически прекрасную окрестность, но вышедшій къ намъ Митрополитъ прервалъ расказъ мой. « Въ вашемъ описаніи Троицкой лавры, сказалъ онъ, невѣрно указано то, что на мѣстѣ должно быть пояснено изъ сказанія самаго Палицына объ осадѣ, и надобно съ вами поспорить, чтобы не ввести въ заблужденіе Василія Андреевича. »

Я просилъ Преосвященнаго исправить мои погрѣшности и онъ продолжалъ: « башня, что подлѣ насъ, которую вы называете Водяною,

извѣстна болѣе подъ именемъ Соляной, отъ хранившейся въ ней соли, хотя впрочемъ и первое названіе можетъ быть справедливо отъ сосѣднихъ Водяныхъ воротъ. Но настоящая Водяная башня должна быть между Красною и Святыми вратами; она такъ елыла отъ водопроводныхъ трубъ, которыя сообщали чрезъ нее воду, изъ внѣшняго Бѣлаго пруда, что теперь за гостинницей, въ малый прудъ внутри ограды, не давно засыпанный; онъ находился противъ Келарскихъ келлій и назывался Писаревскимъ, вмѣстѣ съ окружавшимъ его садомъ. А келліи сіи стояли тамъ, гдѣ теперь живутъ студенты Академіи, вдоль восточной ограды. Слѣды водопровода примѣтны въ томъ, что весь грунтъ сдѣлался сыръ, когда засыпали прудъ, безъ сомнѣнія отъ не совсѣмъ зарытыхъ водяныхъ трубъ. »

Я молчалъ, какъ ученикъ застигнутый въ минуту проступка, и думалъ только какъ бы вывести другихъ изъ своей погрѣшности.

« Но главная ваша ошибка, продолжалъ Митрополитъ, на Красной горѣ; вы полагаете ее съ запада, когда напротивъ она съ востока, и самая площадь предъ Св. вратами до нынѣ такъ называетея. Я долженъ коснуться дѣла, которое не моего суда, но судите о моихъ замѣчаніяхъ вы знающіе. Окиньте военнымъ взоромъ окрестность и скажите, могли ли быть сильнѣйшіе приступы съ той стороны, гдѣ оврагъ и ручей?

Западная сторона лавры почти совсѣмъ неприступна, а если Лисовскій и стоялъ на южныхъ высотахъ, то потому что здѣсь шла дорога въ Москву, отъ коей онъ хотѣлъ отрѣзать лавру, и можетъ быть потому, что съ сей стороны удобнѣе было дѣйствовать артиллеріею на внутренность лавры, чрезъ ограду стоящую въ полугорѣ, и даже почти подъ горою. »

Но гдѣ же былъ станъ Гетмана Сапеги, спросилъ я ?

« Вѣроятно также за рѣчькою Кончурою, на юговостокъ отъ лавры, чрезъ что оба стана могли быть въ связи ; и Терентьевская роща могла прикрывать переходъ войска чрезъ оврагъ на Красную гору, гдѣ поставлены были туры ; тамъ ровная и высокая мѣстность давала удобство приступамъ, потому что только узкій, камнемъ обложенный ровъ, теперь засыпанный для прочности стѣнъ, отдѣлялъ осаждающихъ отъ самой ограды. Изъ Терентьевской рощи, подъ склономъ Красной горы, можно было непримѣтно для осаждающихъ вести подкопъ подъ угловую юговосточную башню, называемую Круглою или Пятницкою ; не давно найденъ подъ нею тайный выходъ. Осажденные такъ боялись подкопа, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ монастырское зданіе, они насыпали поперегъ угла ограды высокій валъ, за коимъ думали укрыться, если взорвутъ башню. Еще недавно

я велѣлъ уничтожить крытый ходъ, простиравшійся во всю длину южной ограды, потому что сводъ его, осыпаясь, угрожалъ теперь основанію сосѣдней трапезной церкви, которая во время осады еще не существовала; тутъ хранились снаряды и приготовлялись вылазки, а внѣшнія стѣны, кромѣ восточной, были окружены прудами, какъ теперь западная ограда. »

Мы остались весьма довольны симъ объясненіемъ, которое такъ живо представляло намъ знаменитую осаду, и кто лучше могъ разгадать Аврамія, какъ не самъ Настоятель лавры, съ младенчества исполненный ея воспоминаніями.

Тогда Митрополитъ повелъ Государя Наслѣдника по стѣнамъ, отъ Соляной башни вдоль южной ограды и далѣе кругомъ всей обители, расказывая подвиги славной осады на мѣстѣ самыхъ событій. Мы слѣдовали за ними, внимая гдѣ можно отрывкамъ расказа. Народъ, укрываясь въ башняхъ до прихода Великаго Князя, выходилъ къ нему на встрѣчу, или шумною толпою бѣжалъ сзади по широкой оградѣ; но большая часть его наполняла монастырь, и поднявъ глаза и руки къ стѣнамъ, двигалась около по мѣрѣ шествія Цесаревича. Величественно было это медленное шествіе вокругъ лавры по стѣнамъ Грознаго, которыя вновь укрѣплены признательнымъ Михаиломъ, за бѣдствіе долгой осады. Конечно на пути изъ

Ипатіевской обители, онъ также обходилъ ихъ съ Діонисіемъ и Авраміемъ, и также слушалъ о кровавыхъ приступахъ и великодушной защитѣ. Много воспоминаній сего незабвеннаго времени ожило вновь на разстояніи двухъ вѣковъ; даже нѣкоторыя явленія, изъ первыхъ дней царства Романовыхъ, какъ будто повторились предъ нашими глазами въ лицѣ ихъ потомка. На всегда памятно будетъ сердцу это путешествіе въ лавру.

Около келлій Намѣстника Великій Князь спустился съ зубчатыхъ твердынь, чтобы приступить еще однажды къ другой основной твердынѣ земли Русской, къ ракѣ преподобнаго Сергія. Послѣ обозрѣнія всѣхъ отечественныхъ заслугъ его, самъ припадая съ признательною мольбою къ святымъ мощамъ, Великій Князь, казалось, благодарилъ отъ лица всей Россіи ея великаго заступника. Митрополитъ осѣнилъ юную главу иконою явленія Божіей Матери Сергію, клики народа раздались въ южныхъ вратахъ при выходѣ Цесаревича, и густой звонъ колоколовъ исполнилъ древнюю обитель.

День спустя и старый Кремль возрадовался радостію народною. Уже не одинъ Государь Наслѣдникъ, но и Августѣйшая мать его и Царственная сестра, въ полномъ цвѣтѣ не только юнаго возраста, но и той величественной красоты, которая есть исключительная принадлежность

нашего Императорскаго дома, вступали торжественно въ святыню соборовъ; — все близкое сердцу Россіи стекалось опять къ ея сердцу!

СОБОРЪ УСПЕНСКІЙ.

Наканунѣ своего отъѣзда Его Высочеству угодно было посѣтить еще однажды соборъ Успенскій, и потомъ Патріаршую ризницу и дворецъ Теремный съ его церквами, чтобы насытить душу ихъ священною древностію и съ такими впечатлѣніями оставить родную столицу. Рано утромъ въ Воскресенье до обѣдни, Митрополитъ ожидалъ въ храмѣ Великаго Князя; онъ ввелъ его на средину, и сперва, въ безмолвномъ созерцаніи, далъ окинуть свободнымъ окомъ всю Византійскую массу величественнаго зданія, все благолѣпіе украшеній церковныхъ, тогда началъ говорить:

«Прежде всего я скажу Вашему Высочеству что этотъ соборъ, какъ первопрестольный въ Россіи, заключаетъ въ себѣ и полную идею Вселенской Церкви; она является на иконостасѣ, выражена въ куполахъ и на стѣнахъ и въ алтарѣ. Взгляните на верхній ярусъ иконостаса, Вы увидите мысль первоначальной Церкви до закона Моисеева; но вмѣстѣ и связь ея съ новозавѣтною: — рядъ Праотцевъ и Патріарховъ, Адамъ, Сиѳъ, Энохъ, Ной и Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и прочіе, стоятъ по обѣимъ сторонамъ иконы Господа Саваоѳа, который изъ лона своего рождаетъ Предвѣчное Слово. — Ярусомъ ниже изображена Церковь ветхозавѣтная отъ Моисея до Христа, коего была предзнаменованіемъ, и потому на срединѣ икона знаменія Божіей Матери, проявляющей въ лонѣ своемъ Предвѣчнаго младенца, ибо тогда еще не рожденъ былъ на землѣ, а только предсказывали о немъ Пророки, написанные здѣсь по сторонамъ, съ хартіями своихъ пророчествъ въ рукѣ; такимъ образомъ предвѣчное и временное рожденіе Бога Слова изображены глубоко и таинственно. Еще ниже двѣнадцать главныхъ праздниковъ, почерпнутые изъ жизни Христовой и Богоматери: — это повѣсть Евангельская въ лицахъ, исполненіе ожиданія праотцевъ и видѣній пророческихъ. Въ четвертомъ ярусѣ картина собственно Церкви Христіанской, и оттого Спаситель написанъ

посрединѣ сидящимъ на престолѣ, въ образѣ вѣчнаго Архіерея, ходатая о грѣхахъ нашихъ; по сторонамъ же стоятъ пречистая его Матерь и Предтеча, какъ два образца совершенства человѣческаго и ближайшіе заступники наши: одна « честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ, » другой по словамъ самаго Господа « большій изъ всѣхъ рожденныхъ женами; » ихъ молитвенное положеніе называется обыкновенно Деисусомъ, отъ Греческаго слова деисисъ (молитва) и подлѣ нихъ расположены всѣ Апостолы, начиная съ двухъ верховныхъ, какъ проповѣдники ученія Христова и строители его Церкви. Такъ все постепенное ея развитіе начертано отъ верху и до низу, на внутренней стѣнѣ храма, которая замѣнила таинственную завѣсу Соломонова, раздранную въ часъ искупленія. »

« Взгляните надъ нами, въ большомъ куполѣ и во всѣхъ главахъ, изображена отчасти таже мысль: — тамъ Господь Вседержитель окруженъ сперва небесными Силами, потомъ Праотцами, Патріархами, потомъ Пророками и Апостолами, наконецъ лики Мучениковъ и Исповѣдниковъ покрываютъ столбы храма, въ знаменіе, что кровію мучениковъ утвердилась Церковь, и оттого доселѣ кладетъ она мощи ихъ въ основаніе своихъ престоловъ. Кругомъ всѣ стѣны испи-

саны дѣяніями Святыхъ, или притчами Евангель-

скими въ лицахъ. Не многіе знали грамоту, когда началъ строиться храмъ сей, а всѣхъ надобно было учить закону Божію; посему издавна принята была въ церквахъ стѣнная живопись вмѣсто мертвыхъ буквъ, чтобы всякій молящійся Христіанинъ могъ самъ прочесть сію живую повѣсть. Всѣхъ же лицъ въ цѣломъ соборѣ слишкомъ двѣ тысячи; отцы наши хотѣли, чтобы вся торжествующая на небесахъ Церковь призирала на молитву воинствующей на землѣ. Когда же откроются царскія двери, которыя выражаютъ, иконою Благовѣщенія и Евангелистовъ, радостную вѣсть о нашемъ спасеніи, то и на стѣнахъ алтаря представятся лики Святителей, тамъ гдѣ приносили они безкровную жертву, и сія самая жертва изображена въ таинственныхъ видахъ. Такова священная полнота соборнаго храма. »

Митрополитъ остановился на минуту, чтобы собраться мыслію и словомъ, и потомъ опять продолжалъ:

« Какъ сіи четыре столпа подпираютъ своды церковные, такъ и Церковь Россійская имѣетъ свои четыре живые столпа: Петра, Алексія, Іону и Филиппа, которые здѣсь положены краеугольными камнями собору, кромѣ однакоже Алексія; онъ замѣненъ двумя своими преемниками Кипріяномъ и Фотіемъ. Въ сѣверной части алтаря Вы поклонитесь мощамъ Петра

Чудотворца, который перенесъ изъ Кіева и Владиміра престолъ Митрополіи въ Москву и чрезъ то сдѣлалъ ее столицею; онъ же предсказалъ и грядущую славу ея Государей, и потому каждый ихъ великій подвигъ есть какъ бы торжественный аминь на слова Святителя. Съ нимъ рядомъ преемникъ его Θеогностъ, Грекъ родомъ, поддержавшій достоинство и права Церкви въ Россіи и въ Ордѣ, гдѣ едва не пострадалъ за нихъ. Великій Митрополитъ Алексій, управлявшій княженіемъ въ младенчество Донскаго, одинъ изъ лучшихъ мужей государственныхъ и Пастырей, какихъ имѣли отечество и Церковь, избралъ себѣ мѣстомъ вѣчнаго покоя Чудовъ монастырь, свое строеніе. Позади насъ, въ юго-западномъ углу собора почиваютъ два Митрополита, знаменитые строгою жизнію и глубокимъ ученіемъ, Кипріянъ и Фотій, первый же еще и правительственною мудростію, ибо онъ умѣлъ содержать въ союзѣ церковномъ Русь и Литву, послѣ него распавшіяся. Въ противоположной сторонѣ чудотворецъ Іона, блюститель отечества въ смутныя времена Темнаго; а у южныхъ вратъ собора Св. Филиппъ Митрополитъ, не убоявшійся въ этомъ самомъ храмѣ обличать Грознаго. »

Его Высочество спросилъ тогда о начальномъ основаніи собора; Митрополитъ отвѣтствовалъ:

« Іоаннъ Калита заложилъ здѣсь каменную

церковь, по просьбѣ Петра Митрополита, который хотѣлъ, чтобы въ престольной Москвѣ, былъ храмъ во имя Успенія Божіей Матери, подобно какъ въ двухъ древнихъ столицахъ Кіевѣ и Владимірѣ, праздновавшихъ день сей, и самъ заложилъ себѣ гробницу въ стѣнѣ новой церкви. Когда же стала приходить она въ ветхость, при Митрополитѣ Филиппѣ I-мъ, Великій Князь Іоаннъ III приступилъ къ строенію другаго собора на мѣсто ветхаго, но неопытность зодчихъ была причиною паденія его сводовъ. Мудрый Государь выписалъ нарочно изъ Италіи искуснаго художника Аристотеля, который соединилъ вкусъ Византійскій съ Готическимъ и примѣняясь къ знаменитому Владимірскому собору Боголюбскаго, соорудилъ Успенскій въ такомъ видѣ, въ какомъ существуетъ донынѣ. Но воздвигаемый въ большемъ размѣрѣ, онъ включилъ въ своемъ объемѣ три малыя отдѣльныя церкви, которыя замѣнены придѣльными: древнѣйшая Димитрія Солунскаго, гдѣ погребенъ братъ Калиты, Георгій Московскій; другая на память поклоненія веригъ Апостола Петра, нынѣ во имя верховныхъ Апостоловъ, въ сѣверной части алтаря, гдѣ гробъ самаго Петра Митрополита ; третія, основанная Святителемъ Іоною, ради избавленія отъ нашествія Татарскаго, въ похвалу Богоматери, устроена теперь въ одной изъ главъ соборныхъ надъ ризницею. Іоанномъ сооружены и два другіе

собора, Архангельскій и Благовѣщенскій, на площади Кремлевской; всѣ три стоятъ какъ три вѣнца: въ Успенскомъ пріемлютъ Цари священное мvропомазаніе и вѣнецъ Мономаховъ, въ Благовѣщенскомъ ожидалъ ихъ радостный вѣнецъ брачный, въ Архангельскомъ иной вѣнецъ смерти, который для нѣкоторыхъ обратился въ сіяніе небеснаго вѣнца. »

Государь Наслѣдникъ спросилъ еще, кто первый вѣнчался на царство въ этомъ соборѣ? »

« Если слѣдовать порядку лѣтописному, отвѣчалъ Митрополитъ, то должно упомянуть о Василіи Темномъ, ибо до него всѣ Великіе Князья поставлялись во Владимірѣ; впрочемъ этаго нельзя называть еще вѣнчаніемъ, а только возведеніемъ на царство и не по чину церковному Посолъ Ханскій посадилъ Темнаго на древнее Великокняжеское мѣсто, которое стоитъ у южныхъ вратъ собора и слыветъ Мономаховымъ, ибо на деревѣ его довольно грубо вырѣзаны подвиги ратные сего Государя. Но память Темнаго не должна смущать посреди настоящаго величія; напротивъ она придаетъ ему только большій блескъ. Намъ осталось здѣсь и другое, болѣе свѣтлое воспоминаніе о томъ же Князѣ Василіѣ; онъ остановилъ предателя Митрополита Исидора, дерзнувшаго возгласить съ амвона союзъ Флорентинскій и покорность Риму, и спасъ

православіе; можетъ быть и древній соборъ Успенскій не устоялъ и замѣненъ новымъ, чтобы совершенно очистился отъ измѣны лжепастыря, коей былъ невольнымъ свидѣтелемъ. Здѣсь же рукою дѣда Іоанна III вѣнчанъ отрокъ Димитрій, заключенный потомъ происками Великой Княгини Софіи; но первое настоящее вѣнчаніе царское, было Іоанна IV, во дни его славы и благоденствія Россіи, когда вмѣстѣ съ вѣнцемъ Мономаха онъ принялъ и титулъ Царя; Митрополитъ Макарій совершалъ надъ нимъ торжественное вѣнчаніе, которое послужило образцемъ для всѣхъ послѣдующихъ, но съ присовокупленіемъ священнаго мvропомазанія; впервые принялъ оное благочестивый сынъ Іоанна Ѳеодоръ, и должно предполагать, что сіе важнѣйшее дѣйствіе опущено отцемъ его по невѣдѣнію; ибо самый чинъ вѣнчанія, былъ уже позже къ нему присланъ отъ Цареградскаго Патріарха Іоасафа, вмѣстѣ съ замѣчательною благословенною грамотою, которою признавалъ его Царемъ, соборно, со всею Восточною Церковію, какъ родственника древнихъ Императоровъ Греческихъ. »

« Теперь обратите вниманіе на нижній рядъ мѣстныхъ иконъ, великолѣпно украшенныхъ какъ предметы ближайшаго чествованія; мы подойдемъ къ каждой изъ нихъ, ибо каждая, кромѣ святыни, имѣетъ еще занимательность историческую, а всѣ вмѣстѣ онѣ выражаютъ мысль

единодержавія, образовавшагося изъ системы удѣловъ; всѣ почти перенесены изъ удѣльныхъ княженій, по мѣрѣ ихъ покоренія и сліянія въ одно цѣлое. Глубока была мысль — соединить въ общемъ святилищѣ мѣстную святыню городовъ; народы, разставаясь съ своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія; сердце ихъ какъ бы отходило туда за иконою и родовое къ ней усердіе служило лучшимъ залогомъ вѣрности. Такъ изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска, собрался священный сей иконостасъ. »

« Его Высочество приблизился вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Филаретомъ къ иконостасу, и Митрополитъ, указывая на образъ Пречистыя Дѣвы, сказалъ:

« Вотъ чудотворная славная икона Владимірскія Божія Матери, писанная Св. Евангелистомъ Лукою, принесенная изъ Царьграда Князю Андрею Боголюбскому. Подъ сѣнію позлащеннаго кіота, нельзя различить ея высокаго письма, но я часто утѣшаюсь онымъ во время крестныхъ ходовъ, особенно если солнце озаряетъ священный ликъ. Когда Тамерланъ двинулся на Россію и уже дошелъ до Ельца, и сынъ Донскаго Вел. Князь Василій, готовился къ защитѣ, — тогда Митрополитъ Кипріянъ послалъ во Владиміръ за иконою Владычицы и со всею столицею прибѣгнулъ къ ея покрову. На томъ

мѣстѣ, гдѣ ее встрѣтили, воздвигнутъ монастырь Срѣтенскій, и въ день ея прихода обратился вспять Тамерланъ; съ тѣхъ поръ Церковь празднуетъ крестнымъ ходомъ 26 Августа. »

« 26 Августа! повторилъ быстро Великій Князь, это день Бородинскаго сраженія: какое стеченіе воспоминаній! »

Я замѣтилъ Его Высочеству, что въ тотъ же самый день и Тохтамышъ раззорилъ Москву, послѣ Мамаева побоища, и что вообще мѣсяцы Августъ и Сентябрь особенно памятны подобными событіями для столицы: — Поляки 1610 года и Французы 1812 взошли въ нее въ Сентябрѣ.

Съ благоговѣніемъ приложился Цесаревичъ къ чудотворной иконѣ, и пожелалъ знать, какъ спасена она отъ нашествія Французовъ?

« Въ томъ же Владимірскомъ соборѣ, откол лѣ нѣкогда пришла спасти Москву, нашла она опять себѣ пристанище, отвѣчалъ Митрополитъ. Когда увозили изъ Кремля священную утварь соборовъ и Патріаршую ризницу, здѣсь нельзя было ни до чего коснуться, ибо народъ безпрестанно толпился около сихъ священныхъ залоговъ; ночью за нѣсколько часовъ только до вступленія непріятеля, Преосвященный Августинъ послалъ тайно взять иконы Иверскую и Владимірскую и съ ними выѣхалъ изъ столицы; прочія же всѣ

иконы утратили свои богатые оклады и украшены вновь усердіемъ гражданъ. »

« Тогда Митрополитъ указалъ по правую сторону царскихъ дверей, мѣстный образъ Спасителя, присланный изъ Царьграда Императоромъ Мануиломъ въ Новгородъ, и взятый Іоанномъ Грознымъ изъ Софійскаго собора, на память совершеннаго покоренія сей древней независимой области. Подлѣ икона Успенія Божіей Матери, писанная святымъ Петромъ Митрополитомъ, и другая Благовѣщенія, взятая также Іоанномъ изъ великаго Устюга, гдѣ славилась чудесами: къ ней прибѣгая преподобный Прокопій Устюжскій, отклонилъ отъ своего города страшную тучу, и не остыло доселѣ усердіе Устюжанъ къ древней своей иконѣ; послѣ 1812 года они обложили ее опять богатою ризою. Образъ Псковской Божіей Матери, прежде бывшій надъ южными дверями, теперь въ алтарѣ, но подлѣ сихъ дверей замѣчательна икона Св. Димитрія Селунскаго, Ангела Донскаго Князя, писанная на гробовой доскѣ Великомученика. »

« Теперь мы перейдемъ на лѣвую сторону иконостаса, сказалъ Митрополитъ; вотъ подлѣ Владимірской другая Греческая икона Спасителя; нѣсколько далѣе есть еще ей подобная, принесенная изъ Владиміра Вел. Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, при Митрополитѣ Варлаамѣ, который написалъ своего Ангела Св. Варлаама

Хутынскаго у ногъ Христовыхъ. Тотъ же Государь поставилъ здѣсь икону Богоматери Смоленскія Одигитріи, взятую имъ изъ покореннаго Смоленска, но граждане испросили ее обратно и въ память ея торжественнаго провожанія основанъ монастырь Новодѣвичій. »

Вслѣдъ за Митрополитомъ Великій Князь взошелъ въ придѣльную церковь Петра и Павла, смѣжную съ большимъ алтаремъ, и поклонился мощамъ Чудотворца Петра. Надъ гробомъ его преемника Ѳеогноста, Преосвященный Филаретъ показалъ изваянную изъ камня икону Великомученика Георгія, которая по преданіямъ принесена изъ Рима; судя по Латинской надписи, она посвящена Константину Великому, и можетъ быть подъ видомъ Георгія, поражающаго змія и спасаемой имъ Царевны, хотѣли изобразить избавленіе Церкви отъ гоненій, равноапостольнымъ Царемъ. Еще три иконы Божіей Матери привлекли вниманіе Цесаревича: Влахернская, слѣпленная изъ воскомастики, которую получилъ съ Востока Царь Алексѣй Михайловичь; другая мѣстная въ придѣлѣ,—на ней изображена Пречистая Дѣва съ ликами Россійскихъ угодниковъ, и подпись ея показываетъ, что она была украшена чиновниками царскими, за спасеніе отъ бѣдъ, вѣроятно отъ мятежей Стрѣлецкихъ; наконецъ третія икона надъ жертвенникомъ большаго алтаря, называемая Петровскою, писана Св. Петромъ

Митрополитомъ и вынесена нѣкогда изъ загорѣвшагося собора Святителемъ Филиппомъ первымъ.

Тогда Митрополитъ ввелъ Государя Наслѣдника во внутренность алтаря и остановился съ нимъ за престоломъ, подъ сѣнію трехъ большихъ крестовъ, слывущихъ Корсунскими, по преданію, которое говоритъ, что Св. Владиміръ перенесъ ихъ изъ покоренной Корсуни въ Кіевъ, оттолѣ же перешли они во Владиміръ и Москву. На престолѣ стоялъ золотой ковчегъ, изображающій гору Синайскую, великолѣпный даръ Князя Таврическаго, слитый имъ изъ золота Валахскаго; Преосвященный Филаретъ вынулъ изъ подножія ковчега акты о наслѣдіи престола и вручилъ ихъ Его Высочеству. — Это была одна изъ самыхъ торжественныхъ минутъ; посреди общаго безмолвія, громко читалъ Великій Князь отреченіе покойнаго Цесаревича и трогательный манифестъ Императора Александра, коимъ примѣняя къ настоящему случаю порядокъ престолонаслѣдія, свидѣтельствуетъ свои отеческія заботы о Россіи, и все сіе происходило въ святилищѣ того храма, гдѣ Цари наши пріемлютъ предъ лицемъ Божіимъ обширнѣйшее въ мірѣ наслѣдіе — Россію.

Богатая ризница Успенскаго собора, которая была вся спасена отъ непріятеля, ожидала посѣщенія Великаго Князя. Тамъ между драго-

цѣнными пеленами, блюдами Годунова, дарохранительницами Грознаго, великолѣпнымъ Евангеліемъ Царицы Наталіи Кириловны, всѣхъ ближе были родственному сердцу Его Высочества, сосуды Императрицы Маріи Ѳеодоровны, подножія коихъ она сама точила изъ слоновой кости.

Я сказалъ Великому Князю, что въ ризницѣ хранится сокровище, подобное святой ампулѣ Реймса, — яшмовый сосудъ, изъ коего помазываютъ мvромъ при вѣнчаніи на царство. По древнимъ преданіямъ онъ принадлежалъ еще Кесарю Августу, перешелъ изъ Рима въ Византію, и оттолѣ присланъ Императоромъ Алексіемъ Комниномъ Владиміру Мономаху, вмѣстѣ со святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ. Великій Князь пожелалъ видѣть сосудъ сей и принялъ его изъ рукъ осмидесятилѣтняго старца, отца Іакова, Протопресвитера Успенскаго Собора. Такъ древнее величіе Рима соединилось съ настоящимъ не уступающимъ ему величіемъ Россіи.

Изъ ризницы не восходили мы выше въ придѣльную церковь Похвалы Божіей Матери, что въ куполѣ, гдѣ заключались Епископы наши, для выбора Патріарховъ; но южными дверями алтаря вышли опять, въ соборъ къ мощамъ Святителя Филиппа. Великій Князь воздалъ ему благоговѣйное поклоненіе; память его

великодушной твердости тронула всѣхъ въ виду его гроба; Жуковскій, полагая, что Святитель остановилъ Грознаго въ дверяхъ храма, спросилъ меня: въ которыхъ? но я указалъ на то Патріаршее мѣсто, гдѣ стоялъ Филиппъ, устремивъ взоры на икону Эммануилова Спаса, и повторилъ его замѣчательныя слова. Тогда, увидѣвъ на этомъ мѣстѣ посохъ Петра Чудотворца, вспомнилъ слышанное въ обители Новаго Іерусалима, о Патріархѣ Никонѣ, какъ пришедши ночью въ соборъ Успенскій, взялъ онъ сей посохъ и послалъ къ Царю письмо о своемъ видѣніи.

А между тѣмъ Великій Князь приблизился къ гробамъ Патріаршимъ: отъ Мономахова престола у южныхъ вратъ и до западныхъ мѣсто ихъ покоя. Митрополитъ подвелъ сперва Его Высочество ко гробу первопрестольника Іова и помянулъ его торжественное избраніе Царемъ Ѳеодоромъ и горькое низложеніе Лжедимитріемъ, бѣдствія отечества, которыхъ онъ былъ свидѣтель, и твердость, съ какою отвергалъ самозванца; потомъ Преосвященный указалъ издали на гробъ его преемника, великодушнаго Гермогена, мученика за вѣру и царство, и подошелъ съ Цесаревичемъ къ священной гробницѣ его предка Патріарха Филарета. Съ умиленіемъ склонился на нее юный Романовъ, глубокое молчаніе водворилось въ храмѣ: —это была безмолвная

бесѣда родоначальника съ цвѣтущимъ потомкомъ, тайное благословеніе Первосвятителя и отца Царей сыну Царя.

У ногъ святыхъ Митрополитовъ Кипріяна и Фотія, и возлѣ мѣднаго шатра сооруженнаго имъ для ризы Господней, возлегъ Филаретъ Никитичъ и первый обновилъ, своимъ прахомъ, усыпальницу Патріаршую въ Успенскомъ соборѣ; два его предмѣстника, Іовъ и Гермогенъ, сперва погребены были, одинъ въ Старицѣ, другой въ Чудовѣ. Царь Алексѣй Михайловичь, внявъ совѣту Никона, собирателя великихъ мужей, перенесъ ихъ въ соборъ и даже послалъ въ монастырь Соловецкій за мощами Св. Филиппа; такимъ образомъ нарушился лѣтописный порядокъ гробницъ: Филаретъ, будучи третьимъ, занялъ старшее мѣсто и подлѣ него кроткій его преемникъ Іоасафъ; а первопрестольникъ Іовъ легъ уже послѣ нихъ, и у ногъ его испросилъ себѣ мѣсто Патріархъ Іосифъ, когда самъ, предчувствуя свою близкую кончину, погребалъ здѣсь перенесенныя изъ Старицы мощи Іова. А вдоль западной стѣны, отъ гроба Гермогенова, не прерывается могильный порядокъ, и по годамъ расположены четыре преемника Никона: Іоасафъ II, Питиримъ, Іоакимъ, бодрый пастырь во время смутъ Стрѣлецкихъ, и наконецъ послѣдній Адріанъ, заключившій собою рядъ великихъ Іерарховъ.

Подъ сѣнію мѣднаго, искусно изваяннаго шатра Филаретова, расказывалъ Митрополитъ Великому Князю, какъ принесена была въ даръ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и Патріарху отцу его, честная риза Господня, которую Шахъ-Аббасъ Персидскій взялъ изъ Мцхетскаго собора, въ завоеванной имъ Грузіи, и что нынѣ часть ея хранится въ алтарѣ вмѣстѣ со святымъ гвоздемъ и иными святыми мощами, часть же въ Петербургскомъ придворномъ соборѣ. Его Высочество вспомнилъ, что при крещеніи каждаго Императорскаго младенца, полагаютъ ему въ крестъ малую частицу отъ ризы Господней; такъ простирается благословеніе Патріаршее на все его потомство.

Когда вышли изъ шатра, я произнесъ имя Гермогена и указалъ на стоящій подлѣ гробъ его; при этомъ славномъ имени съ живымъ участіемъ остановился Цесаревичъ: гробъ сей одинъ оставленъ поверхъ помоста, когда всѣ прочіе опущены въ землю; такъ поставилъ его Патріархъ Никонъ, и не долженъ былъ укрываться столь великій страдалецъ въ нѣдрахъ спасенной имъ земли: ему есть мѣсто въ сердцѣ каждаго Русскаго.

Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія простерся Великій Князь предъ чудотворными мощами Святителя Іоны и долго смотрѣлъ на его нетлѣнную руку; онъ еще прежде слышалъ, что

нѣкое страшное видѣніе ужаснуло святотатныхъ враговъ у сей цѣлебной раки, и что послѣ нихъ Чудотворецъ обрѣтенъ былъ съ поднятою, какъ бы грозящею рукою, а его богатая серебреная рака и самый при ней подсвѣчникъ остались неприкосновенными. Отрадно было слышать сіе священное преданіе, надъ гробомъ Святителя, изъ самыхъ устъ Великаго Князя, и видѣть, какъ близка его сердцу отечественная святыня. Чудное по истинѣ событіе! не уже ли въ самомъ дѣлѣ Французы не могли распознать металла раки, когда отдирали они и мѣдные листы со стѣнъ собора, и самый крестъ Ивана Великаго имъ показался золотымъ? Преосвященный Августинъ, нѣсколько дней спустя послѣ удаленія непріятеля, ночью въ сопровожденіи немногихъ высшихъ сановниковъ, взошелъ въ Успенскій соборъ съ робостію, опасаясь взрыва: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!»— произнесъ онъ въ западныхъ дверяхъ храма, и первая, открылась его взорамъ, посреди общаго запустѣнія, — уцѣлѣвшая рака съ почіющимъ въ ней Святителемъ, а вокругъ нее широко очищенный помостъ; остальная же часть храма исполнена поруганіемъ: горны стояли около стѣнъ для плавки металла, количество коего даже было написано мѣломъ на царскомъ мѣстѣ, 325 пудовъ серебра и 18 золота; вмѣсто огромнаго серебрянаго паникадила въ 113 пудъ, пожертво-

ваннаго Бояриномъ Морозовымъ, спускались со свода огромные вѣсы; ободранныя иконы были разсѣяны по полу и между ними разставлены, какъ бы въ посмѣяніе, трофеи рыцарскіе изъ оружейной палаты, панцыри, щиты и шлемы; похищены богатыя раки Митрополитовъ Петра и Филиппа, и по чудному Промыслу, мощи перваго съ тѣхъ поръ открыты, мощи же Св. Филиппа положены были на обнаженной доскѣ престола; и посреди сихъ ужасовъ святотатства, серебреная рака и даже подсвѣчникъ святаго Іоны остались невредимы! — мимо его какъ бы вчуждѣ протекла страшная буря, бушевавшая по всему собору и не дерзнула нарушить вѣчнаго покоя Святителя. Какъ объяснить столь дивное событіе, если не воздвигшеюся рукою Чудотворца? « Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! » воскликнулъ еще разъ пораженный симъ явленіемъ Августинъ, и со слезами восторга, вмѣстѣ со всѣми окружавшими, припалъ къ чудотворнымъ мощамъ.

Митрополитъ указалъ тутъ же Его Высочеству хоругви Спасской церкви, данныя симъ замѣчательнымъ Пастыремъ, вмѣсто знаменъ, одному изъ полковъ славнаго ополченія 1812 года, и обратилъ вниманіе на большую икону Тихвинскія Божія Матери, которую въ другія смутныя времена отечества, послѣ Самозванцевъ, полномочные Русскіе отдавали Шведскимъ, въ залогъ

вѣрности, при заключеніи Столобовскаго мира. Такъ, отъ мощей Святителя Іоны, мимо четырехъ гробницъ Митрополитовъ Геронтія и Симона, свидѣтелей славныхъ дней Іоанна III, и Аѳанасія, бывшаго духовникомъ Грозному, и вѣнчавшаго его Макарія, Великій Князь вышелъ въ сѣверныя врата изъ Успенскаго собора, исполненный его минувшимъ и самъ обѣщая столько будущаго Россіи.

ПАТРІАРШАЯ РИЗНИЦА.

Напротивъ Успенскаго собора находится древняя Патріархія, нынѣ Сѵнодальное зданіе, съ церковью двѣнадцати Апостоловъ и придѣломъ нерукотвореннаго образа. — Здѣсь встрѣтилъ Его Высочество Архіепископъ горы Ѳавора Іерооеій, присланный за милостынею отъ Патріарха Іерусалимскаго. Въ обширной Крестовой палатѣ, гдѣ

совершается вареніе Св. мура, расказывалъ Митрополитъ, какъ въ древніе годы соединялись въ ней Соборы церковные и Патріархи наши принимали Первосвятителей Греческихъ; здѣсь же послѣ произвольнаго удаленія Никонова, Вселенскіе Патріархи призывали его на судъ. Далѣе взошелъ Цесаревичь въ присутственную залу Московской Сунодальной конторы, гдѣ на время коронацій засѣдаетъ и Святѣйшій Сунодъ. По выходѣ изъ Крестовой палаты, мы поднялись, узкою витою лѣстницею, въ Патріаршую ризницу и библіотеку, которыя заключаются въ двухъ тѣсныхъ покояхъ, — бывшей трапезѣ Патріарха Никона и его домовой церкви, во имя Апостола Филиппа, гдѣ еще видно противъ алтаря, каменное Патріаршее мѣсто; прочія же смѣжныя его келліи занимаетъ теперь ризничій, блюститель сей сокровищницы.

Исчислить все, что въ ней находится, не возможно въ краткихъ словахъ; одна библіотека, кромѣ книгъ и хартій, собранныхъ изъ монастырей Никономъ, заключаетъ въ себѣ и то богатство рукописей Греческихъ, которое привезла изъ Византіи и Италіи Царевна Греческая Софія. Несчастный страдалецъ, инокъ Максимъ Грекъ, вызванный нарочно для ихъ разбора, съ горы Аѳонской, сыномъ Софіи, Великимъ Княземъ Василіемъ, воскликнулъ при видѣ сего хранилища, что нигдѣ въ Европѣ онъ не видалъ

подобнаго; и хотя теперь уже многаго нѣтъ, но еще остались нѣкоторые драгоцѣнныя письмена первыхъ вѣковъ Христіанства, коимъ недавно удивлялся ученый професоръ Маттей, составлявшій каталогъ.

При входѣ въ ризницу представились самые дорогіе предметы: саккосъ Св. Петра Митрополита, омофоръ, такъ называемый шестаго Вселенскаго собора, а по преданіямъ принадлежавшій, еще во времена перваго, Николаю Чудотворцу; клобукъ перваго Патріарха Всероссійскаго Іова, другой бѣлый клобукъ Никона, древней формы въ видѣ скуфьи, съ жемчужнымъ деисусомъ на челѣ, и такимъ же изображеніемъ трехъ Святителей Московскихъ и трехъ Вселенскихъ на воскрыліяхъ, и съ яхонтовымъ крестомъ, воздвигнутымъ на вершинѣ. Отъ сего перваго шкафа, кругомъ всей палаты, развѣшаны саккосы и омофоры всѣхъ Митрополитовъ, начиная съ Ѳеогноста, и всѣхъ Патріарховъ, кончая Адріяномъ; но нѣтъ межь ними великолѣпнѣе Никоновыхъ, какіе дарилъ ему Царь Алексѣй Михайловичь; отъ тяжести драгихъ каменьевъ и жемчуга одинъ вѣситъ болѣе пуда; такая же пышность замѣтна въ его митрахъ, посохахъ, панагіяхъ; напротивъ того большая простота въ его домашней одеждѣ, которая необыкновенна только своею длиною и показываетъ большой ростъ Святителя; оригинальна его бѣлая

пуховая шляпа, одна только забытая въ ризницѣ во время нашествія непріятеля ; Французы сняли съ нее обветшалый галунъ, вѣроятно однакоже не на память Патріарха.

Преосвященный Филаретъ показалъ Великому Князю, самый любопытный изъ всѣхъ саккосовъ, принесенный Фотіемъ Митрополитомъ изъ Царьграда; до 70,000 жемчужныхъ зеренъ унизываютъ сіе облаченіе, на коемъ вышиты лики Императора Іоанна Палеолога и супруги его Анны, сестры Великаго Князя Василія Дмитріевича, самаго Василія, Фотія и Патріарха Нила; вокругъ саккоса вышитъ также золотомъ весь символъ вѣры по-Гречески и онъ послужилъ Патріарху Никону образцемъ для исправленія Русскаго; этотъ одинъ саккосъ можетъ уже дать понятіе о прочихъ сокровищахъ.

На срединѣ другой палаты, т. е. самой церкви Апостола Филиппа, которой всѣ стѣны уставлены книгами библіотеки, возвышалась пирамида серебренныхъ блюдъ, чашъ, кубковъ, сосудовъ, вся домашняя утварь Патріарховъ, составленная изъ даяній Царскихъ; съ четырехъ сторонъ сей пирамиды стояли двѣнадцать большихъ серебренныхъ сосудовъ, вкладъ Императора Павла, наполненныхъ святымъ мvромъ, (оно отселѣ разсылается во всѣ Епархіи); а на самомъ престолѣ стоялъ драгоцѣнный алавастръ, въ коемъ при таинственномъ освященіи новаго

мvра, всегда хранятся остатки прежняго, дабы никогда не изсякъ священный его источникъ. Преданіе говоритъ, что алавастръ сей есть тотъ самый, коего мvро излила Магдалина на ноги Іисусовы, и хотя нѣтъ вѣроятности исторической въ этомъ преданіи, подобно какъ нѣтъ ее и въ другомъ о Кесаревой чашѣ, служащей для мvропомазанія; но оба вмѣстѣ показываютъ какую глубокую мысль искони присоединяла Церковь къ священному мvропомазанію Царей нашихъ:— высшій идеалъ величія древняго міра, всегда олицетворяемый въ средніе вѣка, Августомъ Римскимъ, и благодать текущую отъ самыхъ ногъ Спасителя, вмѣстѣ съ слезами умиленія мvроносицы.

Драгоцѣнные древніе кресты, съ частицами святыхъ мощей, принесенные изъ Греціи, панагія чудотворца Петра, перстень Святителя Алексія, подаренный ему Ханомъ Чанибекомъ за исцѣленіе супруги Тайдулы, панагія и посохъ Іова, часы и посохи Филарета и вещи прочихъ Патріарховъ, портретъ Адріана и другой неизвѣстный, который можетъ быть Филаретовъ, или какъ предполагаютъ одного изъ Восточныхъ Патріарховъ, судившихъ Никона, все сіе, вмѣстѣ съ древними хартіями, постепенно привлекало взоры Его Высочества; но отъ такого множества предметовъ и воспоминаній, стѣсненныхъ въ малой храминѣ, все наконецъ безъ различія

сливалось въ памяти въ одно необъятное цѣлое, которое подавляло самое вниманіе.

Въ келліяхъ Никоновыхъ, простился Великій Князь съ Митрополитомъ и благодарилъ его за любопытное указаніе святыни Московской, въ теченіе многихъ дней; Преосвященный Филаретъ въ свою очередь излилъ чувства глубокой благодарности за то милостивое обращеніе, какимъ почтилъ его Великій Князь, и здѣсь они разстались. — Оставалось еще осмотрѣлъ Его Вычеству, Теремныя церкви и соборъ Спаса на бору.

ТЕРЕМНЫЯ ЦЕРКВИ.

Начали съ часовни Печерской, которая устроена позади церкви Положенія ризы Богоматери во Влахернахъ, и Великій Князь поднялся по высокой лѣстницѣ, чтобы приложиться къ чудотворной иконѣ; она находится въ углубленіи бывшаго церковнаго окна, и по давнему

преланію никто не долженъ проходить мимо, не воздавъ ей должнаго поклоненія. Четыре Московскіе Святителя, Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, изображены по сторонамъ Богоматери, а подлѣ нихъ Антоній и Ѳеодосій Печерскіе; лики угодниковъ объясняютъ лѣтопись иконы, коей священный подлинникъ хранится въ самой церкви. Какъ домовая Митрополитовъ Кіевскихъ и всея Руси, икона Печерская странствовала съ ними, изъ Кіева во Владиміръ и потомъ въ Москву, гдѣ утвердился престолъ ихъ. Когда дворъ Петра Чудотворца, бывшій у Боровицкихъ воротъ при церкви Предтечи, перенесенъ ближе къ собору Успенскому, и въ память избавленія Москвы отъ Татаръ, сооружена Митрополитомъ Іоною, домовая церковь Положенія ризы Владычицы, нѣкогда также спасшей Царьградъ отъ нашествія, тогда и священная икона перешла въ новое жилище Святителей, а два ея древніе Кіевскіе блюстителя, Игумены Антоній и Ѳеодосій, смиренно уступили мѣста свои подлѣ Богоматери двумъ новымъ прославленнымъ Митрополитамъ, Петру и Алексію. Когда же Царскій теремъ заступилъ мѣсто келлій Митрополичьихъ и пристроился къ самой ихъ церкви, тогда умножилось усердіе Великихъ Князей къ иконѣ Печерской, написанной надъ западными вратами храма, лицемъ къ терему, ибо она сдѣлалась уже ближайшею его хранительницею, и два

другихъ Святителя, вновь причтенные къ лику Святыхъ, Іона и Филиппъ, стали еще между двумя первыми Митрополитами и двумя Кіевскими отшельниками.

Великому Князю понравилось древнее зодчество церкви Положенія ризъ, тѣсной но высокой; на стѣнахъ ея изображенъ въ лицахъ весь акаѳистъ Божіей Матери, которой нѣкогда воспѣли побѣдную пѣснь избавленные граждане Константинополя, когда отъ погруженія ея ризы возмутились волны и разсыпались суда вражія. Предъ старинным иконостасомъ стоятъ, по обѣщанію Патріарха Іосифа, четыре большія мѣстныя свѣчи, какъ свидѣтельствуетъ надпись; древнія царскія врата вставлены были въ высокое окно, на западной стѣнѣ, позади самой иконы, что въ часовнѣ. Въ такомъ уваженіи всегда былъ сей образъ Печерской Богоматери, что и въ Успенскомъ соборѣ написанъ онъ на горнемъ мѣстѣ; ибо Митрополиты оставивъ сперва колыбель нашего Христіанства, Кіевъ, и потомъ утративъ его совершенно, не хотѣли однакоже отказаться отъ драгоцѣннаго для нихъ титла Кіевскихъ и всея Руси.

При выходѣ изъ сѣверныхъ дверей церкви Положенія ризъ, въ теремныя сѣни, есть крутое крыльцо, спускающееся прямо къ западнымъ вратамъ Успенскаго собора. Здѣсь всегда ходили Царицы и Царевны на молитву, и самые Цари

во дни не торжественные, ибо это было женское отдѣленіе дворца, и первая церковь, которая встрѣчается въ темномъ переходѣ называлась, по описи временъ Царя Ѳеодора, церковью Великомученицы Екатерины, что у Царицы Натальи Кириловны на сѣняхъ; она переименована была ея супругомъ въ память семейной радости. Однажды на соколиной охотѣ, близь Москвы, увидѣлъ онъ во снѣ Св. Екатерину, которая возвѣстила ему рожденіе дочери; изумленный Государь возвращаясь въ столицу, встрѣченъ былъ вѣстію о счастливомъ разрѣшеніи Царицы, и исполненный благодарности основалъ на мѣстѣ явленія женскую Екатерининскую пустынь, а въ теремахъ велѣлъ переименовать бывшую церковь преподобныя Евдокіи въ честь Великомученицы; но чтобы сохранить и престолъ Ангелу своей матери, Царицы Евдокіи Стрѣшневой, устроилъ онъ придѣлъ, вѣроятно въ обширной трапезѣ, нынѣ закладенной, гдѣ также былъ и другой, святаго Онуфрія, на память дня ея рожденія.

Екатерининская церковь называлась и вѣнчальною, потому что въ ней совершались браки Царевенъ и Великихъ Княженъ, которыя не вѣнчались въ соборахъ; древнія иконы святыхъ Евдокіи и Екатерины стоятъ въ ней мѣстными и донынѣ. Сюда прибѣжалъ ночью изъ Успенскаго собора испуганный блюститель Патріаршаго престола, Митрополитъ Іона Ростовскій, къ

Царю Алексѣю Михайловичу съ вѣстію, что во время утренни, Патріархъ Никонъ, съ братіею Воскресенской обители, торжественно вступилъ въ храмъ и сталъ на свое мѣсто съ посохомъ Петра Чудотворца ; сюда же собралъ Государь для совѣта духовенство и бояръ своихъ, которые не дали ему видѣть Патріарха; онъ только принялъ письмо его, гдѣ излагалъ свое видѣніе Никонъ.

Шесть различныхъ Сивиллъ написаны на крылосахъ сей церкви, любимое украшеніе временъ Алексѣя Михайловича, по той мысли, что Сивиллы, хотя и въ язычествѣ, прорицали о Христѣ; для лучшаго слуха вдѣланы въ стѣнахъ кувшины; въ олтарѣ же открывается правое окно, прямо къ Печерской часовнѣ, чрезъ которое Цари наши молились на чудотворную икону Богоматери. Великій Князь не ожидалъ, чтобы часовня сія была такъ близко и, услышавъ что въ теремахъ находится до семи церквей, дивился странному ихъ расположенію въ зданіи, гдѣ многочисленные придѣлы, часовни, палаты, сѣни и переходы, составляютъ одинъ священный лабиринтъ, которому нигдѣ нѣтъ подобнаго.

Слѣдуя далѣе по темному переходу, отдѣляющему церковь и трапезу Св. Екатерины отъ золотой Царицыной палаты, мы вышли въ открытыя сѣни, ведущія въ большую церковь Рождества Богоматери. Она сооружена на мѣсто другой, гораздо древнѣйшей, которую основала

супруга Донскаго Св. Евдокія, въ память побѣды надъ Мамаемъ, одержанной въ праздникъ Рождества Богоматери, и сія первоначальная церковь не давно открыта подъ сводами новой. Два придѣла находились въ верхней, какъ и въ Екатерининской, во имя Маріи Магдалины, Ангела Царицы Маріи Ильинишны, первой супруги Алексѣя Михайловича, и во имя Никиты Столпника, вѣроятно на память дня ея рожденія. Здѣсь, позади праваго крылоса, стояло ея царское мѣсто, съ весьма древнею иконою Іерусалимскія Божія Матери, которую потомъ взяли въ соборъ Успенскій; остались еще двѣ замѣчательныя иконы, Тихвинскія и Ѳеодоровскія Богоматери; послѣдняя была въ большомъ уваженіи у всего дома Романовыхъ, ибо ея священнымъ подлинникомъ, находящимся въ Ипатьевскомъ монастырѣ, умоленъ былъ на царство юный Михаилъ Ѳеодоровичь; но богатый окладъ, пожертвованный Царевною Маріею Алексѣевною, какъ еще о томъ свидѣтельствуетъ подпись, похищенъ непріятелемъ. Въ обширной трапезѣ стояла изразцовая печь съ лежанкою, гдѣ по преданію садились Царицы наши, во время шестинедѣльнаго срока послѣ родовъ, и сквозь отверстое окно въ церковь, могли слушать божественную службу.

Оттолѣ мы перешли, сквозь терема, на противулежащую широкую площадку, съ которой

спускается открытое крыльцо къ Спасу на боръ, а вверхъ идетъ такая же крутая лѣстница къ Спасу золотой рѣшетки; она была прежде совершенно прямою, но закруглена при построеніи новаго дворца. Съ сей площадки величественно подымается, четырьмя ярусами, все оригинальное зданіе узорочныхъ теремовъ, въ прихотливомъ вкусѣ старины собственно Русской, безъ примѣси иноземной. Пестрое для глазъ, давно отвыкшихъ отъ подобнаго зодчества и еще болѣе отъ такихъ украшеній, оно мило и близко сердцу, потому что сейчасъ отзывается чѣмъ-то роднымъ и, увидя его, съ первой минуты невольно скажешь: это наше! Въ нижнемъ ярусѣ обитали Царицы, отъ Грановитой палаты до самой церкви Рождества; надъ ними въ тѣсныхъ низкихъ покояхъ, по обычаю того времени, жили ихъ дочери Царевны. Третій и четвертый ярусы надстроены Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, для сыновей своихъ Іоанна и Алексѣя, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись, но послѣ ранней кончины брата обиталъ тамъ одинъ Алексѣй Михайловичь; вверху одна лѣтняя свѣтлица съ вышкою, для прохлады въ полуденный зной; а въ жиломъ ярусѣ, разбитомъ на многіе покои, еще и доселѣ отличается наружными изваяніями любимое красное окно Царя, подлѣ котораго стоятъ его древнія кресла. Всѣ эти покои, долго бывшіе въ совершенномъ запустѣніи, отдѣланы

теперь внутри съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ, во вкусѣ частію Московскомъ, отчасти Византійскомъ, съ иконною живописью по золоту на стѣнахъ, съ рѣзбою на помостѣ и цвѣтныхъ окнахъ, и съ пышною утварью того вѣка.

Съ площадки любовался Великій Князь красотою теремной архитектуры и обратилъ вниманіе на гербы всѣхъ Россійскихъ княжествъ, изваянные и выкрашенные вдоль узорочнаго фронтона. Надъ входомъ въ сѣни Грановитой палаты сохранились три углубленія для иконъ: Спасителя, Богоматери и Предтечи, составляющихъ обычный деисусъ; подъ ними два крылатые грифона, баснословные стражи недоступныхъ сокровищъ, по обѣимъ сторонамъ Византійскаго двуглаваго орла; — это державная мысль Іоанна III, усвоившаго себѣ гербъ Имперіи. Онъ поставилъ и по другую сторону сѣней Грановитыхъ, съ Краснаго крыльца, — погонь, гербъ Литовскій, также между грифонами; ибо выдавъ дочь свою Елену за Великаго Князя Александра, простеръ мысль и на Литву, отъ коей отторгъ нѣсколько удѣловъ. На малой теремной башнѣ у золотой рѣшетки, замѣтилъ Великій Князь два стѣнные образа: одинъ Успенія Богоматери, другой Софіи Премудрости Божіей, оба на память престольныхъ соборовъ, Кіева, Новгорода, Владиміра и Москвы, празднующихъ Успенію и Св. Софіи; но здѣсь образъ

Софійскій списанъ съ Новгородскаго, а не съ Кіевскаго. Премудрость Божія изображена въ видѣ крылатаго огненнаго Ангела на престолѣ; ибо Пророкъ Исаія называетъ Христа Ангеломъ великаго Совѣта, и чтобы удалить всякое сомнѣніе о значеніи Ангела, самъ Спаситель изображается надъ престоломъ; по сторонамъ же, какъ ближайшія орудія Промысла Божія о мірѣ, предстоятъ Богоматерь, въ коей воплотилась сія Премудрость и Предтеча, первый ея благовѣстникъ и представитель обоихъ завѣтовъ Бога съ человѣками. Въ Кіевѣ та же икона Св. Софіи, написана по подобію Цареградской въ видѣ Богоматери, съ проявляющимся въ лонѣ ея предвѣчнымъ младенцемъ, стоящей въ храмѣ между семью столбами, а по сторонамъ ея, на семи ступеняхъ, семь Пророковъ и сверху надпись: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь.»

По высокому крыльцу золотой рѣшетки, уставленному древними львами Іоанновыми, поднялся Великій Князь въ придворный соборъ Спасскій, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичь принималъ челобитныя изъ рукъ Никона, бывшаго еще Архимандритомъ Новоспасскимъ, и не выходя изъ церкви давалъ рѣшеніе. Одиннадцать золотыхъ главъ вѣнчаютъ соборъ сей съ тремя при немъ церквами; замѣчательны его древнія мѣстныя иконы: Лонгина Сотника, къ которой

съ усердіемъ притекалъ Василій Темный, и оставилъ ее въ наслѣдіе своему роду, Ѳеодора Стратилата, Ангела двухъ нашихъ Царей, и важнѣйшая Нерукотвореннаго образа, принесенная по преданію изъ Греціи Царевною Софіею. Не она ли, быть можетъ, соорудила и соборъ Спасскій за золотой рѣшеткою, надъ великолѣпнымъ дворцемъ своего супруга, на память нерукотвореннаго Спаса, который перенесенъ былъ изъ Эдессы еще въ нераззоренную ея родину Константинополь? — смѣжная придѣльная церковь Предтечи, во имя Ангела Великаго Князя Іоанна, способствуетъ сей догадкѣ.

Надъ нею находится тѣсная Распятская церковь, любимая Царя Алексѣя Михайловича, гдѣ онъ избралъ себѣ уединенное мѣсто для молитвы, предъ большимъ распятіемъ, и окружилъ себя изображеніями страшнаго суда; всѣ иконы вышиты руками дочерей его Царевенъ, письмо же ихъ Италіянское, а не Греческое. Малая дверь ведетъ изъ сей церкви на хоры, расписанные картинами страстей Господнихъ; но сіи хоры принадлежатъ уже другой смѣжной церкви Словущаго воскресенія, которая празднуетъ обновленіе Іерусалимскаго храма. Не было ли это малымъ подобіемъ или воспоминаніемъ Новаго Іерусалима? ибо и здѣсь церковь Распятія, подобно Голгоѳѣ, находится въ верхнемъ ярусѣ церкви Воскресенія, а самый праздникъ обновленія

знаменуетъ, можетъ быть, общій подвигъ Царя и Патріарха при созиданіи обители, по образцу Святаго гроба. Сивиллы изображены на вратахъ церкви; большое паникадило, внутри котораго были часы, виситъ на сводѣ, и древняя икона Полоцкія Божія Матери, взятая Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ изъ завоеваннаго имъ Полоцка, поставлена мѣстною въ иконостасѣ; богатое украшеніе ея похищено Французами.

Съ открытой паперти, окружающей церковь Воскресенія, осматривалъ Его Высочество то мѣсто, откол'ѣ, какъ говорятъ, бросился отчаянный Лжедимитрій, чтобы спастись отъ погони, на Царе-Борисовъ старый дворъ; должно однакоже предполагать, что сіе паденіе совершилось изъ нижняго яруса хотя въ томъ же мѣстѣ. Но древній домъ Годунова, гдѣ онъ такъ пышно жилъ царедворцемъ, и гдѣ такъ бѣдственно погибло его семейство, уже не существуетъ, равно какъ и старый Патріаршій домъ и Троицкое подворье, гдѣ Архимандритъ Діонисій съ Келаремъ Авраміемъ приступили къ избранію Михаила; мѣстность ихъ заняла новая оружейная палата.

Мы спустились отъ золотой рѣшетки въ нижній ярусъ теремовъ, въ золотую палату Царицъ, которая называлась также и Патріаршею; ибо въ ней принимали онѣ Первосвятителей на краю своихъ покоевъ. Палата сія украшена была

Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и оттого написаны въ ней Ангелы его дочерей, и потомъ вторично обновлена въ коронацію Императора Павла. На сводахъ ея изображено: видѣніе побѣдоноснаго креста Царемъ Константиномъ, подобно какъ и въ Грановитыхъ сѣняхъ, и обрѣтеніе животворящаго креста Еленою; крещеніе и подвиги Великой Княгини Ольги; побѣда великомученика Димитрія Селунскаго надъ Батыемъ, въ память явленія на Донской битвѣ, весь синаксарій въ лицахъ первой недѣли великаго поста, о возстановленіи святыхъ иконъ, и легенда о Царицѣ Динарѣ, дочери Иверскаго Царя Александра Мелеха, воевавшей съ Персами. Мѣсто царское должно по обычаю искать въ правомъ красномъ углу подъ деисусомъ и другими иконами. Въ сей золотой палатѣ Царь Казанскій Шигъ-Алей, на колѣняхъ, умолялъ о прощеніи за свою измѣну, гордую мать Іоанна Грознаго Елену; здѣсь же Патріархъ Константинопольскій Іеремія, поставивъ перваго нашего Патріарха Іова, осѣнилъ благословеніемъ супругу Ѳеодора Царицу Ирину, а спутникъ Патріаршій, Архіепископъ Элласонскій Арсеній, описалъ великолѣпіе палаты. Своды ея были покрыты золотомъ и мусіею, окна украшены богатыми завѣсами, полъ устланъ коврами съ изображеніемъ ловлей, серебренная утварь и раззолоченыя ваянія звѣрей и птицъ украшали храмину; на сводѣ висѣлъ

металлическій левъ и держалъ кольцемъ свитаго змія, съ котораго спускались драгоцѣнныя подсвѣчники; пышность царскаго чертога поразила пришельцевъ Византійскихъ.

Изъ золотой палаты малая дверь ведетъ въ темный переходъ къ Екатерининской церкви; вѣроятно не было инаго выхода во внутренніе покои, совершенно отдѣленные отъ пріемныхъ на половинѣ Царицъ; а знаменитыя царскія палаты: золотая, серебренная, подписная, отвѣтная, панихидная, столовая и другія разобраны были за ветхостію въ царствованіе Елисаветы Петровны; теперь на ихъ мѣстѣ новый дворецъ; осталась одна Грановитая палата и предъ нею сѣни, гдѣ у самаго входа изображено не безъ цѣли, видѣніе Іисусомъ Навиномъ Архангела Михаила, который говоритъ ему: « иззуй сапогъ свой, ибо мѣсто сіе свято ; » такъ священно должно быть для каждаго жилище Царей.

Великій Князь посѣтилъ и древнюю церковь Рождества Богоматери, нечаянно открытую подъ теремами, когда проломали ихъ каменный помостъ, для устроенія новаго крыльца. Она складена вся изъ бѣлаго камня, но сводъ надъ алтаремъ обрушился еще въ 1480 году и додѣланъ кирпичемъ ; не это ли было причиною упраздненія церкви, когда воздвигалъ Іоаннъ III свой теремный дворецъ, ибо уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ молчатъ объ ней лѣтописи, и со всѣхъ

сторонъ она застроена какъ въ каменномъ гробу. Неизвѣстно также, гдѣ придѣлъ Воскресенія Лазаря, сооруженный тою же Св. Евдокіею; зодчество церкви напоминаетъ Троицкій соборъ въ Лаврѣ: три длинныя окна въ полукружіи горняго мѣста, два столба по срединѣ, и въ одномъ изъ нихъ углубленіе для царскаго мѣста, а на верху еще видѣнъ Ангелъ страшнаго суда, съ надписью: « Ангелъ Господень трубитъ на землю. » Позади столба другое каменное мѣсто изсѣчено въ стѣнѣ, и въ противоположномъ углу складенъ малый затворъ, гдѣ съ трудомъ можетъ помѣститься одинъ молящійся; послѣ Спаса на бору, это вѣроятно древнѣйшая церковь.

СПАСЪ НА БОРУ.

И въ храмъ Спаса вступилъ Государь Наслѣдникъ. Еще первый Князь Московскій Даніилъ Александровичь основалъ здѣсь въ густомъ бору деревянную церковь Преображенія, на томъ мѣстѣ, гдѣ была хижина отшельника Вуколы, какъ бы въ знаменіе грядущаго преобразованія дикаго бора въ великолѣпную столицу. Сынъ его Іоаннъ Калита заложилъ каменную церковь и перевелъ къ ней, съ Москвы рѣки, первоначальную обитель отца своего, но Великій Князь Іоаннъ III, уже исполненный величіемъ, царскимъ и желая разширить свои палаты, въ самый годъ сверженія ига Татарскаго, перенесъ обитель Спасову на новое мѣсто, и съ тѣхъ поръ оставался здѣсь одинъ соборъ. Іоаннъ Грозный

пристроилъ къ нему придѣлъ трехъ исповѣдниковъ: Гурія, Салмона и Авива, послѣ раззоренія Новгородскаго, ибо такой же находится въ Софійскомъ соборѣ. Были и еще четыре придѣла у Спаса: Великомученика Мины, трехъ Святителей, Архангела Михаила и Спиридона Тримиѳунскаго, но они упразднены. Весьма древни мѣстныя иконы сего собора: съ образомъ Преображенія едва ли не закладывалась самая Москва; а прочія иконы, Срѣтенія Богоматери и Симеона Богопріимца, перенесены изъ бывшаго Срѣтенскаго собора, который воздвигъ Іоаннъ Грозный на сѣняхъ у своихъ дѣтей. Онъ былъ сломанъ въ исходѣ минувшаго столѣтія съ прочею частію теремовъ, простиравшихся отъ церкви Предтечи, что у Боровицкихъ воротъ, кругомъ всѣхъ соборовъ до Николы Голстунскаго.

Его Высочество съ благоговѣніемъ поклонился здѣсь великому просвѣтителю Перми, первому ея Епископу Стефану, и въ краткихъ словахъ я помянулъ его Христіанскіе подвиги: какъ съ юныхъ лѣтъ проникнутый духомъ Апостольскимъ, сложилъ онъ грамоту для языка Пермскаго и одинъ погрузился въ дикіе лѣса, чтобы извлечь изъ мрака язычества народъ, который пріобрѣлъ онъ не только Церкви, но и государству. У гроба столь знаменитаго Пастыря, въ первоначальномъ соборѣ столицы, окончилъ Великій Князь благочестивое обозрѣніе

ея памятниковъ; проникая все глубже въ священную древность, Онъ достигъ наконецъ до основанія, положеннаго ей Княземъ Даніиломъ, сыномъ того Святаго Невскаго, который есть его собственный Ангелъ, и по дивному Промыслу блюдетъ новую столицу Россіи.

ЧУДОВЪ.

Въ день своего отъѣзда, Его Высочество вышелъ, уже въ дорожномъ платьѣ, чтобы еще однажды помолиться въ Чудовѣ монастырѣ, надъ ракою Святителя Алексія, и поднявшись отъ святыхъ мощей, вспомнилъ съ сердечнымъ умиленіемъ, что Императрица Марія Ѳеодоровна положила его, при крещеніи, въ раку къ Чудотворцу. Утѣшительно было слышать изъ

самыхъ устъ Цесаревича о такомъ духовномъ его сближеніи съ великимъ Святителемъ, который издавна привыкъ быть добрымъ пѣстуномъ Великихъ Князей нашихъ, но только двухъ, отечески, принялъ въ свою спасительную раку; — первый изъ нихъ былъ великій младенецъ Петръ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Библиотека
Славянского
института

План Новаго Іерусалима.

1. Св. Гробъ. 2. Придѣлъ Ангела. 3 Гробы Іосифа и Никодима. 4 Прид: Маріи Магдалины. 5 Соборъ Воскресенія. 6 Царская Арка. 7 Главной Олтарь. 8 Церковь Вознесенія. 9 Темница Господня. 10 Придѣлъ Іоакима Сотника. 11 Прид: Св: Андрея Критскаго. 12 Прид: раздѣленія ризъ. 13 Прид: Терноваго Вѣнца. 14 Церковь Царицы Елены. 15 Прид: утоленія печали. 16 Прид: Св: Кириака. 17 Колодезь гдѣ обрѣтенъ Крестъ. 18 Темница Предтечи. 19 Церковь Предтечи подъ Голгоѳой. 20 Гробъ Патріарха Никона. 21 Жалостной путь. 22 Прид: Архан: Михаила и Св: Никона. 23 Святыя Врата. 24 Церковь Маріи Египетскія. 25 Колоколенія съ Прид: всѣхъ Святыхъ. 26 Прид: Св: Николая Чудотворца. 27 Прид: 70ти Апостоловъ.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Murav□ev, Andrej N.,

Putešestvie ko svjatym městam russkim

S[ankt]p[eter]b[urg] 1840

H.mon. 731 k
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10030885-3